

Алексей БЫЧКОВ

Ледовое побоище и другие
«мифы» русской истории

Величие России — не в истории, а в легендах?

АЛЕКСЕЙ
БЫЧКОВ

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ
И ДРУГИЕ «МИФЫ»
РУССКОЙ ИСТОРИИ

МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
Б95

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Агентство «КРПА «Олимп».

Бычков, А.А.

Б95 Ледовое побоище и другие «мифы» русской истории / Алексей Бычков. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 287, [1] с.

ISBN 978-5-17-050850-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-7390-2199-1 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

С.: Ист. библиотечка. (84).

ISBN 978-5-17-051022-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-7390-2203-5 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

С.: Ист. библиотечка. (новая).

Величие нашего народа — в легендах! В России до XVI века почти все общество оставалось безграмотным. Летописи появились лишь в конце XIV века, да и то слабо отражающие историческую деятельность. Это национальная традиция: нас мало заботит, как все было на самом деле. Гораздо более ценно роман-тическое видение нашей (обязательно древней и обязательно великой) истории.

И хотя автор этой книги приводит реальные документы и факты, подтверждающие, что никакого нашествия Золотой Орды не было, Ледовое побоище — всего лишь миф, Иван Сусанин никогда не встречался с поляками, а Фанни Каплан и пальцем не тронула Ленина, многие все равно воскликнут: «Не верю!» Легенда жила, живет и будет жить!

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2008

От автора

История — прошлое, как оно отразилось в записях о нем. Историк может «наблюдать» прошлое только глазами участников, свидетелей или современников происходившего.

Из разнообразных противоречивых сведений мы и пытаемся «слепить» то, что обычно называется «исторической реальностью».

Всякое описание — это результат истолкования разных сообщений по мере разумения, собственно лишь некая интерпретация событий, которые могли происходить в ушедшие времена.

Чаще всего историк пытается «рационально» понять те сообщения, которые он находит в источнике. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что его вовсе не интересует собственно объективная реальность, историка преимущественно интересует смысл происходящего. При этом в общем-то понятно, что наши представления о том, что и как происходило в прошлом, сильно отличаются от того, как это представлялось современникам.

История — это политика, опрокинутая в прошлое. А для политика главное — не истинное, но полезное.

Величие русского народа — в легендах! А кто мы без них? Без легенд! Чем, кроме Истории, каждый из нас может похвастаться?

Наш народ до XVI века оставался бесписьменным обществом. Наше общество не знало исторических традиций, то есть сознательного писания истории. У нас появились летописи лишь в конце XIV века, но летописи почти не отражают историческую действительность. Задача летописцев — вовсе не в беспристрастном описании событий, а в восхвалении Церкви и тех князей, которые именно Церкви и угодны. Для прославления «святых» князей можно пожертвовать и истиной.

Общество никогда не нуждалось в истине. Народное сознание не ощущает в ней потребности и до сих пор. Нам вообще не нужно научно-историческое сознание. Отсюда почти полное отсутствие критического анализа в отношении нашего прошлого. У нашего народа устойчивая национальная традиция — нас мало заботит, как все было на самом деле. Для нас гораздо

более ценно поэтическое, романтическое, целостное видение нашей (обязательно древней и обязательно великой) истории.

Весьма многие прямо отрицают необходимость критического осмысления истории. «Не тронь легенду!» — этого лозунга придерживаются весьма многие.

Вы думаете, написав правду, я смогу разрушить Легенду? Вряд ли! Не было на Руси Рюрика, не было Олега, не было крещения Руси. Ну и что? Все равно Церковь будет утверждать, что 1000 лет назад крестилась Россия (в украинском городе Киеве при украинском князе Владимире) и неважно, что России тогда не было. Важно, что Легенда жила, живет и будет жить!

Апостол, который не крестил Русь Крузиз вокруг Европы

«Повесть временных лет» гласит: «А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп».

Византийское сказание «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян» (XI век) подтверждает тот факт, что нашу страну, населенную в то время мирмидонами, посетил апостол Андрей*.

* Сохранилось предание о Мирмидонах, племени фракийском. «Еак, царь Беотийский, видя царство свое опустошенным моровою язвой, просил Юпитера об отвращении бедствия. В следующую ночь он увидел выходящих из-под старого дуба бесчисленное количество муравьев, которые тотчас же превращались в людей» (С. Ушаков).

«В век апостолов страна наша представляла собой находившуюся за пределами известного мира неведомую и исполненную всевозможными ужасами пустыню. Зачем бы пошел в эту неведомую пустыню апостол Андрей? Он мог пойти в нее, как и во всякую другую подобную пустыню, только тогда, когда бы у него не было дела в черте самого тогдашнего мира и было свободное время ходить по пустыням. Но это, как всякий знает, было вовсе не так. Он не мог иметь никакой надежды утвердить сколько-нибудь прочным образом христианство в совершенно разобщенной с остальным миром варварской и населенной Бог знает кем стране — для чего же предпринимал бы он в нее путешествие? Не для того же, в самом деле, чтобы ставить кресты на необитаемых горах или наблюдать такие случаи, как паренье в банях»*.

Легенда о трех братьях, основателях города Кия

Академик И.Я. Марр в одной из своих статей** приводит армянскую легенду о трех братьях:

«...А причина нахождения названных идолов в этом месте следующая: Деметр и Гисаней были князья индов и братья племенами. Они замыслили против царя своего Динаскея козни, узнав о чем, царь послал за ними с наказом или убить их, или изгнать их из страны. Оказавшись на волосок от смерти, они искали убежища у венценосца Валаршака, и он пожаловал им землю Тарон с правом владеть, где они построили город и назвали его Вишап. Придя затем в Аштшнат, они поставили здесь идолов по именам тех идолов [Деметра и Гисанея], которых они почитали в Индах. Спустя пятнадцать лет (армянский) венценосец убил обоих братьев, не знаю, из-за чего, и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и Хореану, а Куар построил город Куары, и назван был он Куарами по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мел-

* Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. С. 29.

** Известия ГАИМК. Т. 14.

тий; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан.

И по прошествии времен, посоветовавшись, Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев, и построили они там селение и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея*, другого по имени Деметра».

О царе Кие сообщал и Геродот: «...большинство их [скифов] Киаксар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили».

Эта древняя легенда о трех братьях вошла и в славянские легенды.

Западный вариант:

430 год. — Тремя братьями Кыем, Чехом и Хоривом был на Дунае у устья реки Морава заложен град Киев, существующий и до сих пор. Он и ныне стоит там, где стоял, — в Венгрии, и называется у венгров Кеве.

Кый стал родоначальником куявов, Чех (Щек) — чехов, а Хорив — хорват. Чех прожил долгую жизнь и умер в 661 году.

У них был еще один брат — Лех, который пошел на Вислу и там стал родоначальником полян-ляхов.

Летописная легенда:

854 год. — «В лето 6362 бяху три брата, единому имя Кый, второму Щек, а третьему Хорив, а сестра у них бе именем Лыбедь... Беяху же неверни и много тщание имуще к идолом».

Итак, в 854 году появились три брата: Кий, Щек и Хорив, которые вместе с сестрой своей Лыбедью пришли на Украину и поставили малый городок Киевец, как гласит предание. Они же поставили в IX веке и город Киев.

982 год. — «В то время быша в Великом Новгороде три брата кижики Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь. И се братники и с сестрою их люти разбойницы великую пакость новгородцем творяще. Новгородцы же яша их 30 человек, вси храбри и мочни вельми, осудиша их повесити. Кий же с братию своею

*Идол Гисаней стоял «у родника о девяти источников».

моляща князя Ольга со слезами, дабы их отпустил, и обеща-
 таяся ити, иде же несть вотчины и державы.

Олег же умилосердесея над ними, отпусти их. Они же идоша
 от великого Новаграда два месяца и приидоша на реку Непр...
 и нача землю пахать своими руками и славно жить, и к ним
 прихожаху многие и трудихуся тут. И потѣм созда градец, имя
 ему Киевец. В лето 6490 по убиении Кия великий князь Олег
 пришед и заложи град Киев Великий* и по начальному имени
 и» (Рукопись СБ № 908, л. 31 об — 32).

Легенда о трех братьях дошла до нас в главной летописи
 русской Истории — «Повести временных лет».

Академик А.Т. Фоменко и профессор Г.В. Носовский ут-
 верждают, что эта древняя рукопись создана в петровские вре-
 мена, так как написана на французской бумаге XVII века.

Об этом времени создания нашей истории свидетельствует
 и иллюстративный материал.

Так, при описании леген-
 ды о святом Андрее, поста-
 вившем крест на Киевских
 горах, приведен следующий
 рисунок:

Протопоп Аввакум писал:
 «...ну, никониянин, не ты ли
 еси отверг старую истину, жи-

вотворящий трисоставный крест господень и на том месте чет-
 вероконечный иудейский устроил?»

На рисунке именно «четвероконечный»
 никонианский крест свидетельствует о по-
 стниконианском времени создания руко-
 писи.

На ксилографии 1521 года Христос расп-
 пят на старинном трисоставном кресте.

«Как в язычестве у славян образ верхов-
 ного бога нередко сливался с образом бога
 солнца, так и в христианстве, в произведе-
 ниях народного творчества, древний небес-

* На месте Киева до X века существовали три древнейших поселе-
 ния, затем слившиеся. ИИМК. Вып. 1. 1939.

ный бог, а также бог солнца, замещались богом христианским»*.

В XII веке в среде Щецинских славян, обращенных в христианство, по словам Эбона, рядом с христианскими святынями воздвигались и языческие капища, а народ «двоеверно поклонялся и немецкому Богу и прежним богам своих отцов».

Так же обстояло дело и в Московском государстве, в подтверждение чему приведем иллюстрацию из книги Шлейзинга «Религия москвитов».

Московиты поклоняются Хорсу. На заднем плане виден христианский монастырь. Рисунок относится к концу XVII в.

Как доносил в Рим в начале XV в. кардинал д'Эли, «русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение».

Прежде всего, под влиянием языческой мифологии весь мир оказывался ангелохраняемым.

Ангелы, согласно летописцу, приставлены ко всякой «твари»: есть ангелы облаков и мглы, снега и грозы, зимы и осени, весны и лета, — словом, состоят они при каждой вещи, где бы ни находились: на земле, небесах или в тайной бездне. Также ангел, замечает он, приставлен к каждой земле, чтобы охранял эту землю, хотя бы она была и «поганая». Следовательно, ангелы блюдают все страны — и христианские, и языческие.

«Во время Оно «кадили Ваалу, Солнцу, и Луне, и созвездиям, и всему воинству небесному», т.е. ангелам. Почитание ангелов было весьма широко распространено во времена святых апостолов. Были в те времена верующие, «помышлявшие своим

* Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 155—156.

Московиты поклоняются Хорсу. На заднем плане виден христианский монастырь. Рисунок относится к концу XVII в.

воздержанием и чистым житием подражать ангелам». Они учили творить поклонение ангелам такое же, как и самому Богу. Такое почитание ангелов было осуждено и приравнено к ереси».

Увы! И ныне в русских церквах продаются иконы ангелов, чтобы прихожане молились не Богу, а персональному ангелу-хранителю.

Для религий древности типичен был национальный характер. Каждая народность обладала своей собственной религией. Считалось, что только она находится под покровительством богов этой религии.

Для местных жителей местная икона — неприкосновенная святыня, для чужих, из другой области, — это предмет, не вызывающий никакого уважения. Смоляне, суздальцы и даже черниговцы, взявшие Киев под предводительством Андрея Боголюбского, как бы в насмешку над прозвищем князя разграбили «монастыри и Софию и Десятинную богородицу.. и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесошла все». То же самое повторилось в 1203 г. Но это факты более ранние. А вот факты XIV и XV вв.: в 1372 г. тверитяне, взяв Торжок, ободрали серебряные оклады с тамошних икон, а церкви сожгли; в 1398 г. новгородцы в Устюге «церковь соборную пречистыя пограбиша»; в 1434 г. великий князь Василий Васильевич, взяв Галич, сжег там церкви и монастыри.

Хороши же христиане!

Н.М. Никольский в «Истории русской церкви» (1983) писал: «В сущности, верования тогдашнего общества были тем же плохо прикрытым язычеством, иногда заставляло бросать псевдонимы и называть вещи их собственными именами. Рядом с церквями оставались «камень да береза»; старые священные камни стали, правда, связываться с культом христианских святых, а камням фаллической формы стали придавать форму креста или снабжать их изображениями креста и святых, но другие объекты дохристианского культа сохранялись без всяких изменений». Мы читаем, что «ов требу творил на студенци, дъжда живы от него, забыв яко бог на небеси дождь дает; ов

реку богиню нарицал и зверь живущ в ней, яко бога нарицал». «Даже попове и книжницы» веруют в Перуна и Хорса, «подкладывают им требы и куры им режут», жалуется поучение неизвестного автора XIII века, а в XIV века какой-то монах, устами летописи, называет людей, не обвиняясь, дажьбожьими внуками. Эта старая вера живет еще и в XVI веке; правда, такая откровенная номенклатура уже вышла из употребления, но жалобы и постановления Стоглава достаточно красноречиво показывают, что, по существу, и в середине XVI века дело нисколько не изменилось.

С другой стороны, элементарные познания по части христианского вероучения и культа были чужды не только мирянам и низшему духовенству, но и монашеству и представителям высшей иерархии. В этом отношении очень любопытны сообщения иностранных путешественников, относящиеся к XV—XVII векам. Иностранцы утверждают, что простые миряне не знали ни евангельской истории, ни Символа веры, ни главнейших молитв, в том числе даже «Отче наш» и «Богородице дево», и наивно объясняли свое невежество тем, что «это очень высокая наука, пригодная только царям да патриарху и вообще господам и духовным лицам, у которых нет работы». Но те же иностранцы выдают самое уничтожающее свидетельство и тем, у кого был досуг, и даже специальный досуг, для приобретения таких познаний. Олеарий (XVII в.) пишет, что в его время едва один монах из десяти знал «Отче наш»; в конце XVII в. Вармунд упоминает о монахе, просившем милостыню именем четвертого лица Св. троицы, каковым оказался св. Николай; после этого неудивительно уже читать у Флетчера (конец XVI в.), что вологодский епископ не сумел ему объяснить, из какой книги Священного Писания он по просьбе Флетчера только что читал вслух и сколько евангелистов, а у Олеария и Викгардта (XVII в.) — что современные им патриархи в делах веры были крайне несведущи и не могли вести богословских споров с иностранцами. О богословском невежестве свидетельствуют также некоторые иконописные шаблоны, твердо укоренившиеся и освященные Церковью. На одном из таких шаблонов, чрезвычайно популярном и в народной среде, единосущная и нераздельная христианская Троица изображена в виде трех богов с собствен-

ными именами — Саваофа, Христа и духа в виде голубя между ними*. Другой иконописный сюжет, сохранившийся на одной из белорусских икон XVI в., но, судя по общему характеру композиции, восходящий к древнему шаблону, изображает Троицу в четырех лицах: Богородица в виде царицы небесной покрывает своей мантией духа, парящего у нее на груди, под духом изображен Бог-Отец, прилепившийся к ее «лону», у ее ног притулился распятый Христос. Наивная откровенность этой схемы не требует пояснений...

Эти предварительные замечания показывают, насколько мало были распространены богословские знания в среде духовенства даже в конце XVII в.; позднее мы увидим, что лишь очень небольшая часть русского грамотного монашества имела настоящее понятие о христианском Священном писании и вероучении, а прочие книжники-монахи XIV—XVI вв. заменяли христианскую богословскую систему своеобразной собственной системой, которую обычно не совсем правильно называют начетничеством.

Представление славян-язычников о верховном небесном боге, без сомнения, значительно облегчило водворение в среде их христианского учения: Бог, Прабог, Дый, Белбог, Святovit — «бог богов», заменились единым верховным Богом христианским, вокруг которого группировались Богородица, святые и ангелы, как в языческом вероучении около «прабога», или «бога богов».

Владимир при принятии христианства был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: **«Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны... Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на Тебя и на Твою силу»**.**

То есть Владимир считал Христа главным Богом.

Вы думаете — случайная ошибка летописца?

Прочтите Афанасия Никитина: «Во имя Господа, милостивого, милосердного, и Иисуса — Духа Божия...»

* Такие иконы продаются и ныне.

** Как была крещена Русь. — М.: Политиздат, 1989. С. 181—182.

То есть Иисус — он и есть Дух Божий, который присутствовал при начале Вселенной.

Но мирянам все эти глупости были безразличны.

Миряне, жалуется Стоглав, **стоят в церквах без страха, в тафьях и шапках**, разговаривают и сквернословят, точно на позорище или на пиру или в корчме.

Гальковский писал: «Неизвестный автор послания к Грозному говорит, что его современники порицали брак и одобряли содомию. Стоглавый собор открыто признал, что среди русского общества распространены блуд, прелюбодеяние и содомия. В 1552 году митрополит Макарий писал послание в Свяжск к царскому войску. Из послания видно, что воины бесстыдно блуд содевали со младыми юношами, содомское зло, скаредное и богомерзкое дело. Митрополит замечает, что воины оскверняли освобожденных из плена пленников, жен и девиц.

Итак, на основании исторических свидетельств мы полагаем, что XVI—XVIII века были периодом нравственного упадка русского народа».

И, добавим, временем создания нашей Истории.

О первом крещении Руси

Летописец развертывает похвалу святому Мефодию в тему крещения славян, а точнее (это и важно для него), в тему крещения Руси. Он утверждает, что христианство проповедовал «славянскому народу» апостол Андроник, «до моравов же доходил и апостол Павел и учил там, там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян и мы, русь, поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ...»

Летописец строит цепь умозаключений и делает вывод: христианство на Руси — от апостола Павла. В «Повести временных лет» этот сюжет помещен под 898 годом, позже легенды о путешествии Андрея. Но появился он в ней раньше, чем андреевская легенда, и был исключен из «Повести...» теми, кто вписал в нее легенду о путешествии Андрея. Для полного же исключения текста, рассказывающего о западных

и южных славянах, Кирилле и Мефодии, оснований не было. Б.А. Рыбаков убедительно доказывает, что от «Сказания о грамоте» был именно «отсечен и изъят из текста» рассказ о крещении западных славян, болгар и русов, происходившем в 860-е годы.

Свидетельство о крещении Руси при Аскольде и Дире содержится в Никоновской летописи. В ее тексте рассказ о походе Аскольда и Дира на Царьград сходен с текстом «Повести...». Он лишь короче и глуше.

Тщетно пытались Аскольд и Дир взять Константинополь.

Дальше сказано о заключении мира с русами и о том, что император Василий «преложи сих на христианство, и просиша архиерея, и посла к ним царь».

И хотя русы в результате переговоров «попросили архиерея», дальше дело их крещения пошло не столь гладко. Русы в Киеве потребовали от миссионера чуда. Византийский архиерей, разумеется, чудо совершил. Он бросил в огонь Евангелие, и огонь «не прикоснулся его». Русь удивилась, и «все крестившаяся».

Итак, первое крещение состоялось при князе Аскольде*. Но важно выяснить, откуда в поздней Никоновской летописи появилось это свидетельство, насколько оно достоверно.

В летопись статья перенесена из Русского хронографа 1512 года, в котором, в свою очередь, были слиты тексты из разных переводов греческого Паралипомена хрониста Зонары. Князя Аскольд и Дир упомянуты не во всех, а только в одном из нескольких известных списков Паралипомена. Текст в Русском хронографе получил большую определенность, чем у Зонары. В оригинале сказано, что русы начали «нудиться на крещение», в хронографе — «все крестившаяся». Разницу трудно не заметить. В хронографе западнорусской редакции текст вообще иной. В нем русы по поводу чуда с Евангелием дивятся силе Христовой, но относительно их крещения сказано вполне определенно: «Но еще не у время бе прославитися в них имени Господню». Разночтение, надо признать, немалое.

* Аскал был в повиновении у царя Булгара, но только он (Аскал) еще не принял ислама — Ибн Фадлан.

В религиозной жизни империи, в делах повседневной, обыденной веры было достаточно и скептицизма, и пренебрежения к ней, и прямого кощунства. Один частный, но характерный факт. О цесаре Михаиле, при котором было первое крещение киевлян, крещение Аскольда, византийский хронист Георгий Кедрин рассказывает, что при его дворе было «сонмище человеков мерзких», готовых ко всякому бесстыдству. «Сонмище» забавлялось кощунством. То, надев священнические облачения, приближенные царя пародируют церковную службу, то вместо церковного пения устраивают какой-то дикий концерт «посредством гуслей». В следующий раз церковные сосуды наполняют уксусом и горчицей и, заташив в свою компанию кого-либо из достаточно известных и уважаемых людей, подают вместо причастия горчицу как «тело Христово», а уксус — как «кровь Христа», «посмеиваясь так пречистым тайнам Христовым». Все это — в порядке вещей. Старший в этой компании, некий Грилл, носит титул патриарха, двенадцать других — митрополиты и т. д.

«Патриарх» с императором Михаилом однажды подшутили над императрицей Феодорой, матерью Михаила. Грилл облачился в одеяние патриарха Игнатия и то ли прикрыл лицо, то ли отворотился, чтобы не быть узнанным в первый момент. Император пригласил мать для принятия благословения. Та, придя, распростерлась ниц, прося молитвы, «патриарх» же, выбрав момент и повернувшись к царице задом, «рыкнул своим афедроном»...

Оба негодяя от души веселились.

Такова была «византийская вера»...

Миф о Святом Владимире и принятии Русью православия

Вначале приведем Житие св. Владимира, которое, как ни удивительно, было написано только в XVI веке, веке создания мифической Истории России*.

* Происхождение жития довольно позднее — оно датируется серединой XVI века и приписывается священнику и духовнику Иоанна Грозного Сильвестру (начало XVI в. — 1568).

Житие великого князя Владимира, в святом крещении Василия

Князь Владимир был сыном Святослава, внуком Игоря и святой Ольги, правнуком же Рюрика, призванного на княжение из варягов. У Святослава Игоревича было три сына от разных жен: Ярополк, Олег и Владимир. По смерти Святослава старший сын его Ярополк, сев на отцовском престоле в Киеве, пошел войной на древлянского князя Олега, своего брата, убил его, а княжение его взял себе. Узнав об этом, княживший в Новгороде Владимир убоялся, как бы тот с ним так же не поступил, и бежал за море к варягам. А Ярополк взял под свою власть и новгородские княжения, как и древлянские. Но через некоторое время Владимир, собрав большую воинскую силу — частью у варягов, частью в иных пределах русской земли, пошел на киевского князя Ярополка и убил его и захватил и княжение киевское, и жену брата, родом гречанку. И сделался он единовластным правителем всей русской земли, и поставил он идолов на высоких местах, и поклонялся им, принося жертвы, и весь народ заставлял поклоняться идолам, а тех, кто не желал им кланяться, повелевал предавать смерти.

Идол Перуна у трона князя

И убит был тогда блаженный Феодор-христианин с сыном Иоанном, ибо не захотел быть сообщником идолопоклонников и сына своего не отдал в жертву бесам. Прочие же христиане, просвещенные святой Ольгой, для которых она и церковь на Аскольдовой могиле создала, кто из них еще оставался в живых, от страха не объявлялись: одни бежали, другие втайне хранили святую веру, а некоторые вновь обратились к прежнему нечестию. И если где и стояла еще христианская церковь, она была разорена рукою идолослужителей.

Владимир же поставил в Киеве следующие главные идолы: первый, самый главный идол — Перун, который считался богом грома, молнии и дождевых облаков, второй — Волос, считавшийся богом скотов, третий — Позвизд, или Вихрь, бог воз-

духа, четвертый — Ладо, бог веселья, пятый — Купало, бог плодов земных, шестой — Коляда, бог праздника, бывающего зимой. И иные, меньшие боги — не только в Киеве, но и по всей Русской державе пределам — по велению того великого князя были поставлены, став местом нечестивого почитания. Такое же идолопоклонство совершалось и в Великом Новгороде, где посланный Владимиром начальствовал его дядя Добрыня, брат его матери. Наряду с идолопоклонством Владимиру было свойственно и другое зло — в плотских похотях без воздержания, как в тине, валяться, ибо, как в древности Соломон, он очень любил женщин, был ненасытен в плотском сладострастии и имел много жен, а еще больше — наложниц.

Не будет неуместным вкратце вспомнить здесь и о том, что жители Руси и до Владимира, хоть и не все, но некоторые в разные времена крестились. Во-первых, славяно-русский народ был крещен святым апостолом Андреем Первозванным, который, достигши Киевских гор, благословил их и, водрузив на высоком холме крест, предсказал, что здесь будет город, в котором воссияет Божья благодать. И тех людей, которых он тогда там нашел, научил святой вере и крестил*. Затем пошел и в другие русские земли, где ныне стоит Великий Новгород и другие знаменитые города, и всюду, кого смог обратиться ко Христу, просветил святым крещением. Вновь крестилась Русь в царство греческого царя Василия Македонянина, в патриаршестве святейшего Фотия**, когда прислан был от них архиерей Михаил, а в то время, в малолетство русского князя Иго-

* Согласно летописи Андрей лишь благословил то место, на котором через много веков будет построен Киев. Никаких людей он не крестил.

** Патриарх Фотий — (около 810—890 гг.), константинопольский патриарх в 858—867, а затем в 877—886 гг. Один из самых просвещенных людей своего времени, автор множества трудов, в том числе составитель Мириобиблиона, или Библиотеки, — это своеобразные аннотации 280 различных сочинений. Он был инициатором укрепления христианства в Болгарии и Моравии. Естественно, что он не мог быть современником князя Владимира (942—1015). Возможно, произошла путаница с одинаковыми именами. Возможно, упоминается не Фотий Константинопольский, а Фотий — митрополит XV века, автор «Слов» и посланий. Если первый, то это нонсенс. Если второй — то его свидетельство никакой ценности не имеет, так как разница в пятьсот лет никак не позволяет считать его первоисточником.

ря Рюриковича, правил княжением его родственник и воспитатель князь Олег. И когда пришел из Царьграда в русскую землю греческий архиерей, чтобы научить святой вере неверный народ, люди желали сначала видеть какое-нибудь совершенное им чудо, и спросил архиерей, какого чуда им хочется; они же сказали: «Книга, которая учит вашей христианской вере, пусть будет брошена в огонь, и если не сгорит, тогда узнаем, что хороша и истинна ваша вера и велик Бог, тобою проповедуемый».

Архиерей же, уповая на Бога, повелел разжечь перед всеми великий огонь и, воздев руки к небу, помолился, говоря: «Прославь имя твое, Христе Боже!» И сказал это, положил книгу, святое Евангелие, в огонь, и не сгорела книга: все дрова сгорели и огонь погас, а Евангелие оказалось цело, несколько огнем не повреждено. Увидев то чудо, многие поверили во Христа и крестились. Еще крестилась Русь в дни великой княгини Ольги, жены великого князя русского Игоря Рюриковича, матери Святослава, бабушки Владимира: она, как говорит ее житие, пойдя в Царьград, приняла там святую веру и наречена была в святом крещении Еленой. Возвратившись же оттуда, многих она в Киеве и прочих русских городах к святому крещению привела, однако всех просветить не смогла, ибо и сына своего Святослава никак не сумела уговорить принять христианство. От тех крещений, бывших прежде Владимира, не могла расшириться и утвердиться на Руси святая вера как из-за частых войн, так и из-за князей, преданных нечестивому идолопоклонству. И, наконец, вся Русь просветилась в дни великого князя Владимира после того, как он сам сначала просветился и истинный путь спасения познал и всех на него наставил — и образом своего благочестия, и монаршеским своим повелением. Началось же это просвещение так.

Когда разнеслась слава о храбрости Владимира, единовластии его и размерах его царства, превышавших владения других царей и князей во всей поднебесной, начали приходиться к нему проповедники из разных народов, хваля свою веру. Вначале пришли мусульмане, и спросил их Владимир: «Какова вера ваша?» Они сказали: «Мы веруем в Бога, пребывающего на небесах, и есть у нас пророк Божий Мухаммед, который позволяет нам иметь жен, кто сколько хочет и всякими страстями плот-

скими наслаждаться, только повелевает обрезываться, не есть свиного мяса и не пить вина». И о других делах, свойственных их вере, говорили мусульмане, но писать о них нехорошо. Будучи женолюбив, Владимир о женах слушал с удовольствием, но обрезание и отказ от вина ему не понравились, и он сказал: «Жить без вина мы не можем, ибо на Руси все веселье и удовольствие бывает в подпитии».

Приходили проповедники и от немцев, и от римского папы, и от западного кесаря, и прочих князей посланцы, каждый свою веру называя хорошей, но ни одна из них ему не понравилась. Пришли также и евреи, говоря, что лучше всех вер их ветхозаветная вера*. И спросил их Владимир: «Где земля и царство ваши?» Они же сказали: «Наша земля — Иерусалим, Палестина и окрестности; но поскольку прогневали мы Бога грехами нашими, расточил за то нас Бог по всей Вселенной, а землю нашу отдал христианам». И сказал им Владимир: «Как же вы иных вере вашей учите, сами будучи отвергнуты вашим Богом? Ведь если бы Бог вас любил, то не расточил бы вас по чужим землям. Может, вы и нам желаете такого расточения?» И сказав это, прогнал их от лица своего.

После всех пришел к Владимиру от греческих царей Василия и Константина и от патриарха царьградского Николая Хрисоверга посол с дарами, человек выдающийся, искусный в слове и боговдохновенный, Кирилл Философ. Это не тот Кирилл Философ, который с братом своим Мефодием проповедовал Христа сначала среди хазар, потом в Моравии и перевел книги с греческого языка на славянский, но другой человек, носивший то же имя. Тот Кирилл Философ жил более чем на сто лет раньше, а этот позже, и некоторые историки называют его не Кириллом, а Киром. Этот философ Кирилл (или Кир) долго

* Авраамий Керченский сообщает об отправлении посольства из Киева в Хазарию:

«Здесь начинаются слова Авраама Керченского.

Я, один из мирных, верных сынов Израиля, Авраам бен М. Симха, из города Сефарад в царстве наших братьев, благочестивых прозелитов, хазар, в 1682 году после нашего изгнания, то есть в 4746 году по сотворении мира (в 986 году от Р. Х.) по летосчислению, употребляемому братьями нашими, иудеями города Матархи, когда прибыли послы князя Рош Мешех из города Циова к государю нашему Давиду, хазарскому князю, по делам веры для исследования».

беседовал с Владимиром о христианской вере, начав от сотворения мира, рассказал обо всех пророчествах, о воплощении Христовом, о добровольно воспринятом им страдании и крестной смерти ради спасения людей, о воскресении из мертвых на третий день и вознесении на небеса, как о том пространно пишет преподобный Нестор Печерский.

Потом он заговорил о втором пришествии Христовом, о воскресении мертвых, о Страшном суде, о бесконечной муке, уготованной грешникам, и о воздаянии праведных в царствии небесном, и дал ему в дар от пославших его большое златотканое полотно, на котором искусно было выткано изображение Страшного суда Божия и разделение грешных от праведных. И стояли праведные по правую руку Судии — по ту сторону, где изображены были рай и царство небесное; грешники же стояли слева, по ту сторону, где было изображение геенны огненной, страшных демонов и различных адских мук. Все это внимательно рассматривая, Владимир спрашивал философа обо всем, и тот все подробно объяснял ему, говоря:

«Когда придет Христос во славе Своей с небес на землю судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, тогда тех, кого Он найдет праведными, поставит справа от себя и пошлет их в царство Свое небесное на вечное веселье, а кого найдет грешными, тех поставит слева и пошлет в геенну неугасимую на бесконечные муки». Услышав это, Владимир вздохнул и сказал: «Блаженны те, кто станет по правую руку, и горе тем, кто окажется слева!» И сказал ему Философ: «Если ты, царь, перестанешь делать зло и примешь святое крещение, то будешь удостоен стоять справа, если же пребудешь в нечестии, то и твое место окажется слева». Владимир выслушал слова Философа и, размышляя, сказал: «Подожду еще немного, пока лучше разужнаю обо всех верах». И, одарив Философа и его спутников, отпустил их с честью в Царьград.

Когда греческий философ ушел, Владимир созвал всех своих бояр и старейшин и сказал им: «Вот, приходили ко мне мудрецы из различных народов, из мусульман, немцев, римлян, евреев и из прочих народов, каждый хваля свою веру. После всех пришли и греки и говорили, более чем другие, удивительные вещи о своей вере, повествуя о происшедших в поднебесной делах от начала мира и донныне, и говорят, что наступит иной век и иная жизнь, и после смерти все люди воскреснут,

и если кто что доброе в этом веке сделал, то в будущем будет радоваться, живя бессмертной жизнью, а грешники будут вечно мучиться». И ответили ему его бояре и старейшины: «Никто никогда не хулит свое, но, конечно же, хвалит. И если ты, великий князь, хочешь вернее узнать истину, то у тебя ведь множество мудрых людей — пошли лучших из них по различным землям и народам, пусть они увидят и разузнают всякую веру и кто как служит своему Богу, а потом, возвратившись, пусть расскажут тебе и нам обо всем подробно и основательно, как очевидцы».

Послушавшись этого совета, Владимир послал толковых и умных людей в разные земли, чтобы они познакомились с верой и службой каждого народа. Те же, пройдя многие страны и царства, пришли, наконец, в Царьград и сказали греческим царям Василию и Константину о причине своего прихода. Цари обрадовались и тут же сообщили о них святейшему патриарху. Патриарх же велел празднично украсить церковь, одел драгоценнейшие святительские облачения и со многими священниками и епископами совершил божественную литургию. Пришли к литургии и цари с посланцами Владимира и, введя их в церковь, поставили на таком месте, откуда им было бы удобно все видеть и слышать. Те же, видя непередаваемую красоту хвалений Бога, каковой красоты нигде никогда не видели, и, слыша прекрасные звуки церковных песнопений, каких никогда не слышали, очень удивлялись и полагали, что не на земле уже стоят, а на небе, ибо осиял их в то время свет небесный, и были они как бы вне себя от радости духовной, которой тогда исполнились их сердца. По совершении же божественной литургии цари и патриарх оказали тем русским послам большую честь — устроили для них прием и, одарив их многими дарами, отпустили.

И когда они возвратились к Владимиру, вновь созвал Владимир бояр своих и старейшин и повелел, чтобы возвратившиеся посланники рассказали перед всеми, где что они видели и слышали. Те же рассказали ему все по порядку о вере и о службе каждого народа, но всем слушавшим не нравились те веры. Потом рассказали они о том, что видели у греков: «Когда мы пришли в Царьград, греки ввели нас в свою церковь, где они служат своему богу, и мы видели там такую великую красоту, которую язык наш передать не в состоянии; одежды священников чудесны, служба весьма хороша, и люди все стоят в бла-

гоговении, пение же такое сладостное, какого мы никогда не слышали. И объяла нас какая-то радость, и мы сами не чувствовали себя и не знали, на земле ли мы находимся иль на небе. И нет такой красоты и столь превосходного благохваления во всей поднебесной, какие у греков. И потому мы полагаем, что вера их истинна и что только с теми людьми истинный Бог»*.

* Основными источниками о том, как Владимир принимал православие, являются греческое «Обстоятельное повествование о том, как крестился народ росов» и русская «Повесть временных лет».

«Обстоятельное повествование» сообщает, что Владимир сидел в своем городе и размышлял — в городе его люди придерживаются четырех религий и никак не могут объединиться вокруг единственной, самой правильной.

«Одни лобызали и чтили веру евреев как величайшую и древнюю, а другие веру персов уважали и к ней прилеплялись, третьи чтили веру сирийскую, четвертые же держались веры агарян».

Итак, до принятия православия, как мы видим, киевляне были иудеистами, язычниками-огнепоклонниками, мусульманами, остальные же придерживались сирийской веры, под которой подозреваю несторианство, одно из направлений христианского учения.

И послал Владимир послов в Рим — очень понравилось им богослужение католическое, хотел уже принять эту веру, да тут ему посоветовали проверить веру греческую. Вновь послал он тех же самых послов, теперь уже в Константинополь. Послам поднесли богатые дары, и обряды греческие понравились им гораздо больше. Вернулись они, похвалили веру греческую, и решил Владимир больше никуда не посылать послов.

А что утверждают русские летописи?

Сидит Владимир в Киеве и приносит жертвы языческим богам. И приходят к нему послы от разных народов с предложением принять истинную веру. Иудеи хвалят свою веру, он же спрашивает их: «Где земля ваша?» Выяснив, что бог отвернулся от них и лишил их родины, естественно, веру такую принимать не стал, раз сам Бог от них отвернулся.

Католикам он ответил просто, не мудрствуя лукаво: «Отцы наши вашей веры не принимали и я не приму».

Пришли мусульмане и говорят: «Прими нашу веру, как самую правильную. Молиться единому богу. Водки не пить, зато жен можно иметь несколько». Что жен можно иметь много — это хорошо, а то, что водки нельзя пить, это никуда не годно, ибо «водка для нас праздник и не можем без нее быть».

Если бы не любовь Владимира к Зеленому Змию, могли бы принять ислам, хотя окончательно его отговорили греки, сообщившие Владимиру, что мусульманские женщины — о, ужас! — занимаются оральным сексом. «Тьфу, какая мерзость!» — воскликнул Владимир и наотрез отказался от мусульманской веры. И, естественно, в благодарность за предупреждение принял веру греческую.

И сказали бояре Владимиру: «Если бы вера греческая не была хороша и истинна, то бабка твоя Ольга не приняла бы ее*, ибо женщина она была очень мудрая». Тогда Владимир по действию благодати Святого Духа начал понемногу просвещаться в уме своем и познавать правую христианскую веру и желать ее. Но поскольку при нем никого не было, кто скоро привел бы его к исполнению намерения, а все бояре и советники были помрачены тьмой нечестия, продолжилось уверение и отложилось крещение его на некоторое время, пока он не принял решение пойти на греческую землю войной, захватить их города и получить учителей христианства, которые научили бы его вере.

И собрав воинскую силу, он пошел к Тавриде, и взял сначала греческий город Кафу (Феодосию), затем пришел под Херсонес, стольный город той земли. И окружил этот город и осаждал его немалое время, но не мог взять, ибо город был крепок и греческие воины в нем мужественно защищались. Взял же он его так: херсонесский протопоп Анастас написал Владимиру на стреле следующее послание: «Царь Владимир! Если хочешь взять город, найди с восточной стороны в земле трубы, по которым течет в город пресная вода. Если ты их разобьешь, то лишишь город воды, и, убежденные жаждой, горожане скорее тебе покорятся**». Написав это на стреле, протопоп натянул лук и пустил стрелу к шатру Владимира. И упала та стрела перед шатром, и тут же, заметив ее, стрелу взяли и, увидев на ней греческое письмо, принесли к Владимиру. И позван был переводчик с греческого языка, и, когда он прочел и перевел написанное, Владимир повелел внимательно искать в земле с восточной стороны от города трубы водопровода и, найдя, перебил их. И не стало воды в городе, и изнемогли люди от жажды, и тогда нехотя покорились они Владимиру. И взял Владимир город Херсонес, торжественно вошел в него, не причинив людям ни зла, ни обиды.

По взятии же Херсонеса и всей Тавриды послал Владимир к царям греческим посольство со словами: «Вот взял я ваш слав-

* Житие святой Ольги тоже написано Сильвестром.

** Предательство христианского пастыря, помогающего язычникам-иноверцам захватить город, с моральной стороны кажется мне не совсем истойным.

ный город Херсонес и всю землю Таврическую. Слышал я, что у вас есть сестра, прекрасная дева, дайте же мне ее в жены. А если не захотите мне ее дать, то и с вашим Царьградом я сделаю то же, что с Херсонесом»*. Получив такое послание от Владимира, греческие цари немало опечалились, и сестра их по имени Анна не захотела идти за поганого. Но силы многих русских воинов и храбрости Владимира греки убоялись. И написали цари ему так: «Не подобает нам, христианам, отдать сестру нашу за человека, пребывающего в нечестивой вере. Если хочешь ее иметь, откажись от своих идолов и веруй во Христа, истинного Бога, как и мы, и прими святое крещение, и тогда беспрепятственно возьмешь в супруги себе нашу сестру, и, как единовенный, пребудешь с нами в любви, а, кроме того, и царствие небесное унаследуешь».

Получив такой ответ от греческих царей, вновь послал к ним Владимир, говоря: «Полюбилась мне ваша вера с того времени, как посланные мною знакомиться с различными верами люди, побывав у вас, возвратились к нам и рассказали подробно, насколько вера ваша лучше других вер, а служение, которым вы служите Богу вашему, превосходнее, чем у всех народов. Я хочу принять вашу веру, только пошлите вы ко мне епископа, который крестил бы меня, да и сами с вашей сестрой придите к нам или сестру пошлите ко мне в супруги, и тогда я возвращу вам Херсонес со всей Тавридой». Получив эту добрую весть, греческие цари весьма обрадовались и уговаривали сестру свою, умоляя, чтобы она пошла за Владимира: «Умилосердись над царством христианским, ибо если ты не пойдешь за него, он не перестанет пленять нашу землю, и есть

* То есть «войду в город, не причинив людям ни зла, ни обиды»?! — А. Б.

Параллелью к рассказу о сватовстве князя к византийской принцессе является рассказ армянского историка Асохика. Асохик рассказывает, что митрополит Сивастии подверг гонению армянских священников в 435 году (25 марта 986 г. — 24 марта 987 г.), а вскоре, в том же году, сам был послан императором к болгарам для переговоров о мире. Болгары попросили императора отдать его сестру в жены их царю. Император же с помощью митрополита обманул их и отправил к ним вместо обещанной принцессы другую женщину, за что митрополит и поплатился самым печальным образом: он был сожжен болгарами как обманщик.

опасность, что он сделает с Царьградом то же, что с Херсонесом. Если же тебя ради Владимир крестится и благодаря тебе Господь обратит к себе русскую землю и отвратит греческую землю от тяжелых и частых войн и нападений руссов, то вечную славу и бессмертное блаженство ты приобретешь». Царевна Анна, хоть и не хотела этого, но ради спасения рода русского, к Богу обратиться готового, да отечеству своему, греческому царству, мира желая, снизошла к совету и мольбе братьев своих и сказала со слезами: «Воля Господня да будет!» И послали ее цари морем в кораблях с архиереем Михаилом, со священниками и со знатными боярами. И когда они достигли Херсонеса, встретили ее с честью и отвели в царскую палату*.

Как раз в то время, за несколько дней до ее прибытия, у Владимира заболели глаза и он ослеп. И начал он сомневаться в святой вере и в крещении, внутренне колеблясь и говоря: «Боги русские разгневались на меня за то, что я хочу их оставить и иную веру принять, и послали мне наказание слепотой». Царевна же велела ему передать: «Если хочешь быть здоров и видеть, скорее прими святое крещение, иначе от слепоты своей не избавишься. Если же крестишься, то не только от телесной слепоты, но разом и от душевной освободишься». Услышав это, Владимир ответил: «Если окажется правдой то, что ты говоришь, я поверю, что велик Бог христианский». И тут же, призвав епископа, попросил святого крещения. Епископ же сначала огласил его и в святой вере хорошо поучил, затем в церкви Святой Софии, стоявшей посреди города, крестил и нарек ему имя Василий.

При крещении же его произошло чудо, подобное тому, что было с Савлом, гнавшим Божью церковь и ослепшим от блиставшего на его пути в Дамаск небесного света: когда слепой Владимир вошел в святую купель, а епископ по ходу чина крещения возложил на него руки, тут же спала как чешуя с глаз его слепота, и он прозрел и прославил Бога за то, что тот привел его в истинную веру, и век благодарил Христа Господа, радуясь и веселясь. Увидев то чудо, и бояре и воины его крестились, и

* Анна Романовна родилась 13 марта 963 года. Выходит, Владимир в 1001 году при принятии крещения женится на 38-летней гречанке. Самому Владимиру было 59 лет. Тоже не мальчик.

была большая радость среди руссов и греков, а особенно среди святых ангелов на небесах, ведь если об одном кающемся грешнике те радуются, то насколько больше о столь великих душах, Бога познавших, возрадовались они, и «слава в вышних Богу» воспели.

«Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте» — так увидел Летописец то «крещение Руси», тысячелетие которого торжественно отмечает Русская православная церковь. День этот, по тексту «Повести временных лет», самому раннему дошедшему до нас летописному своду, можно восстановить достаточно полно. Киевляне начали собираться на Днепр еще на заре. Накануне глашатаи объехали город: объявили — на утро назначено крещение. Явиться должны были все — княжеские слуги громко и внятно передавали слова князя Владимира: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — да будет мне враг!» Владимир вроде бы не обязывал идти на Днепр, но мало кто в открытую рискнул бы принять княжий вызов... Так что Летописец записал точно: «И сошлось там людей без числа».

Никто в толпе толком не понимает, ни что с ним будут делать, ни что делать ему самому. Знают только, что загонят в воду.

С Подола виднеется даже верх старой Ильинской церкви — в Киеве издавна немало христиан. Здесь же, на низком берегу Днепра, несколько хибарок вразброс, щепье валяется, лыко.

Вот тут вернемся к «Повести временных лет». Все, о чем в ней рассказано, происходило в Киеве впервые. Никто не представлял себе, что и как нужно делать. Да и трудно понять, как массу самого разного народа можно было окрестить. Загнать в реку разом? Многие потонут. Загонять группами? А сколько нужно пробыть в воде? В какой это момент язычник станет христианином? Попы-то знают, но они где-то там поют, далеко и непонятно... Несомненно — сумятица. Летописец, конечно, о ней не пишет, но из-за строк текста проглядывает растерянность собравшихся. Кто залез по грудь, кто — по шею, младенцев держат на руках — не держать же их в воде, кто-то там и на месте не

стоит, ходит. Нарушает таинство или нет? Неясно. Крестят по греческому обряду в три погружения... Как это все случилось? Приседали они там, что ли? с головой ли окунались? — понять невозможно. Ясно: происходило что-то путаное, какая-то не очень сообразная история вышла, что Летописец и отметил. Как мог сдержаннее: за строкой можно прочесть.

Наконец разрешили вылезать. Все в мокрой одежде. «Разошлись по домам», — подытожил день Летописец. Но теперь-то князь знал, что в каждой киевской хижине — его «брат во Христе». И в каждой, самой бедной хижине тоже знали, что в палатах крепкого города тоже есть «брат во Христе» — великий князь. Вот только не знаем мы, в каком это было году. Тысячелетие 988 года — дата условная. Историки всерьез и аргументированно спорят о ней уже более ста лет, но с полной уверенностью и сегодня никто не может сказать, произошло это в 988 или в 989 году, может быть, в 990-м, а может, и позже. Безусловного ответа нет. Летописца дата не заинтересовала. Далее мы увидим почему. Так или иначе, Церковь тоже не настаивает особенно на 988 году и не утверждает, что «крещение Руси» произошло именно в этот год. В гимназиях, когда учебники контролировались Церковью, учебник истории указывал две даты: 988 и 989 годы. Впрочем, не только это условно в крещении Руси. Значит ли оно, что окрестили всех жителей Киева? Наверняка нет. Летопись знает, что были люди, которые продолжали верить по-прежнему. Это они буквально в канун крещения бежали за уплывавшим Перуном, оплакивали низвергнутую святыню... Но и не в этом дело. Как отличить крещеного от некрещеного? По ритуалу должны были надеть нательный крест. Летопись об этом не сообщает, хотя момент важный. Мы не имеем права дописывать за Летописца его труд и домысливать его, сочиняя «факты». Но сделать вывод на основании дошедших до нас, часто разрозненных и противоречивых свидетельств, чтобы увидеть то, что осталось за строкою летописи, мы можем. Так вот, похоже, что в Киеве то ли вовсе не давали крестов новым христианам, то ли на всех не хватило. Чего-то там не предусмотрели. Когда же на следующее лето Добрыня отправился в Новгород, в частности чтобы окрестить новгородцев, то летопись (Иоакимовская) подмечает в очень сходной картине крещения на Волхове отличие. Разночтение в

тексте. Отличие вроде бы и несущественное. Оно касалось именно нательных крестов. В Новгороде некоторые язычники, чтобы как-то переждать кампанию крещения, начатую с приездом Добрыни и епископа Иоакима, заявляли, что уже крещены. Иоаким распорядился, чтобы носили кресты, хоть медные, хоть деревянные, хоть какие, а у кого креста на шее не будет, тому не верить и крестить, пусть повторно...

Интересно, при крещении должны были всем давать новые имена. Как? Оптом. Всем женщинам одно имя, или «по батальонам»?!

Но вернемся к будущему святому и равноапостольному Владимиру. Борис и Глеб, сыновья Владимира, погибшие в усобной борьбе, канонизированы. Их официальное причисление к лику святых состоялось уже при Ярославе Мудром. Их сводный брат, сын Владимира от Рогнеды, Ярослав упорно добивался от константинопольского патриархата канонизации Владимира и Ольги. Отказ был категорический. Признали святыми только Бориса и Глеба. Был установлен единый день памяти первых русских святых — 24 июля. Сам Владимир, «новый Константин», остался вне церковного почитания. Летописный некролог содержит указания на то, почему греческое священство киевской митрополии отказывалось канонизировать князя. Его «не прославил Бог», то есть от гробницы Владимира не происходит чудотворений, которые в те времена считались непременным знаком святости. И получилось так, пишет Летописец, что мы, «став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу».

Понятно, что чудеса непременно произошли бы у гроба Владимира, будь в этом заинтересована Церковь. Чудес же нет... Византия и греческая церковь весьма недовольны Владимиром. Не довольны так, что даже отказываются от канонизации крестителя Руси... Владимира провозгласила святым новгородская церковь по прямому указанию Александра Невского в 1240 году. День смерти Владимира, 15 июня, совпал с днем победы Александра на Неве. Религиозное сознание увидело тут покровительство святого, который и сам хоть недолго, но княжил в Новгороде.

Общерусская канонизация князя состоялась только при Иване IV.

Летопись совершенно перестает интересоваться тем самым Владимиром, который «вывел Русь из тьмы язычества».

О деятельности Анны на Руси ничего не известно. Она родилась 13 марта 963 года, за 2 дня до убийства ее отца.

Крайне маловероятно, что из Византии сюда, в «Скифию», направляли лучшие богословские силы патриархата, тех, кто нес бы идеалы христианской морали, мог подать примеры высокой нравственности. Скорее всего, в большей своей части это были далеко не лучшие кадры греческого духовенства. Так что представление о заморской церкви было в Киеве — не могло не быть — достаточно трезвым. Что у Владимира должен был выработаться скептицизм по отношению к всяческим религиозным формам, достаточно понятно. Важно, как и с какими целями проявил Владимир свой скептицизм, каких добился результатов. А проявил он его весьма активно и результатов добился тоже серьезных.

Владимир, как утверждает Летопись, крестил Русь и больше историков Церкви он не интересует. Мы знаем только о последних днях его жизни.

А как же православная Русь?

*Идол, найденный на
«Чудском конце»
Ростова*

1071 год. Во время неурожая явились два волхва из Ярославля. Волхвы заявили, что знают всех, кто в этот голодный год припрятал запасы. И действительно, куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что «та — жито прячет, а та — мед, а та — рыбу». Смерды приводили к ним этих «жен», волхвы с каким-то колдовским обрядом «прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе». Дошли так до Белоозера, «и было с ними людей триста».

На Белоозере оказалась дружина Яна Вышатича, собиравшего дань князю Святославу. Вышатич прежде всего разузнает,

чьи смерды эти волхвы, «и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов». Их, конечно, никто выдавать не собирался. Осерженный Ян пошел было со своим требованием к лесу, где засели недовольные смерды. Дружинники остановили его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Осрамят — это значит откажутся повиноваться, заставят отступить. Ян понял и пошел с группой воинов, держа в руке боевой топор. Навстречу вышло трое. Остановили Яна, хотели припугнуть: «Идешь на смерть, не ходи». Никаких предупреждений Яну было не нужно: воин, глава княжьей дружины — и какие-то смерды. Порядок следовало навести немедленно и жестоко. Устрашить, а потом не дать опомниться. Смердых парламентаров убили на ходу и двинулись на оставшихся. Ян шел впереди, на него кто-то кинулся, кто-то швырнул в него топор, но промахнулся. «Ян же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их».

Итак, Ян идет впереди — воин и власть, — ему ли бояться, да и кого, смердов? И как убил: обухом топора. Не зарубил, похоже, что он, княжий «лучший муж», просто не хочет марать боевого оружия смердьей кровью. Смердов рубят отроки. Повстанцы бежали, и не Вышатичу было гоняться за ними по лесам, да и как взять их в лесу? Ян вернулся в Белоозерск и заявил горожанам, что если те не схватят и не выдадут ему волхвов, то он «весь год» проведет в городе. Кормить весь год дружину, которая к тому же распояшется — это очевидно, — белоозерцев такая перспектива напугала. Трудно сказать как, но волхвов Вышатичу привели. Из допроса вышел сначала богословский спор, волхвы сначала убеждали Яна: «...перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Вышатич не поддается на уговоры колдунов и утверждает, что это ложь, что человек состоит «из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог знает».

«Теология», как видим, очень несложная. Ян — христианин того начального периода, когда «весь крещеный мир» Руси, по сути — полнейшие язычники, научившиеся двум-трем молитвам да крестному знаменю. Этого хватит с избытком: сам факт крещения в языческом всеобщем сознании вполне достаточен для того, чтобы далее не особенно беспокоиться о религиозных вопросах. И вместе с тем эта «теология» — шаг вперед по

сравнению с языческими верованиями. Ян отказывается верить в традиционное ведовство, это для него уже ложь. Но если это и шаг в познании мира, то даже для Вышатича шаг небольшой. Христианство прекрасно позволяет ограничить кругозор и меру жизненной ответственности человека: «Никто ничего не знает, один только Бог знает». Тезис Вышатича вполне христианский, делает религию средством интеллектуального застоя, которым она, по сути, и явилась. И опять же обратимся к словам Яна; особенно ярко проявлялась христианская косность тогда, когда стали развиваться естественные науки. «Все знает Бог, человеку незачем и греховно мудрствовать» — этот тезис на века станет опорой религиозного невежества*. Как скоро он, оказывается, прозвучал в христианской Руси...

Дальше пошел спор о сотворении человека. Волхвы утверждают, что им лучше, чем Яну, известно, как был сотворен человек: из грязной тряпочки, которой бог отерся в бане. Ян только что, по Библии, утверждал, что «сотворил Бог человека из земли», и он обвиняет волхвов: «Прельстил вас бес». Опять же первый на Русской земле теологический диспут содержит тот основной аргумент, к которому богословы будут прибегать и столетия спустя. Его можно выразить по-разному, но его суть всегда не в доказательстве, а именно в этом — «бес прельстил», и это — *ultima ratio* теологии. Но Вышатич не богослов и спор прекращает, сведя его с неба, где Бог, на землю, где он, Ян Вышатич. Волхвам, подводит он черту, придется «здесь принять муку от меня».

Волхвы, как ни странно, упорствуют: «Не можешь нам сделать ничего». Речи нет о теологических категориях: смерды убеждены в том, что их право — предстать на суд князя, а не княжьего слуги, хотя бы и самого Вышатича. Он же уверен (с этого и начиналось), что раз они смерды его князя, то они и его смерды. Следовательно, он волен вершить суд. Смерды стоят на своем, Вышатич — на своем. Даже после пытки — волхвов били, выдирали им бороды — Ян издевается: «Ну, что вам молвят боги?» Они тверды: «Стать нам перед Святославом».

Волхвам заткнули рот кляпом, привязали их к мачте лады. Отправились по реке и остановились в устье Шексны. Ян за

* В 1871 году в Орловской гимназии было прочитано слово на тему: «Неученье — свет, а ученье — тьма». Об этом см.: *Мандельштам И.* Власть мифа в наше время. Харьков, 1908.

свое: «Что же вам теперь боги молвят?» Волхвы уже понимали все и отвечали: «Так нам боги молвят: не быть нам живыми от тебя». Ян усмехнулся: «Вот это-то они вам вправду поведали». Волхвов убили и повесили на дубе. Так было подавлено это одно из первых народных выступлений против «знатных». Это не выступление против христианства. Вышатич спокоен в богословской части дискуссии. Она идет без каких-либо угроз с его стороны. Волхвы свободно излагают свои взгляды на мир, не отрицая и христианского бога. У Вышатича лишь христианское презрение к «невеждам», но не более того. Казнь волхвов — кара за то, что они возглавили восстание, за то, что отказались признать власть Яна. События на Белоозере не спор язычества с христианством и потому, что само христианство еще не укрепилось настолько, чтобы у него оказались рьяные сторонники, жаждущие кар и казней язычникам, еретикам, богохульникам и т. д. — все это придет позднее. Пока же где было взять таких фанатиков благочестия? Среди вчерашних язычников? Сам Ян — христианин всего во втором поколении.

В этот относительно краткий период новая вера не ощущала особой нужды в борьбе со старой.

Обе религиозные системы отражали разные стороны бытия. Язычество прежде всего соотносило человека с природой, определяло его место в мире природы, христианство — отражало социальную сущность человека и общества и место человека среди людей. Оба отражения были, разумеется, не истинными, превратными отражениями реальных связей человека с природой и обществом. «Круги охвата» этих систем не совпадали, но они пересекались. И это — одна из причин православного двоеверия. Многое совпадало: вера в загробную жизнь, вера в сверхъестественное — чудеса, в возможность умиловать высшие силы. То, что одни называли «свои» силы богами, а «не свои» — бесами, дела не меняло. В бесов тоже верили.

В стихийном народном двоеверии есть примечательное определение — один православный поинтересовался: «Кто такой шайтан?» — «Не нашего бога черт», — получил он в ответ.

Под тем же 1071 годом летопись рассказывает о появлении волхва в Новгороде. Здесь дело обстоит серьезнее, чем на Белоозере. Волхв не только брался предсказывать грядущее — это тот же мотив, что звучал и в Киеве, и на Ростовской земле, — он делал это, «хуля веру христианскую». Волхв «обманул чуть

не весь город», — сокрушается Летописец. «И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа». Волхв будто бы пообещал: «Перейду Волхов перед всем народом». Собирался, что ли, повторить чудо Иисуса Христа, пройти «яко по суху»? Доказать, что евангельский герой не герой? Но тут вышли князь, дружина, епископ в полном облачении.

Сошелся едва ли не весь город. Епископ обратился к собравшимся: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть по кресту идет». И разделились люди надвое. Князь Глеб и его дружина пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий... Глеб, совсем не по-княжески, спрятал под плащ топор и пошел навстречу волхву. Диспут был краток. Речь о том же, о грядущем, и возможности его предсказания. Глеб настойчив: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Волхв ответил: «Знаю все».

Вероятно, волхв, как и в Киеве, пророчествовал о временах достаточно отдаленных, и князь своим вопросом хочет понизить его предсказания, хочет публично развенчать волхва. Он спрашивает не об отдаленном будущем, которое так нетрудно пророчествовать, и не удовлетворен слишком общим ответом. Глеб повторяет вопрос, ставит его более конкретно: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Волхву деваться некуда, хорошо уже то, что можно попробовать переговорить князя, и он стоит на своем: «Чудеса великие сотворю». Все это — сцена. Площадь, полная народу, напряженная, затихшая.

XI век — информация идет только из уст в уста, и здесь не как на Белоозере, здесь не спор, а публичное выступление. Оба, наверное, выкрикивают свои слова, нужно, чтобы их слышали все. Волхв не знает, что этот ответ его — последний. Глеб добился нужной ему реплики. Наверное, была секундная пауза: князь убедился, что слова волхва услышаны и поняты. И тут он выхватил из-под плаща топор, свой решающий аргумент. «Разрубил волхва, и пал тот мертв». Мятеж кончился, не начавшись. «Люди разошлись»*, — подводит итог дня Летописец теми же словами, которыми закончил рассказ о крещении киевлян...

*Полвека христианизации Руси, а на стороне епископа — князь и дружина, на стороне волхва — «люди все», то есть все новгородцы. А где же христианская Русь?!

Аргумент Глеба убедителен для языческого сознания. Волхвы берутся предсказывать, а не предвидят сиюминутных событий, не знают даже своей судьбы. Во всех трех случаях (вспомним гибель Олега от «конского лба») волхв, колдун не предвидит собственной гибели. Церковь настойчиво монополизирует определение «божьей воли». Но для утверждения христианства топор Глеба и понятная всем собравшимся его решимость устроить побоище — аргумент грозный, но неубедительный. Для укрепления христианства потребуются свои чудеса.

За чудесами дело не станет, вскоре Церковь даст их в изобилии, но пока круг замыкается: для веры в христианские чудеса нужны верующие христиане. Так определяется долговременная задача Церкви — постепенное внедрение культа святых, которые вытеснят прежних перунов и велесов, сольются с ними, покроют их схимой или нимбом святости. Нужно думать о новой обрядности и о многом другом. Этим Церковь в меру разумения и занимается. Не на годы — на века растянулось это «внедрение».

Пока же единственный случай организованного сопротивления именно крещению мы знаем со слов летописи в том же Новгороде. Обратимся к двум летописным сводам: Новгородской и Никоновской летописям. В Новгородской летописи о крещении сообщается под 989 годом. «И прииде к Новугороду архиепископ Яким и требища разори, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхов». Перуна, как в Киеве, волокли по грязи, колотили жезлами и сбросили в реку. Здесь, как и на Днепре, было указано следить, чтобы идол не прибился к берегу*.

Поклонение языческому божеству. На заднем плане виден христианский монастырь. Гравюра из книги Шлейзинга «Религия московитов», 1695 г.

* Сюжетное сходство настолько велико, что может показаться прямым заимствованием киевской ситуации. Лишь детали отличают новгородское крещение от киевского: Перун, проглывая под мостом через Волхов, швырнул на него свою палицу, которая, по словам Летописца, какими-то «безумными» сохранялась в Новгороде. «Утеху творят бесам», — сокрушается он о языческом обряде, открыто продолжающем жить в Новгороде.

Идол Перуна у трона князя

Поклонение языческому божеству. На заднем плане виден христианский монастырь. Гравюра из книги Шлейзинга «Религия москвитов», 1695 г.

Летописи сохранили и прямое свидетельство сопротивления введению христианства. Относится оно к крещению Новгорода. Мы имеем в виду рассказ так называемой Иоакимовской летописи. Текст ее до нас не дошел, мы знаем его в изложении В.Н. Татищева, который этот текст имел и привел его в обширных выдержках в своей «Истории Российской».

Крестить новгородцев отправили из Киева Добрыню.

Новгородцы поклялись Добрыню в город не пустить. Разметали середину моста, с Софийской стороны поставили на нем два камнемета. «Со множеством камня поставиша на мосту, яко на сущие враги своя». Верховный жрец языческий Богомил, которого новгородцы за красноречие прозвали Соловьём, собирает толпы, проповедует, запрещает покоряться Добрыне. Тысяцкий Угоняй вопил: «Лучше нам померети, нежели боги наши дати на поругание». Словом, бунт, причем участники — и массы, и верхи Новгорода.

«Мы же на Торговой стороне ходили по торжищам и улицам, уча людей, елико можахом». Так шло два дня, «можахом» насильно и с большим трудом. Все же окрестили — заставили — несколько сот человек. Народ же там, на Софийской стороне, за Волховом, не бездействует. Начинают громить богатых. Разорили дом Добрыни, убили его жену и еще кого-то из родственников. Разметали, разнесли по бревнышку церковь Преображения*.

И тут расвирипел Добрыня. Тысяцкий Путята с дружиной в 500 воинов ночью переправился через Волхов и устроил побоище. Поутру переправился на Софийскую сторону и Добрыня. Побоища, видно, не хотел — находчивый, нашел способ покорить новгородцев. Велел дружине сжигать дома. Они, конечно, бросились тушить — трудно ли дотла выжечь деревянный город?

Отметим эту деталь: язычники только «разметали» христианскую церковь. Сжечь, конечно, было проще, но боялись за город. Добрынюшку, добра молодца, этим не остановить... Добрыню здесь знали хорошо и без лишних слов понимали, что «добрый молодец» ни за чем не постоит, — просили мира. Добрыня унял дружину, начавшую разгром города, дальше все пошло по киевскому образцу. Скидывают в воду и жгут идолов.

* Стало быть, в городе были христиане, но Добрыня хотел уничтожить языческое святилище.

Какой-то посадник Воробей, красноречивый воспитанник Владимира, увещевает народ на торговой площади. На Волхове идет крещение. Еще одно отличие от Киева — крестят раздельно «мужи выше моста, а жены ниже моста».

И до сего дня — подводит итог новгородскому крещению летопись Акима Корсунянина — дразнят новгородцев: «Путята крестил мечом, а Добрыня — огнем».

Утверждая христианство и религиозные заслуги Владимира, русские писатели не могли не коснуться сопротивления христианству. Они, проповедники-идеологи, должны были ответить современникам почему же столь истинная религия не везде встречается с радостью, чаще просто покорность, а то и неприятие?

Уже в «Повести...», когда Владимир посылает по Киеву объявить свою волю о крещении, указано на прямую санкцию в случае отказа: «...будет мне враг». В Никоновской летописи жестче: «Не будет пощажен». В Иларионовом «Слове о Законе и Благодати» развернута мысль, аналогичная «Повести...»: «Всем быть христианами, малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простым, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому его повелению, а если кто и не с любовью, но со страхом принужденного крестится, потому что благоверие его с властью сопряжено». Слово Илариона — это официальная трактовка Русской церковью событий крещения.

Христианство, практически по всей Европе, внедряется насильем.

Вторая половина IX — начало XII века, — полтора, два и более долгих столетия, в которые практически завершается христианизация народов Европы.

Византия сумела нанести Болгарскому царству сокрушительный удар. В 1018 году христианская Болгария была разгромлена христианской Византией с жестокостью, вызывающей ужас и сейчас, спустя много веков. Престарелый Василий II успел войти в историю со страшным прозвищем Болгаробойца. В решающем сражении армия императора захватила в плен 28 тысяч воинов (называют и другое число). Василий, это свидетельствуют византийские авторы, распорядился отсчитать

половину, эти 14 тысяч ослепили. Им вырвали оба глаза. Остальных тоже ослепили. На один глаз. И тогда император разделил пленных на пары: слепой получил поводыря — и отпустил их по домам.

С этого времени активизируется византийская церковная политика на Руси. В 1037 году при Ярославе Мудром Русская церковь хотя и сохраняет церковную автономию, но переходит в ведение константинопольского патриарха. Ее митрополиты надолго (кроме Илариона) — греки. Русская церковь станет автокефальной только в 1448 году, а патриархат, пятый патриархат восточных церквей, будет провозглашен ею в 1589 году.

Становление феодального общества повсеместно сопровождалось принятием христианства — религиозной системы, адекватной новой общественной формации.

Новая вера будет принята массами, станет их верой. Но она окажется вовсе не тем христианством, которое несли на Русь византийские епископы. Народное христианство — православие сольется с древними верованиями, пропитается ими, станет тем двоеверием, по поводу которого, века спустя, будут сокрушенно вздыхать православные иерархи.

Церковный историк Е.Е. Голубинский в «Истории русской церкви» дает резко отрицательную оценку «Повести временных лет»: «Повесть эта не заключает в себе ничего истинного». Далее Е.Е. Голубинский энергично называет ее «вымыслом» и утверждает, что «серьезной науке пора, наконец, расстаться» с этой «выдумкой»*.

* Многие считают, что летописи писались монахами как ежедневник. Год прошел — записали главное, другой прошел — опять записали. На самом деле летописи писались не погодно, а разово, за один-два присеста. Притом события «ушедших времен» восстанавливались по памяти или по преданиям. О точности летописей говорят такие факты, как упоминания событий в пределах точности \pm три столетия. Так, князь Гедиминас основал Вильнюс около 1323 г. Но русские летописи «знают» о нем с 1128 года, за два столетия до его основания. Архангельский летописец сообщает, что Тохтамыш (разоривший в 1382 г. Москву, а это событие по времени отстоит недалеко от Куликовского сражения), был убит в этом же году ханом Шадибеком в Сибирской земле, близ Тюмени. Тюмень же построена лишь в 1586 году. В каком же веке воевал Тохтамыш с Дмитрием, раз он немедленно гибнет под городом, построенным в конце XVI века?

Для полноты картины можно обратиться к другим церковным трудам. Во «Владимирском сборнике», изданном в Киеве к девятистолетию крещения Руси в 1888 году (в основном из статей, опубликованных в «Трудах Киевской духовной академии»), летописная повесть о крещении Руси тоже характеризуется как «полная легендарного вымысла».

Итак — вымысел.

Совершилось крещение Владимира, бояр его и воинов в Херсонесе в лето бытия мира 6496, от воплощения же Бога Слова в 988*. По крещении же приведена была ко Владимиру царица Анна, сестра греческих царей, для обручения; и через несколько дней он был венчан с нею законным браком. И возвратил он грекам Херсонес со всею Тавридой и, заключив с ними мир, возвратился в свою землю. С собою же взял он пришедшего из Царьграда с царицей Анной архиеерея Михаила, который был первым митрополитом всея Руси. Кроме того, взял Владимир из Херсонеса с архиеером и многих священников, клириков и монахов. Забрал оттуда и мощи святого священномученика Климента, папы римского, и ученика его Фива, и святые иконы, и книги, и всякую утварь церковную. Взял и того Анастаса-протопопа, который стрелой научил его, как взять город Херсонес. И пришел Владимир в Киев с радостью великой, славя Христа Бога. И тут же начал он старательно заботиться о просвещении стольного города своего Киева и всей святой русской державы.

Первым делом велел Владимир крестить сыновей своих, которых у него было двенадцать от различных жен: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода — от Рогнеды, княжны Полотской; Святополка — от гречанки, жены брата; Вышеслава — от чешской княжны; Святослава и Станислава — от другой чешки; Бориса и Глеба — от болгарки; Брячислава и Судислава — от какой-то другой жены. И были они крещены митрополитом Михаилом в одном источнике, источник тот находился на горе над Днепром, с того времени и доныне называется то место

* Русские летописи не знают, где именно крестился сам Владимир. Называют несколько городов. Скандинавы же, хорошо знавшие то, что творится на Руси, вообще считают, что Владимир был язычником до самой смерти.

Крещатиком. Затем послал Владимир глашатаев по городу, повелевая, чтобы наутро все собрались на реке Почайне, из Днепра вытекающей и вновь в Днепр впадающей, старые и молодые, большие и маленькие, богатые и бедные, мужчины и женщины, предупреждая, что кого не окажется в назначенное время на реке, тот будет противен Богу и великому князю.

И когда наступило утро, пришел сам князь с боярами на реку, и архиерей с ним, и все священники, и собрался весь город к реке, всякий чин и возраст, обоего пола людей бесчисленное множество — на месте, где ныне стоит церковь святых страстотерпцев Бориса и Глеба. И повелено им было, сняв одежды, войти в реку — отдельно мужскому полу, отдельно женскому, более старшим — в более глубокие места, маленьким же стать недалеко от берега. И стояли они в воде кто по шею, кто по пояс, разделившись на группы. А священники в иерейских облачениях, стоя у берега на специально для этого устроенных досках, читали над народом молитвы, при крещении подобающие, и давали им имена — каждой группе какое-то одно имя, и велели им трижды погрузиться в воду, а сами зывали над ними, призывая согласно чину крещения имя Святой Троицы.

И так крещен был весь народ киевский в лето бытия мира 6497, от воплощения же Бога Слова в лето 989, на другой год по крещении Владимира.

Сразу же по крещении народа Владимир повелел сокрушить идолы и храмы идольские до основания разрушать. Самого главного идола Перуна он повелел привязать коню за хвост и тащить с горы к Днепру и приставил двенадцать человек, чтобы те влекомого идола били палицами.

И подтащив его к берегу, бросили они его в Днепр. И все прочие идолы по повелению великого князя были сокрушены и брошены одни в воду, другие в огонь. Некоторые же безумные киевляне, видя сокрушение и погибель древних своих богов, плакали по ним и рыдали, а более умные говорили:

*Поклонение Мокоши. Гравюра
из книги Шлейзинга
«Религия москвитов», 1695 г.*

«Князь наш и бояре его разумны, знают они, какой Бог лучше. И если бы хороши были эти боги, они не повелели бы их сокрушать и не избрали бы иной веры, они избрали лучшее, а отринули худшее».

По сокрушении же идолов и по разорении идольских храмов повелел Владимир на тех местах строить святые церкви. Вначале создал церковь Святого Спаса на том месте, где был идол Перуна, затем церковь во имя Святого Василия Великого, поскольку и сам в святом крещении наречен был Василием, и иных церквей множество повсюду воздвиг, но лучшею всех постарался сделать каменную церковь во имя Пречистой Богородицы, которая позже была названа Десятинной, ибо Владимир сказал: «Вот, от всего имения моего и от всех городов моих даю десятую часть в эту церковь Пречистой Богородицы». С того времени и названа была эта церковь Десятинной. И вручил он ту церковь вышеупомянутому протопопу Анастасу, которого привел из Херсонеса, и мощи святого Климента, папы римского, внес в нее и всякую церковную утварь, из Херсонеса принесенную, отдал туда. Позаботился он и об учении книжном, ибо сыновей своих, а с ними множество боярских детей повелел обучить писанию греческому и славянскому, приставив к ним искусных учителей, а также и у простых людей отроков повелел брать для учения книжного. Матери же их безумные плакали по детям своим как по мертвым.

И стремясь не только Киев, но и всю державу свою светом веры святой просветить, послал Владимир людей во все русские города крестить народы, на не захотевших же креститься большую дань возлагал. И стал Владимир жить богоугодно и преподобно, переменяв старые свои привычки, в нечестии у него бывшие. Во всякой добродетели наставляем он был честной супругой своей царевной Анной, с которой жил по христианскому закону. Прочих же, прежних своих жен, которые были у него до крещения, наделив богатствами, он отпустил, дав каждой возможность, если хочет, выйти за другого мужа.

Затем послал Владимир в Царьград к святейшему патриарху, а в то время патриархом был Сергей, моля, да пошлет к нему еще архиереев и иереев, поскольку жатва была многа, делателей же мало, ибо многие русские города нуждались в просвещении, людей же русских для духовного чина подходящих было

недостаточно, ибо недавно только у них книжное учение началось. Прислал же святейший патриарх Сергий из греков епископа Иоакима Херсонянина и иных с ним епископов и пресвитеров немало. Взяв пришедших к нему епископов, Владимир пошел с ними в землю славянскую, в страну Залесскую, в область Ростовскую и Суздальскую, и поставил над рекой Клязьмой город, и назвал его по первому своему имени Владимиром*, и создал в нем церковь Пречистой Богородицы, и повелел крестить людей повсюду, и церкви строить, и дал им епископа. Пойдя оттуда в Ростов, он создал там деревянную церковь и дал им епископа. Потом в Великий Новгород пришел и посадил в нем Иоакима Херсонянина архиепископом. Тот архиепископ разрушил там идола Перуна, подобный киевскому, и повелел, оцепив его, тащить к реке Волхову.

Пройдя и прочие главные города своей державы, повсюду народ крестя, церкви создавая, епископов и пресвитеров жить устраивая, и возвратился в стольный свой город Киев и разделил землю Русскую на двенадцать княжений—двенадцати сыновьям своим. И накрепко заповедовал им жить в любви и согласии и не обижать друг друга, не преступать пределов, каждому определенных, но всякому довольствоваться уделом своего княжества. Не менее твердо заповедовал он им и то, чтобы всякий в княжении своем умножал славу Христа Бога и искал спасения душам человеческим, неверных к вере приводя и церкви созидал. Для чего каждому из них дал по епископу и пресвитеру. И так их устроив и на княжения их разослав, сам он пребывал в Киеве, уже будучи стар. И прилежал он добрым делам, церкви и монастыри строя и украшая, и милостыню неоскудную всем подавая, и трапезы изобильные во дворе своем нищих ради ча-

Победа христианства над языческими богами. Фрагмент старинной иконы. (См.: Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876)

*Явный анахронизм. По летописи, город основан в 1180 г. Владимиром II Мономахом.

сто поставляя. А недужным, которые не могли дойти до княжеского двора, на возах всякую пищу и питье посылал. И имел он мир и любовь с окрестными государствами — с Польским, Венгерским и Чешским, прекратив воевать. С одними только печенегами бывали еще войны, но, как в древности Константин, так и он побеждал противников силою Иисуса Христа. И настолько был милостив и милосерден святой Владимир, что и злодеев, достойных казни, не торопился казнить, даже за великую вину, и из-за этого умножались разбойники, воры и прочих всяких зол делатели. И говорили митрополит и старцы Владимиру: «Почему, князь, злодеев ты не казнишь?» Он отвечал: «Боюсь греха». Митрополит же и старцы сказали: «Ты от Бога поставлен властителем для наказания злодеев и поощрения делающих добро. Так что достойно тебе наказывать злодеев, рассмотрев их вину, ибо знай, что, если ты не казнишь злых, значит, ты сам совершаешь зло по отношению к добрым, поскольку из-за твоего нерадения умножаются злые на пакость добрым. Так что погуби злых, чтобы добрые жили в мире».

При этом великом князе пришел в Киев преподобный отец наш Антоний со святой Афонской горы и вселился в пещеру Варяжскую над Днепром вблизи Берестова урочища.

Затем приблизилась блаженная кончина к святому Владимиру. Но сначала супруга его, великая княгиня Анна, греческая царевна, виновница просвещения всей русской земли и спасения столь бесчисленного количества душ человеческих, за три года до его кончины преставилась к Господу. И начал Владимир день ото дня изнемогать телом. И болел он много дней и, все, что подобает христианину перед кончиной, совершив, в добром исповедании предал праведную свою душу в руки Божии месяца июля в пятнадцатый день, в лето бытия мира 6524, от воплощения же Бога Слова 1015. Так скончался святой великий князь Владимир, нареченный в святом крещении Василием, пребывая на великом княжении Киевском, после прихода из Великого Новгорода, тридцать пять лет: перед крещением восемь лет и по крещении двадцать семь лет и несколько месяцев, в двадцать же восьмое лето скончался. И принесли его в церковь Пречистой Богородицы Десятинную. И собрались там все киевляне и жители окрестных мест к честному его телу, духовные и мирские, плача и рыдая, как по отце своем и ходатае спасения, и сотвори-

ли ему славное погребение и в той же созданной им церкви положили его в мраморном гробе. Затем и память его праздновать постановили как святого и апостолам равного, всю русскую землю просветившего святым крещением*.

«Исповедание веры»

Михаила Синкелла Иерусалимского

До середины X века «Исповедание...» переводилось три раза:

- 1) как добавление к Номоканону XIV титулов;
- 2) в составе Изборника, переведенного для Симеона Болгарского и находящегося в рукописи 1073 года;
- 3) в полуарианской версии. В XIV веке «Исповедание...» переводилось еще два раза, и один из этих переводов входит в состав второго болгарского перевода того же самого Изборника, который был переведен для Симсона.

Полуарианская версия цитируется в «Повести временных лет» под 988 годом и оттуда — в более поздних летописях. Только в XVIII веке осознали, что эта версия еретическая.

Напомним текст «Символа веры», включенного в «Повесть временных лет»:

«Сын же подобосущен Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменны их свойства...».

Так что же приняли на Руси?

Христианство?

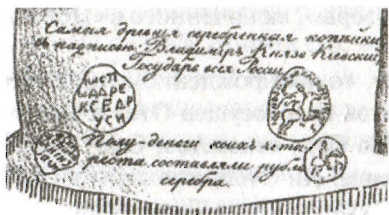
Но митрополит Макарий в свое время заметил: «Однако здесь важное недоумение: отчего до самого XV века между сохранившимися славянскими рукописями мы не находим ни одного списка книг Ветхого Завета, кроме Псалтири, тогда

*Афанасий Кальнофойский сообщает в своей «Тератургиме»: «Драгоценное сокровище — святые мощи Владимира были выкопаны из развалин Десятинной Церкви в 1635 году».

как списки новозаветных книг встречаются довольно нередко?»

Как сообщает Георг Шлейзинг в своей книге «Религия московитов» (1695 г.), русские в это время (а это уже петровские времена) считают себя греко-православными. Но вместо приветствия произносят «Салом»*. «Их главные попы, или священники, читают народу в церквах Новый Завет. Что же до Ветхого Завета, то, по их разумению, в нем содержатся непристойности, кои далеки от того, чтобы быть читаемы публично народу, а потому они не считают достойным затрагивать их, исключая псалмы Давида. К этой священной книге питают они такое отвращение, что считают профанацией само внесение ее в церковь и разрешение там ее читать. Что до чтения Нового Завета, они проводят его так равнодушно, и так быстро, что читающий не понимает смысла читаемого, а присутствующие не обращают на него никакого внимания».

Эти предварительные замечания показывают, насколько мало были распространены богословские знания в среде духовенства даже в конце XVII века.

Стоглав прибавляет, что попы и причетники часто приходят для совершения службы пьяными, иной раз затевают между собою ссоры, сквернословную ругань и драки, даже «до кровопролития».

В «Вестнике Европы» № 4 за 1828 г. приведено 16 общих культурных традиций между мусульманами и староверцами. Я мог бы добавить еще три. Но главные особенности следующие.

Как и мусульмане, старообрядцы умываются перед молитвой, притом если вода недоступна, то умываются землей. Брить бороду — великий грех. Даже взять человека за бороду — оскорбление.

* Собственно, написано «Шалом», но и слово «свах» Шлейзинг записывает как «Швах».

Если к ним придет православный или католик, то после него посуду выбрасывали, как испоганенную (православный поганит посуду!).

Но, слава богу, наступил 1666 год. Никон решил ввести новую веру и принял христианство-богомилство из Болгарии. После этого мы стали называть свою веру греко-православной, но с греками никак объединиться не можем. Почему? А не знаю. Не судьба, наверное.

Могли ли русские перейти в ислам?

Вот что говорит о киевлянах XII века (по нашим летописям — славянах) Абу Хамид ибн абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалузи, мир ему и его предкам, побывавший в наших краях в 1131—1153 гг.: «И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той стране под именем печенеги. И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на дочери одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их хутбе, а они не знали пятничной молитвы»*.

Ну надо же! Живут в самом Киеве, а пятничную молитву правильно прочесть не могут! Но ведь это значит, что Киев XII века — город мусульманский. Где же там православие? Не очень многознающими мусульманами были киевляне.

Но мы же знаем, что еще в X в. была построена Десятинная Церковь. Правда, в КСИИМК, т. 1, помещен отчет о раскопках Десятинной Церкви, в котором говорится, что церковь стоит на рву, который был засыпан при строительстве церкви. Археологически датируется засыпка рва аж XIII веком! Как христиане смогли поставить церковь в X веке на том рву, который только лет через 200 будет засыпан — этого я сказать не могу. Но где-то молиться местные мусульмане должны же были, вероятно — в Софии Киевской, ведь мечетей в Киеве

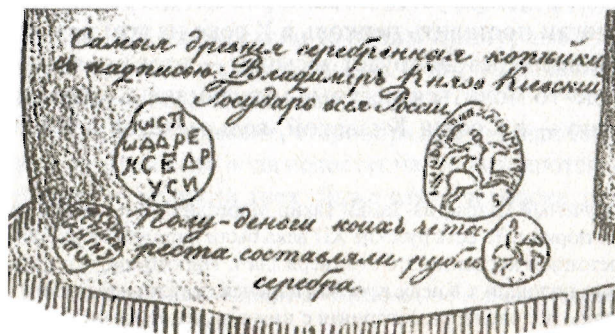
* Арабский ученый Шараф аз-Заман Тахир Марвази (XII в.) прямо относит русских к тюркам. То есть русские XII века были народом тюркским. Да и русские летописи косвенно это подтверждают. Напомним, что когда половцы впервые подошли к Киеву, простой паренек перелез через стену и прошел через ряды половцев, разговаривая с ними на их же языке.

*Поклонение Мокоши. Гравюра из книги Шлейзинга
«Религия москвитов», 1695 г.*

*Победа христианства над языческими
богами. Фрагмент старинной иконы. (См.:
Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876)*

нет. Придется признать, что в то время церковь и мечеть — синонимы.

В «Задонщине» сообщается, что, разграбив имущество татар, русские воины везут своим женам «насычеве». Что такое «насычеве»? Так по-русски называется молитвенный коврик, от арабского «насыдж». Понятно, что женам в церкви без молитвенного коврика молиться было бы трудно.

Но вернемся в Древность. Как известно, Киев основан Кием, первым князем Киевским. Что же нам известно о нем? Оказывается, Кий был выходцем из Хорезма (настоящее его имя — Куйя), после переселения части хорезмийцев-мусульман в Хазарию, где они были расселены по границам государства, Куйя стал визирем Хазарии, его должность после его смерти досталась его сыну — Ахмаду бен Куйя.

Историк X века ал-Масуди пишет: «В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой стране как арсии (ясы-аорсы), и они пришельцы из страны Хорезм. В древние времена, вслед за появлением ислама, появилась в их стране засуха и мор, и потому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагался на них в своих войсках... Кроме того, им принадлежит должность везиров. В настоящее время визир один из них — Ахмад бен Куйя... Жители Арсии имеют также мусульманских судей».

Арсания — ведь это одна из «славянских» стран, наравне со Славией и Куявией!

Правил Киевом и Аскольд (Аскел), который был женат на дочери хана волжских булгар, чьим вассалом он и являлся (об этом свидетельствует ибн Фадлан). Аскольда убил Олег, норвежец по национальности, но наш великий князь. Проблема в том, что он был подданным Хазарского государства и к тому же Радзивилловская летопись помещает рисунок — Олег воюет на Балканах. Но под каким знаменем? На знамени арабская надпись «ДИН», что означает «вера», «религия».

Почему по-арабски? Ну, это понятно, — христианства еще не приняли и поэтому с кириллицей еще не знакомы. С кириллицей не знакомы, а вот с арабицей — нет проблем.

Слава богу, уж Ольга-то не мусульманка! Однако... Если обратимся к русским летописям, то выясним, что Ольга — дочь половецкого тархана, «а половцы закон магометов держали», то есть Ольга происходит из мусуль-

манской семьи. Правда, русские летописи сообщают, что в 955 году она крестилась либо в Константинополе (однако византийские источники этого не подтверждают, а скандинавские — опровергают), либо в Москве (однако мы празднуем основание Москвы, датируя это событие XII веком). Святослав не был христианином — с этим согласны все.

Знойко в статье «О походах Святослава на Восток» (ЖМНП, 1901, дек. С. 273—274) пишет: «Чтобы сбыть сырье, производимое на Руси, надо вести торговлю с мусульманскими народами Азии, что могли делать только мусульмане же — хазары, болгары, либо надо принимать мусульманство самим. Поэтому приходилось торговать с Грецией».

Так хорошо начал — и так неверно кончил. Ведь Святослав с Грецией не торговал, а воевал! Торговали-то как раз с Востоком.

А о Владимире что говорят восточные авторы?

Мухаммад ал-Ауфи сообщает: «Русы... постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч. Если кто-нибудь из них умрет, и после него останутся сын и дочь, то все имущество отдают дочери, а сыну не дают ничего, кроме меча, говоря ему: «Твой отец добыл имущество себе мечом». Так было до тех пор, пока они не сделались христианами в 300 году хиджры. Приняв христианство, они вложили те мечи в ножны.

Но так как они не знали другого способа добывать себе пропитание, а прежний теперь был для них закрыт, то их дела пришли теперь в упадок, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами. Их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху. Послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул БУЛАДМИР, как туркестанский царь носит титул ХАКАН, а болгарский — титул ВЛАДАВАЦ.

Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого все они сделались мусульманами. Они совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его».

С кем же постоянно воюют русские? С христианскими странами, конечно. Русские летописи постоянно сообщают о войнах с греками и болгарями, кымскими христианскими городами и с поляками. Лишь однажды напали на Саркел, и то потом Игорь попросил прощения — император Роман подбил!

А с кем торгуют? Об этом свидетельствуют восточные дирхемы, во множестве находимые в русских кладах (византийские же монеты почти не встречаются)*.

Путь шел «из варяг в хазары» — в Скандинавии обнаружено более 40 000 арабских дирхемов, византийских же монет всего 200, то есть 0,5%.

С.П. Толстов (По следам древнехорезмийской цивилизации. 1948. С. 261) пишет: «В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие... догмат борьбы за веру и перспективы союза со странами ислама сулили успешное развитие военной экспансии против старого врага — Византии».

Заметьте, Византия — наш давнишний враг! Зачем же принимать веру врага?

Турецкий историк Мохаммед Кятиб сообщает дату принятия русскими ислама — 333 год хиджры, а это дата «крещения Ольги».

Надписи
по-арабски:
«ВЛАДАВАЦ»
и «ВЛАДИ-
МИР»

* «Находки куфических монет верхнего Поволжья, Оки, Верхнего Поднепровья более древние по составу, чем киевские. Основное направление восточной торговли в VIII—IX веках не захватывало Среднего Поднепровья. Торговые связи Киева и Среднего Поднепровья со Средней Азией начали развиваться тогда, когда Волжский торговый путь уже начал хиреть и значение его стало падать. Находки византийских монет IX—X веков в Киеве тоже крайне редки (их всего штук 40 против сотен восточных дирхемов). Малое число монет Византии свидетельствует о незначительных связях с Византией». (Древний Киев. С. 124—125).

Но о том, что мусульманство было в Киеве еще до Владимира Святого, сообщают и византийцы. Но все-таки после Владимира — христианство? Посмотрим.

В 1947 году на развалинах храма конца XI века в усадьбе Киевского художественного института при археологических работах обнаружены черепки разбитых амфор, на одной из них была надпись арабицей — имя владельца амфоры — «Кабус». Случайность? Ну что ж, возьмем книгу К.Н. Гупало «Подол в древнем Киеве» (Киев, 1982. С. 82). Сообщается, что в Киеве найдена формочка для литья с арабской надписью, которую можно прочесть как ЙАЗИД (из-за царапин можно прочесть и иначе — ТУРК).

Датируется эта находка X—XII веками. Найдены там и поздние корчаги, на одной из них надпись кириллицей — она читается «МСТСЛВЛ КРЧГЪ».

Надпись написана так, как мог написать мусульманин, привыкший писать арабицей, не обращая внимания на гласные звуки.

А что говорят письменные источники?

Письмо Матфея, краковского епископа, святому Бернарду, аббату Клервонскому, об обращении русских, которое следует предпринять: **«Народ же тот русский, множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и правила веры православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным. Но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет»***.

«Старшая рифмованная ливонская хроника» (XIII в.) сообщает: «Дерптский епископ Герман в это время начал враждовать с русскими. Те хотели подняться против христианства, как прежде».

Михалон Литвин сообщает, что москали и татары не пьют вина, продавая его христианам. «Они убеждены, что таким способом истребляют христианскую кровь, исполняя волю божию».

* Цит. по: *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Автор книги «Хафт Иклим» (XVI в.) возмущается, сообщая о русских, что те, кто украсил себя одеждой ислама, почему-то сохранили страсть к свиному мясу! Представляете, какой кошмар — русские едят свинину!

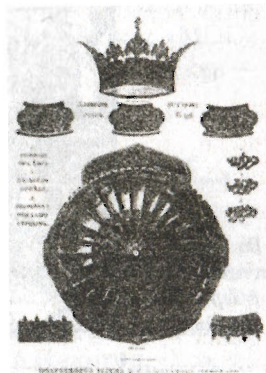
О, ужас! Ну, вот такие мы, молимся Аллаху, а свинину едим!

Посмотрим на княжеские шлемы. Шапка Иерихонская, или Шишак, князя Ф.И. Мстиславского имеют надписи по-арабски.

Интересен и тот факт, что один из русских князей назывался Иваном Калитой. Что такое калита? Возьмем старославянский текст и прочтем: «Они (латиняне) того папу чтут, что мы калиту». То есть калита для русских то же самое, что для католиков папа римский.

В русском языке в старые времена не было звука «Ф», поэтому мы говорим и пишем по традиции «библиотека», а не «вивлиофика», как надо бы.

Так вот, «калита» — это арабское слово — «калиф». Выходит, Иван Калиф был руководителем общины верующих мусульман! Поэтому старорусские монеты XIV—XV веков вплоть до Ивана Грозного имеют либо только арабские надписи, либо арабские и русские одновременно.

*Подробности шлема
Александра Невского*

13-й аят 61-й суры вы можете увидеть на шлеме великого князя Александра Невского. Многие думают, что это какие-то восточные мастера еще до приобретения князем шлема где-то там в Мусульмании нанесли эти стихи. Увы! Известен мастер, выполнивший этот шлем, — Микита Давыдов.

На шлеме — арабская надпись при христианском кресте! Ислам и христианство еще едины.

*Василий III
встречается
с Герберштейном*

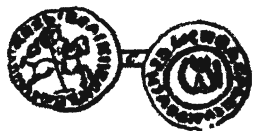
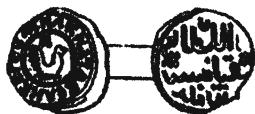

*Подробности шлема
Александра Невского*

«Арабская надпись составляет, как мы видим, обычную принадлежность богатых русских шлемов»*.

Некоторые утверждают, что это якобы из-за страха перед татарами мы писали по-арабски. Интересно, каких татар так сильно боялся Василий III, что на своей монете выбил надпись: «КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИЛИЯ (по-русски) ЛЯ ИЛЛЯХИ ЛЯ ИЛЛЯХУ МУХАММАДУН РАСУЛЮ ЛЛЯХИ (по-арабски)**

А царь Иван кого боялся? На его монете вся надпись выполнена по-русски, и лишь имя царя по-арабски.

На монете с именем «ИБАН» на оборотной стороне надпись: «МОСКОВ АХЧАСЫ БУ ДЫР» («Москов — это ее монета»).

Герберштейн встречался с Василием III и в своей книге помещает изображение царя — в персидском халате и в чалме. В чалме ходил и Степан Разин.

مسکو افچاسی بودر.

Василий III встречается с Герберштейном

Чтобы не затягивать разбирательство, рассмотрим еще всего один лишь пример. Афанасий Никитин. «Хождение за три моря». Окончив рукопись, Афанасий пишет молитву Господу, которая в современных изданиях преподносится так: «Во имя Господа Милостивого Милосердного и Иисуса Духа Божия...» Непонятно, почему

Афанасий называет Иисуса Духом Божиим? Но в подлиннике написано несколько иначе, надо бы писать так: «БИСМИЛЛЯ РАХМАН РАХИМ. АЛЛАХ АКБАР. ИСА РУХ ОАЛЛО. АЛЛАХ

* Бобринский А.А. ЗРАО, новая серия. Т. X. Вып. 1—2. С. 321.

** «Нет Аллаха, кроме Аллаха, и Мухаммад посланник его».

*Портрет Степана
Разина*

САЛАМ. АЛЛАХ АКБАР. ЛЯ ИЛЛЯХИ
ЛЯ ИЛЛЯХУ. АЛЛАХ ПЕРВОДИ-
ГЕРЬ...»

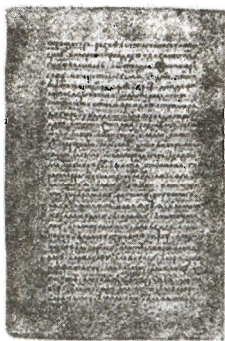
Это не православие — это мусульманство. Но... формула ЛЯ ИЛЛЯХИ ЛЯ ИЛЛЯХУ не имеет окончания МУХАММАДУН РАСУЛЛЮ ЛЛЯХИ.

Правoverные жили в лазурных шатрах,
но Пророка не знали на этих горах.

Низами

Ислам без Пророка — это русское Правoverие.

Считаем священной книгой Коран, пишем и молимся по-арабски, но называем себя православными христианами! При этом рассорились и разошлись с татарами лишь из-за недостающего окончания формулы, ибо русские признавали лишь тот факт, что ИСА РУХ ОАЛЛО (Исус Дух Аллахов), а татары добавили МАГОМЕТ — РОССОЛЛА (Мухаммад — Правосудие Аллаха).

*Страница из
рукописи Афанасия
Никитина*

Татары приняли арабскую формулу «НЕТ АЛЛАХА, КРОМЕ АЛЛАХА, А МУХАММАД ПОСЛАННИК ЕГО», русские же посчитали достаточным основанием считать себя христианами, раз они верят, что «ИСА является ДУХОМ АЛЛАХА».

Но вот наступил 1499 год.

Впервые на славянском языке появляется перевод Библии. До этого Библии по-славянски ни у кого не было. И наши предки посчитали, что это просто полный перевод того же Корана. И приняли его. Продолжая молиться Господу и соблюдать обычаи мусульманские.

Новгород не был исконно русским, его населяло племя лехитского происхождения вперемешку

с чудью (эстонцами), ильменьские словене — племя западнославянское, до XIII века поддерживали тесную связь с городом Волином, в деревнях вера была языческой, в городе же — действительно было христианство. Да и в самом Киеве некоторые князья тоже, ориентируясь на Запад, принимали католичество. И первым христианином был сам Ярослав Мудрый.

Христианином был и Изяслав и некоторые другие. Но за рамки княжеской семьи христианство долго не выходило. Народу христианство было чуждо. И лишь под влиянием поляков где-то в XIV столетии постепенно это учение начало проникать в народ, и прежде всего на Западной Украине.

Некоторые русские князья и княгини имели по два христианских имени — одно католическое, другое — православное.

Так Олисава-Гертруда имела сына Ярополка, православное имя — Гавриил, а католическое — Петр.

Мстислав Владимирович — Феодор и Гаральд.

В католической среде — они католики, в православной — православные, нет проблем. Да и почему им не уважать местных богов, находясь в Италии, Германии, Швеции или Греции? Для язычников правило: придя в какое-либо место, надо молиться местным богам, а не соваться со своим уставом в чужой монастырь. Но тогда и в мусульманской местности, естественно, надо быть мусульманином. Так что имена Святослав-Владимир-Василий-Кавус вполне мог носить один и тот же человек — Святой Владимир.

Христианство было широко распространено в Новгородской земле. Христиане назывались по Христу — «крестьяны».

Владимиرو-Суздальская земля больше склонялась к мусульманству, и жители ее именовались бесерменами.

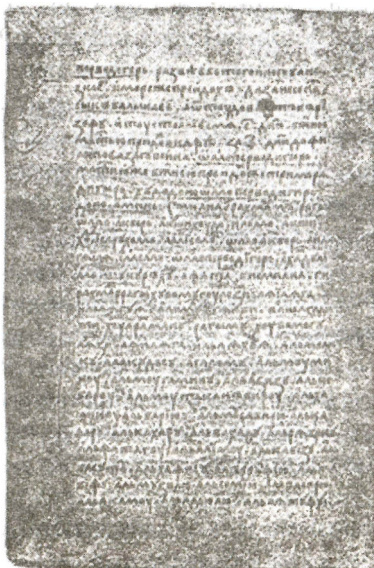
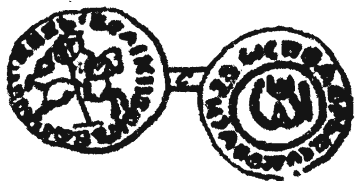
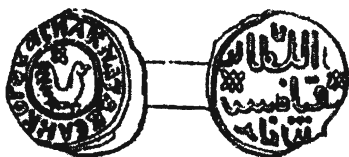
Позднее бесермены, не перешедшие в христианство, влились в татарскую нацию*.

Те же, кто сохранил веру в языческих богов, именовались паганами (отсюда бранное — «погань»).

* Были и финноязычные бесермены.

Портрет Степана Разина

*Страница из
рукописи Афанасия Никитина*

О Владимире-Кавусе Красном Солнышке Стольно-Киевском

О Владимире Красное Солнышко сложены былины. Рассмотрим же их. И удивимся. Былинный Владимир абсолютно бесцветен и неинтересен. Правит Владимир в Киеве; занимаясь в основном пирами да отдыхом, устав от пиров. Когда на Киев пришли разбойники князя города Киевца — знаменитого Чурилы Пленковича, Владимир даже не заметил этого, хотя разбойники грабили самих киевлян. Князь же в своем дворце пирует и не обращает никакого внимания на то зло, которое наносят люди Чурилы жителям его стольного города, вырывая чеснок и срубая капусту, а также грабя пасеки, ловя зверей и птицу, вылавливая рыбу. А больше, оказывается, Киев ничем и не богат.

При всякой опасности Владимир Стольно-Киевский обнаруживает лишь непомерную трусость порока, более всего презираемый в богатырских сказаниях. Так, когда Калин-царь подступает к Киеву с войском:

Тут Владимир князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронял слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир князь да таковы слова:
Нет жива-то старого козака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять-то ведь за церкви ведь за Божие,
Некому стоять-то ведь за Киев град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
да той Опраксы Королевичны*.

Последние слова особенно характерны: князь прямо признается, что сам он не способен защитить себя и свою королевичну.

При наезде богатыря Соловникова Владимир кричит со страху и на вопрос Ильи Муромца о причине крика отвечает:

* См.: Киреевский. Т. 1. С. 30.

Ах ты старый казак, Илья Муромец!
Да как-то не кричать, не тревожиться?
Да на стольней-от город, как на Киев-град
А наезжает из-за славна за синя моря
Молодой младой сюды Соловников*.

Трусливость — основная черта князя, и в былинах трудно найти хоть один случай, когда бы Владимир проявил храбрость. Зато трусость его доведена до комичности. Когда плененный Соловей Разбойник свиснул в пол-свиста, Владимир ползает на карачках по гриднице.

Нередки сцены унижения князя Владимира перед его богатырями. При нападении Калин-царя:

упадал Владимир князь Илье во правую ногу,
или бил ему челом до сырой земли**.

Владимир — «ласковый», он раздает своим боярам золотую казну, города с пригородами за их услуги, а борющихся с врагами богатырей, спасителей отечества, презирает и как бы не замечает.

Вот как жалуется на неблагодарность князя Илья Муромец:

Служил-то я у князя Владимира,
Служил-то я ровно 30 лет,
А не выслужил слова сладкого, приветливого,
Уветливого слова, приветливого,
А хлеба-соли мягкого***.

А как Владимир относится к Добрыне Никитичу? Во время его отлучки сватает его жену за Алешу Поповича, угрожая ей взять ее силой (изнасиловать), если она «добром нейдет».

Не будем пересказывать все былины о Владимире, отметим только основные черты его характера: коварен, неблагодарен, жесток, труслив, жаден, сластолюбив — такими чертами не мог обладать князь-герой, ибо это образ деспота с чертами азиатского сатрапа.

* *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины.

** См: Кирсевский. Т. 4. С. 42.

*** См.: Рыбников. Т. 1. С. 94.

Рассмотрением былин о Владимире и сличением их со сказаниями о Кей-Кавусе занимался в свое время Вс. Миллер, издавший в 1892 году книгу «Экскурсы в область русского народного эпоса». Он пришел к следующему выводу:

«Много веков тому назад, в период образования владимирова цикла, существовали в южной Руси эпические сказания с сюжетами, сохранившими в значительной свежести некоторые наиболее популярные иранские эпические мотивы»*.

Вс. Миллер провел работу по сличению мотивов иранского эпоса о Кей-Кавусе и Рустеме и русских былин о Владимире и Илье Муромце и пришел к заключению, что Фирдоуси в своей поэме «Шах-намэ» записал по-персидски те же сказания, что сохранились и в русских былинах.

Проще говоря, Владимир и Кей-Кавус — один и тот же персонаж, как и Рустем и Илья.

Фирдоуси сообщает, что у Кей-Кавуса была волшебная чаша, в которой можно было увидеть весь свет, если произнести заклинание.

Такое блюдо с наливным яблочком есть и в наших сказках. Кое-что подобное было и в Киеве. Так, по словам Лясоты (1594 г.), «на хорах киевского Софийского собора в одной из плит как раз над алтарем проделано круглое отверстие, размером в половину локтя, но теперь замазанную известью. Говорят, что тут в старину находилось зеркало, в котором посредством магического искусства можно было увидеть все, о чем задумано, хотя бы даже это находилось за несколько сот миль. Когда раз киевский царь выступил в поход против язычников и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрела в зеркало, чтобы узнать, что с ним случилось и чем он был занят. Но увидав однажды его любовную связь с языческой пленницей, она в гневе разбила самое зеркало».

Свет мой зеркальце! скажи, да всю правду доложи...

Увы! За правду и пострадать можно!

Как сообщает Лясота, «в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владимир велел замуровать одну из своих жен». Неизвестно, ту ли, что разбила волшебное зерка-

* Миллер Вс. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 23.

ло, или другую, но с тех пор долго не было видеокompromата на руководителей страны.

Что же мы можем сказать о Владимире-Кавусе и его стране? Первое, само слово «Владимир» — это не имя, а звание, должность, означающее «владеющий миром», то есть царь царей или по-персидски — шахиншах.

Царь царей Кавус правил в городе, ныне называемом Киевом, правил в столице Украины. Но во времена Кавуса это государство (Левобережная Украина) носила наименование «Русь Ясская». Сам же город Киев в то время назывался «Катай», то есть «Город», («дома» или по-украински «хаты») византийцы писали «ΚΙΤΑΥΑ».

Позже Хаты прозвали просто «горами» (по-ясски: «киево»). Угры же звали верхнюю крепость «Самбат» — «крепость на горе». Одна из гор была священной горой и называлась «Харавива» (позднее Хорив — Хоривица). Государственным языком был ясский (староосетинский).

О религии местного населения следует сказать особо.

Тертуллиан, называя местных жителей сарматами, сообщает, что первоначально они были христианами, но от частых войн вера их пропала. В X—XII вв., как о том сообщают арабские источники и раскопки археологов, северяне, поляне и многие другие племена ясов были мусульманами.

То, что киевляне плохо знали Коран и даже молитвы читали с ошибками, сообщает и Абу-Хамид ал-Гарнати.

На одной из миниатюр Радзивилловской летописи изображен пирующий князь, слуги которого подносят ему вино в амфорах. В 1947 году

на развалинах храма конца XI в. в усадьбе Киевского художественного института при археологических работах были обнаружены черепки разбитых амфор, одна из которых имела надпись арабскими буквами — имя хозяина амфоры — «Кабус».

Так что имя Кабус для Киева не было чуждо.

Топонимика Левобережной Украины в основном ираноязычная. Оскол — «Осетинская речка», Дон — «река», она же Дунай

(Дон Ай) — великая река. Днепр (Дон Апр) — «глубокая река». Ворскла — (Аорс кул — речка аорсов), АРДА — Ардас — Земля асов (Ас — «проворный»), Потудань — «Футэг дон — лебединая река». Хворостань — Фэросагдон — боковая река, приток. Созон — сэдзэн — болотистый. Калка — калак «Чернейшая, очень черная»

И даже Правобережье: Днестр (Дон, Истр) — «Река стремительная».

Тибр — «Быстрая».

Славянских же древних названий тут нет.

Этот рассказ по большей части основан на былинах, о которых еще Б.Д. Греков сказал: «Былины — это история, рассказанная самим народом».

Исходя из этого, Владимир-Кавус — личность вполне историческая, пришедшая к нам из иранских сказаний.

Не все сказания вошли в признанный круг легенд о Великом князе. Так, в «Разысканиях о древнейших летописных сводах» (СПб., 1908. Гл. 14. С. 340—378) помещена статья «Сказочные предки Владимира», но эти «предки» не вписались в связную историю и были забыты.

О разделении Церквей на православные и мусульманские и об отлучении Аллаха от греческой православной Церкви*

Православие и мусульманство

Абул-Касим ибн Абдалла ибн Муталиб, после своей смерти прозванный Мухаммадом (то есть «Достославным») был основателем новой христианской секты — мусульманства.

Морозов («Христос», т. 6) указывает, что мусульманство с 578 года по 1180 было христианской сектой, ибо «мусульманство — это протестантизм Восточной Церкви».

* См.: Православный Собеседник 1878, октябрь и ноябрь.

Иоанн Дамаскин (685—755) занимал должность первого советника при дворе халифа. Его отец — Сергей-Мансур — был государственным казначеем при дворе Омейядов.

При втором халифе, Абу-Джафаре ал-Мансуре (754—775), богослужебные книги христиан были переведены на арабский, и христианство проповедовалось в церквах по-арабски.

Император Лев III Исаврянин (717—741) в послании Омару II замечает, что христиане его времени владели уже многими житиями Мухаммада, «написанными христианскими епископами еще при жизни самого Пророка».

Как видите, христиане живо интересовались личностью святого человека и не считали его учение чем-то чуждым. Да и почему им не согласиться с Пророком, который признавал Христа за Слово Божие, хотя и отвергал его личное, отдельное бытие, то есть Иисус — не отдельный бог, а лишь часть бога, его Слово. Он признавал даже и воплощение Сына Божия, но отвергал реальность его тела, держался докетизма.

Византийцы перевели на греческий язык Коран, с чего и начинаются неприятности для последователей Пророка.

Эдесский монах Варфоломей пишет: «В твоём Коране нашёл я одни только выдумки и непристойные речи; но ничего не нашёл такого, что внушает и вдохновляет слово божие».

При переводе понятие о боге «Ссамад»* переведено словом «Олосферос»**.

Это понятие было усвоено (присвоено) Православной Церковью и было внесено в чин принятия мухаммедян в православие. Так мусульмане стали считаться Церковью православными людьми.

Итак, с перевода Корана на греческий и начались проблемы. «Олосферос» при чтении было исковеркано и понято как «Олосфирос», т.е. «Выкованный». И в византийской трактовке получилось: «Бог есть един в себе, твердо, вся как бы молотом сплоченная и имеющая сферический вид масса, которая не рождала, не рождена, которой ничего нет подобного в мире».

Такими словами была объяснена 112-я сура Корана.

* «Бесконечный».

** «Всесферный», т.е. «пронизывающий все сферы мироздания».

Но значит, у Бога не было детей? Стало быть, Иисус — не Сын Божий. И Бог «выкован» (возможно, из металла). Для анафемы хватило и этого.

И в 1180 году церковные иерархи Константинополя провозгласили Анафему:

Отлучение Богу Магомета, о котором говорят, что он есть Бог, весь выкованный молотом, который не рождает, не рожден, которому никто не подобен.

Заметьте, отлучили от Церкви самого Бога!

И Мануил Комнин смутился формулой анафемы, увидав в ней хулу на истинного Бога, и предложил изъять эту анафему из книг.

Патриарх Феодосий и его сторонники отказались изменить текст отлучения. Но Мануил издал книгу, защищая Магомета, осуждая тех, кто «по невежеству и неосмотрительности подвергает анафеме истинного Бога». Для императора Аллах — истинный Бог!

Патриарх, со своей стороны, назвал это сочинение опасным для церкви, призвав остерегаться его как яда. В ответ Мануил обозвал патриарха и его сторонников «всесветными дураками» и потребовал созыва Собора.

Но...

«Как говорят мусульмане, Бог сообщил Мухаммаду силу 40 мужчин, чтобы он мог совокупляться чаще и с большим количеством женщин, чем кто-либо другой». Так заявил «некий мусульманин». И этого было достаточно, чтобы Никита Хониат заявил, что в раю мусульмане, как мужчины, так и женщины, будут огромного роста и будут обладать по 40 детородных членов, при этом будут непрерывно упражняться в сладострастии перед лицом Бога, так как Бог не подвержен стыду.

Это было уж слишком. Не взять на вооружение против еретиков такое...

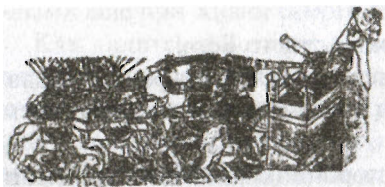
И вот на Соборе архиерей фессалоникский Евстафий заявил: «Я был бы вовсе недостойным, если бы признал истинным Богом скотоподобного растлителя, учителя и наставника на все гнусные дела».

И после этих слов, произнесенных мерзкими устами святотатца, изрыгавшими хулу на Господа, не основанной ни на одной строке священного Корана, защищать мусульман никто не осмелился.

Так слова одного мерзавца раскололи единую Церковь на Греческое Православие и на Правoverие.

Это было в мае 1180 года.

Но все же анафема была подкорректирована: «Анафема Магомету и всему его учению и всем его последователям».

*Осада русскими войсками христианского города, над которым реет стяг со звездой и полумесяцем.
Радзивилловская летопись*

С 602 года правoverные и православные молились в одних и тех же храмах, на куполах которых сияла восьмиконечная звезда в полумесяце.

Потом правoverные оставили только полумесяц, а православные немного исказив звезду, превратив ее в крест с лучами, оставили сей крест с полумесяцем. Тако-

вой крест и поныне можно увидеть на русских церквях.

Но в 1180 году это отлучение коснулось лишь Византии. Русь еще долго была правoverно-православной, пока в 1666 году не произошло «исправление книг», когда старые писания (собственно, тексты Корана) не были изымаемы, а новое Писание (Библия, переведенная с еврейского и латинского, а не с греческого, к тому же) не начала навязываться силой. Это вовсе не значит, что кроме Корана у русских не было Евангелий. Были. Ибо Евангелия — книги, считающиеся божественными и для мусульман. Но постепенно коранические тексты уничтожались где силой, где при пожаре, где от ветхости. Переписывать же их было нелегко.

Оставались в обиходе лишь Евангелия, которые можно было заказать переписчикам за мзду некоторую.

Так постепенно у старообрядцев вышел из употребления непонятный по языку Коран и вошло Евангелие. Вот только обряды многие старообрядцы сохранили мусульманские. В ста-

Крест со звездой

Турецкая медаль в честь русских воинов, помогавших турецкому султану Махмуду от нападения египетского паши. На одной стороне медали в шестнадцатигульной звезде внутри лавровых ветвей надпись «Махмуд Адли» (Махмуд Справедливый) и дата 1249 (хиджры). На другой стороне внутри лавровых ветвей герб: восьмиконечная звезда в полумесяце и дата 1833. Один герб — турецкий, второй, с «европейской» датой, чей?

рину перед молитвой старообрядцы производили омовение, причем если не было под рукой воды, то омовение совершали землей или речным песком. Если из их посуды поест православный христианин-никонианин, католик или григорианец, посуду выбрасывали, так как считали, что посуда испоганена христианами. Всего перечисляется 16 общих обычаев. Я бы добавил еще два.

Но это уже не столь важно. Важно понять, что Православие и Правоверие на Руси до XVII в. составляли единый культурный пласт. Все были православными до Никона. А дальше начался раскол. Отделились греко-православные (никониане), которые непонятно почему стали называть себя греко-православными, раз с греческой церковью они объединиться так и не смогли, хотя позже объединились с несторианами, отлученными от Церкви греками.

А. Кузьмин (см. Падение Перуна. С. 232) пишет: «Еще и в XVII веке, причем и у мордвы, и в Южной Руси, праздновали пятницу..»

Не случайно позднее пятница станет базарным, торговым днем во многих районах: в этот день нельзя было работать, но можно было торговать».

У иудеев выходной в субботу. У христиан — в воскресенье.

А пятница — у русских и мусульман. Вывод ясен.

К тому же девушки и женщины проводили свою жизнь в тереме на женской половине. Даже невесту жених до свадьбы видеть не мог. Это, безусловно, не обычаи язычников, а именно мусульманские обычаи. Правда, в деревнях паранджу не

*Осада русскими войсками христианского города, над которым реет стяг со звездой и полумесяцем.
Радзивилловская летопись*

Крест со звездой

Туецкая медаль в честь русских воинов, помогавших турецкому султану Махмуду от нападения египетского паши. На одной стороне медали в шестнадцатигульной звезде внутри лавровых ветвей надпись «Махмуд Адли» (Махмуд Справедливый) и дата 1249 (хиджры). На другой стороне внутри лавровых ветвей герб: восьмиконечная звезда в полумесяце и дата 1833. Один герб — турецкий, второй, с «европейской» датой, чей?

носили, там женщине приходилось работать от зари до зари, но и в городе, и в деревне простоволосая женщина, не завязанная платком по самые глаза, считалась блудницей.

Яков Рейтенфельс сообщает о Московии: «Хотя женщины царского рода пользуются в европейской части земного шара величайшими преимуществами пред московскими царицами, однако нигде они не окружены таким почетом и уважением, как у мосхов. О них не позволено говорить мало-мальски непочтительно, и никто не может похвастаться тем, что видел царицу где-либо с открытым лицом. Когда они проезжают по городу среди народа в каретах или едут за город, то они до того окутаны покрывалами, что ни их не видно, ни они сами ничего не видят. Поэтому обыкновенно устраивают так, что они совершают свои поездки большей частью рано утром либо поздно вечером, причем впереди едут несколько солдат, не подпускающих встречных по пути близко к каретам.

Дома девицы всю жизнь проводят уединенно на женской половине в обществе благородных девиц и женщин, и никому из мужчин, кроме весьма немногих прислужников, не дозволяется видеть их или разговаривать с ними».

«...Никому не возбранялось иметь по две и по три жены. Обычай этот удерживался долгое время и после крещения Руси. Случай, когда «муж оженится иною женою, с старой не распустився», фиксировались церковными уставами на протяжении всего домонгольского периода»*.

Святополк (1093—1113) имел одновременно две жены, и митрополитам-грекам не удалось заставить его оставить лишь одну. Даже в XII в. — многоженство у русских князей!

В издании «Царскосельский музей с собранием оружия» (СПб., 1860) сообщается, что в музее есть сабля с христианской символикой и арабской надписью «АЛЛАХ

Русская монета князя Ивана с изображением Борака — священного коня Пророка Мухаммада, на котором последний путешествовал к подножию трона Аллаха

* Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы. 1991. С. 7.

*Камень, найденный
в Твери, с надписью
по-арабски*

КЕРИМ». Переплетение христианской символики и строк из Корана характерно и для русских шлемов. Выходит, наши предки считали (по крайней мере, в XIII — XV в.), что Коран и Христианство — неотделимы.

Н. Пенник и П. Джонс «Истории языческой Европы» пишут: «Прежде церковные иерархи достаточно спокойно воспринимали иконы, как и культы святых и Девы Марии, считая их болезненным пережитком язычества, каковыми они на самом деле и являлись. В период иконоборческих столкновений противостоящие стороны были переименованы: иконоборцев, одно время принадлежавших к христианской ортодоксии, стали называть «сарацинами», а выступавших в защиту икон — «грекофилами». Восстановление в правах икон в 843 г. сопровождалось всеобщим ликованием христиан и ежегодно отмечалось как «праздник православия». Так; по иронии судьбы, языческие обычаи вновь были восстановлены, дабы отличать христианство от ислама».

Итак, только наличие икон и отличало православных от правоверных!

Но правоверие было распространено в основном по городам. В деревнях же долго еще удерживалось явное язычество. И лишь постепенно и в деревни приходит новая вера, причудливо сочетаясь с древними культами. Так возникло двоеверие.

*Борис Федорович
Годунов и царица
Наталья Кирилловна*

Как доносил в Рим в начале XV века кардинал д'Эли, «русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение». Как бы то ни было, фактом остается то, что образовавшееся двоеверие представляло собой мировоззренческий синкретизм, в котором ведущая роль принадлежала славянскому язычеству. Оно не

только определяло специфику религиозности древнерусского народа, но и серьезнейшим образом видоизменяло важнейшие обрядовые формы и догматические законоположения христианства.

В это время прибыл из Грик-ланда епископ Палл по просьбе конунга Олава, и крестил конунга Вальдамара и княгиню Аллогию, и весь народ их, и утвердил их в святой вере... То, что было сейчас рассказано о христианской проповеди Олава Трюггвасона в Гардарики, не является невероятным, потому что превосходная и достойная веры книга, которая зовется «Imago mundi», говорит ясно, что те народы, которые зовутся руссы, полавы, унгарии*, крестились во дни Оттона, того, который был третьим императором с этим именем. Некоторые книги говорят, что император Оттон ходил со своим войском в Аустрвег и повсюду там привел народ к христианству, а с ним — Олав Трюггвасон.

В большинстве своем саги считают Владимира Мономаха сыном Ярослава Мудрого. При этом нигде более не раскрывается русское имя сына Ярицлейва Хольги. Только данная информация позволяет установить, что Хольги — это скандинавское имя Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

Твой щит на вратах Царьграда

Официальная версия истории о Вещем Олеге

«Первое летописное упоминание об Олеге относится к 879 году. После смерти Рюрика власть переходит к воеводе Олегу,

* Т.е. полабские славяне, венгры и придунайские славяне.

*Камень, найденный
в Твери, с надписью по-арабски*

*Борис Федорович Годунов и
царица Наталия Кирилловна*

Ярослав Мудрый с детьми подносит Богу церковь

так как сын Рюрика Игорь еще мал. Когда родился Олег, кем он был по происхождению — определенно сказать нельзя, но размах его политической деятельности был поистине княжеский.

Он покорил земли древлян, северян, радимичей, оградив их от набегов хазар, и соединил Киев с Новгородом. Завоевав Север, князь обратил свое оружие к Югу, на берега Днестра и Буга. И там счастье сопутствовало Олегу. В 882 году князь провозгласил Киев «матерью городам русским» (то есть столицей).

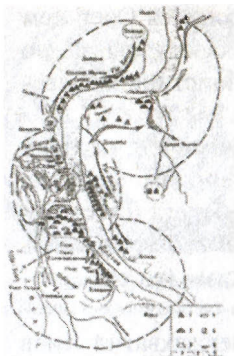
Согласно «Повести временных лет», Олег захватил Киев хитростью, переодев воинов купцами и спрятав их в ладьях. Вызвав на переговоры Аскольда и Дира, правивших тогда в Киеве, он именем Игоря убил их. Как считается, Киев стал официальной столицей складывавшегося Древнерусского государства. Он принадлежал к числу крупнейших городов Восточной Европы и обладал немалыми преимуществами перед Новгородом. Вероятно, это понимал князь Олег.

Народная память долго хранила воспоминания о том, что с именем Олега связаны важные события в истории Руси и ее столицы. Возникали даже легенды об основании Олегом... Москвы.

Благодаря тому, что князь встал во главе огромного объединенного войска почти всех славянских племен, ему удалось совершить удачные походы на Царьград в 907 и 911 гг. Древнерусское государство укрепило свою военную мощь, а Византия почувствовала в ней достойного противника. За политическую мудрость и прозорливость народ прозвал Олега Вещим.

Смерть князя овеяна легендами. Вот наиболее распространенная: кудесник предсказал Олегу смерть от коня его, и князь расстался со своим любимцем на много лет. Но, вернувшись в Киев и узнав, что конь умер, Олег посмеялся над предсказанием и решил посмотреть на его кости. Когда князь наступил на конский череп, из него выползла змея и ужалила Олега в ногу, отчего он вскоре умер и был похоронен в Киеве*. Но это лишь легенда, имеющая отголоски в варяжских сагах. Историки счи-

* В Киеве было аж две могилы Олега: одна — у Жидовских ворот, другая — на Щековице. Обе они приписывались Олегу Вещему.

План местности, на которой, по легенде, произошла битва между Олегом и Великаном Моря. На плане указано место нахождения Олеговой могилы

тают, что умер Олег в 912 году, прокняжив 33 года и сделав очень много для объединения и укрепления государства.

Последним датированным событием русских летописей, связанным с Олегом, является сообщение Новгородской I летописи о походе Олега на Царьград в 922 году. Но русская хронология не совпадает с хронологией скандинавской. Олег-Одд, по хронологии саги, умирает через четыре года после начала правления в Норвегии Олава Трюггвасона, то есть около 999 года. Княжение Одда на Руси, таким образом, отнесено автором текста к концу X века*.

Но по другой версии, наступил 911 год — год смерти Олега.

И запечалился Олег, желая увидеть на старости родные места. Взял он дружину из 80 человек и отправился на родину — в Норвегию. По пути туда он умирает в Ладоге, где его и хоронят в кургане.

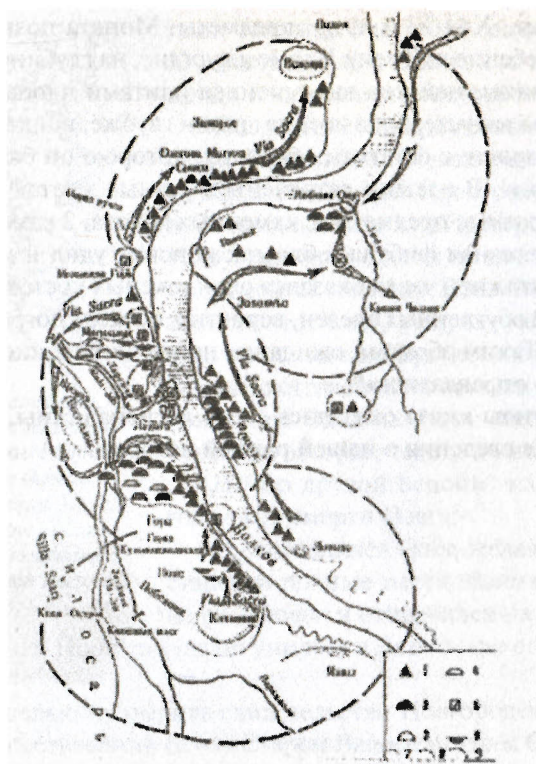
«С целью проверить свидетельство Новгородской летописи о существовании близ Старой Ладоги могилы Олега, который, по другим летописным сказаниям, был погребен в Киеве, генерал-майор Н.Е. Бранденбург предпринял в 1886 году раскопку большого (5 сажень вышины) кургана, лежавшего на левом берегу Волхова, в 8 верстах выше Старой Ладоги Новгородской губернии. Насыпь кургана имела целую грудю огромных камней, подошву окружала толстая каменная ограда. При раскопке, у подошвы кургана, в грунте оказался могильник, существовавший, по мнению г. Бранденбурга, до насыпки кургана, с 13 костяками, лежавшими частью в беспорядке. Около некоторых костяков лежали каменные плиты, остатки дерева, гвоздей, бусы, предметы бытовой обстановки — железные ножи с деревянным черенком в деревянных футлярах, бронзовые проволочные кольца, пряжка, костяной гребень, пластинка с грубым орнаментом, обломок серебряной монеты, так назы-

* См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 549.

ваемой вендки, X — XI в. и др. предметы. Монета позволяет отнести погребение к XI веку. В самом кургане, на глубине 5 аршин от вершины, найдена вымощенная плитами площадка в $1\frac{1}{2}$ аршина в квадрате; близ нее, на аршин глубже, найден раздавленный горшок с остатками бересты, которою он был, вероятно, накрыт. В насыпи встречены в разных местах кости животных и разные предметы: 2 каменных долота, 2 каменных пряслица, железная фибула, обломок конских удиц и другие предметы. В нижней части оказался слой жженных костей, слой угля и части 2 обугленных бревен, вероятно, остаток погребального костра. Таким образом, ожидания найти погребение знатного лица не оправдались»*.

Увы! Могила князя оказалась столь же ненадежна, как и все остальные сведения о нашей ранней истории.

* Отчет Комиссии 1886 г. АИЗ. Т. 1. С. 15.

План местности, на которой, по легенде, произошла битва между Олегом и Великаном Моря. На плане указано место нахождения Олеговой могилы

«Слово о полку Игореве»

Как ни удивительно, но ни один западноевропейский исследователь наших летописей, работавший с ними до XIX века, ничего не сообщает нам об этом памятнике нашей литературы.

Однако, слава богу, Мусин-Пушкин смог обнаружить сей, до той поры никому неизвестный, памятник нашей славы.

О чем сообщает «Слово»?

Официальная версия событий «Слова о полку Игореве» приведена в книге А. Нечволодова:

«Благодаря наступившему общему миру на Руси Святослав Всеволодович задумал на юге, по примеру Владимира Мономаха, большой поход против половцев, которые не переставали наносить сильнейший вред нашему пограничному населению. Среди половцев в это время особенной славой пользовался свирепый хан Кончак, надолго оставивший о себе недобрую память; он с большой ненавистью относился к русским младенцам и в каждый свой набег избивал их великое множество.

Летом 1184 года собрались в поход против половцев девять южнорусских князей, имея во главе престарелого Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича. Они пять дней искали варваров за Днепром, и, наконец, на шестые сутки те появились в огромном количестве. В нашем передовом отряде шел молодой герой Владимир Глебович Переяславльский, брат погибшего в предыдущем году у серебряных болгар Изяслава.

Половцы, увидя Владимира Глебовича, заранее объявили его, а также и остальных наших князей, своими пленниками. Однако, несмотря на громадное превосходство противника, юный Владимир с такой стремительностью бросился на него, что половцы бежали в степи. Русские скоро их настигли на берегу реки Ерели (Орел) и взяли 7000 пленных, в том числе хана Кобяка и 417 князьков.

В следующем, 1185 году пошел, говорит летописец, окаянный, безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь; нашел он одного бусурмана, который стрелял живым огнем; были у половцев также луки тугие самострельные, которые едва могли натянуть 50 человек.

Однако и на этот раз великий князь Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович с младшими князьями неожиданно напали на Кончака и обратили его в бегство; был взят в плен и тот бусурман, что стрелял живым огнем; хитреца привели к Святославу Всеволодовичу со всем снарядами его.

Эта удача, конечно, придала еще больше славы князьям, которые ходили против половцев, и вызвала в Южной Руси живейшее ликование.

Ликование это, однако, очень скоро сменилось общей горестью вследствие печального конца похода, предпринятого несколькими русскими князьями, не участвовавшими в только что описанных удачных военных действиях.

Во главе этих князей стоял Игорь, князь Северский, сын Святослава Ольговича, знаменитого своею братской любовью.

Этот Игорь Северский, женатый на дочери Ярослава Осмомысла, был доблестным витязем, уже перешедшим за тридцатилетний возраст; он несколько раз успешно самостоятельно ходил на половцев и сильно печалился, что домашние дела помешали ему принять участие в последних походах; печаль эту разделял и брат его, князь Трубчевский, буй-тур Всеволод, прозванный так за свою отменную храбрость. И вот братья решили сами предпринять поход на половцев.

23 апреля того же 1185 года Игорь сел на коня в Новгороде-Северском, приказав присоединиться к себе по пути брату Всеволоду из Трубчевска, юному сыну своему Владимиру из Путивля и племяннику Святославу Ольговичу из Рыльска, и, кроме того, выпросил у черниговского князя Ярослава Всеволодовича боярина Олстина Олексича с пограничным варварским народцем кояями*.

Этот поход изображен во всех подробностях в замечательном произведении «Слове о полку Игореве», дошедшем до нас с тех времен. Неизвестный создатель этого «Слова» с такой необыкновенной живостью описывает всех участников похода, их

* Исолы, коуи, торки, берендеи, скиры... Каких только восточноевропейских племен не перечисляют источники! Но карта, на которой бы были размещены все эти племена, до сих пор не составлена. И это понятно. Ибо если мы все земли займем инородцами, то где же будут «наши исконные земли»?

думы, надежды, предчувствия, неудачи и горести, что читатель совершенно переносится в их среду. Вместе с тем в «Слове» необыкновенно картинно описывается природа наших южных степей и дается замечательно точно и меткое определение главных участников событий жизни тех времен».

Далее текст опускаю, каждый желающий может прочесть либо само «Слово...», либо страницы книги Игоря Нечволодова «Сказания о Русской Земле», посвященные этому событию.

Я же, пропустив текст сказания, приведу несколько интерпретаций наших историков — академика Б.А. Рыбакова и его последовательницы, госпожи Плетневой, лучшего знатока половецкой истории.

Мнение первое. О ком поэма?

От старого Владимира до нынешнего Игоревича

«Фраза «спала князю ум похоти и жалость ему знамение заступы» означает, что князем овладела мысль о жене (в похоти). Желание заслонило ему дурные предзнаменования, которые предупреждали об опасности; фраза эта не содержит никакой загадки, подтверждая, что первоначальным героем поэмы о событиях 1185 года был именно Владимир Игоревич, а не Игорь Святославич».

Мнение второе. Что же там произошло?

Б. Рыбаков

Князь Игорь и хан Кончак*

«Игорь Святославич родился в 1151 г. В этом году его отец в союзе с сыном половецкого хана Боняка пытался овладеть Киевом. Приглашение половцев в качестве своих союзников для войны с русскими князьями было, как видим, давней семейной традицией чернигово-северских Ольговичей, прямых потомков деда Игоря — Олега Гориславича, женившего своего сына на дочери половецкого хана Аепы (вспомним, кстати, и женитьбу сына Игоря на Кончаковне).

* См.: Наука и жизнь. № 9. 1986.

Кончак был внуком знаменитого Шарукана Старого, того предводителя половцев во время страшного нашествия 1068 г., когда все русские силы были разбиты под Переяславлем. Под властью Кончака находились донецко-азовские кочевья половцев. В середине 1160-х гг. «уведавши половци, оже князи не в любви живутъ — шедше в Порогы (на Днепре) начата пакости-ти гречником (купцам, возившим по Днепру товары в Византию)».

В 1169 г. Игорь в составе войск Андрея Боголюбского участвовал в разгроме Киева, а вскоре в войну за Киев включился и Кончак «с родом своим».

Первая встреча Игоря с Кончаком могла состояться в 1171 г., когда Кобяк и Кончак шли к Переяславлю, а молодой двадцатилетний княжич Игорь был послан в степь догнать один из таких половецких разъездов («рать малу»). Два года спустя Игорь в составе «иных молодых князей» вновь участвует в походе на Киев.

На протяжении 1170-х гг. Игорь действует как вассал своего старшего брата Олега Святославича, крутого и задиристого князя, воевавшего и с половцами, и с русскими князьями. Недаром в 1185 г. хан Гзак после разгрома на Каяле стремился именно в Северскую землю; она, во-первых, стала совершенно беззащитной (там «ся остале жены и дети — готов нам полон собран, Емлем же города без опаса!»), а во-вторых, Гзак хотел отомстить за походы Олега Северского с братьями.

Со Святославом Киевским у Олега и его братьев были враждебные отношения.

В августе 1179 г. «злу начальник Кончак» напал на Переяславское княжество и «много зла створи крестьяном: оних плениша, а инии избиша, множайшия же избиша младенець». Святослав Всеволодич Киевский отогнал Кончака за Сулу. Говоря об этих событиях, летописец написал загадочную фразу, порицающую тех, кто «любить врагы божия», подразумевая русских союзников «безбожного» Кончака.

Через четыре месяца, в январе 1180 г., скончался Олег Святославич, и князем Северской земли на два десятка лет стал его брат — Игорь, а в Чернигове утвердился его кузен Ярослав Всеволодич, постоянно поддерживавший Игоря и, как увидим дальше, Кончака.

Отношения со Святославом остались холодными. Когда великий князь предложил войну с крупнейшими монархами Руси (по иронии судьбы, это произошло в городке Любече, где в 1097 г. были приняты решения о прекращении распрей и усобиц), Игорь будто бы выступил против войны. Слащавая фраза попала в общий киевский летописный свод, очевидно, из личной летописи Игоря. «Отец,— обратился Игорь к Святославу, — главное, это чтобы был мир и тишина, но если так не получается, то лишь бы ты был здоров».

В руках русского историка В.Н. Татищева были летописи, не сохранившиеся до наших дней. Они расширяют фонд наших сведений о русской жизни XII в. В его извлечениях из не дошедших до нас летописей эта отрывочная фраза дана полностью; там говорится, что нужно «согласяся обще всем рускую землю от половец оборонять», и высказан упрек Святославу, который не советовался с князьями и боярами. Таковы были слова придворного летописца. Напрасно наши литературоведы так доверчиво относятся к ним: «Сам Игорь Святославич обращает всю свою неукротимую энергию против половцев, он рвет со своей прежней политикой, раскаивается в ней, объявляет себя врагом своих прежних союзников — хана Кобяка и хана Кончака» (*Д.С. Лухачев*. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 158).

Проанализируем внимательно весь ход событий в первой половине 1180-х гг.

Пока Святослав воевал в Суздальской земле, Игорь и Ярослав Черниговский совместно с половцами Кончака и Кобяка в 1180 г. добрались до Друцка (около 400 км от Новгорода-Северского) и сражались там с русскими князьями Полоцкого княжества и смоленским князем Давыдом Ростиславичем. Это было сделано Игорем Святославичем вопреки прямому приказанию великого князя.

Отсюда Игорь, Кончак и Кобяк (ведя собою 2000 русских пленных) отправились к Киеву бороться с Ростиславичами. «Половци же испросиша у Святослава (Киевского) Игоря» в качестве общего полководца и расположились в окрестностях Киева, где были разбиты и изгнаны войсками киевских бояр. Здесь были убиты брат Кончака, половецкие ханы и взяты в плен двое сыновей Кончака: «Игорь же видево половцы побеж-

дены и тако с Кончаком въскочивша в лодью бежа (вверх по Днепру) на Городец к Чернигову».

Киевское боярство («мужи» Рюрика Ростиславича) сумело окончательно отделить Святослава Всеволодича от Игоря, посадив на киевский престол сразу двоих представителей разных, враждовавших между собой, княжеских ветвей: Святослава из «Ольговичей» и Рюрика из «Мономашичей».

С этого времени началось резкое размежевание правобережных князей «Киевской стороны» и левобережных князей Чернигово-Северских земель (Ярослава Черниговского и Игоря Северского). Киевские князья организовывали оборону и походы в степь, а Игорь и Ярослав уклонялись, вступая в союзнические отношения с Кончаком.

Каким же было «раскаяние» Игоря и насколько он в действительности порвал союзные связи с Кончаком после бегства с ним в одной ладье?

Третий (начиная с 1179 г.) поход «безбожного» Кончака на Русь состоялся в конце февраля 1184 г., но Ярослав Черниговский уговаривал подождать с нападением на Кончака до лета. Были посланы лишь «молодые» князья — Игорь и Владимир Переяславский, сразу же заспорившие между собой по поводу того, кому из них ехать в авангарде, то есть кому достанутся первые трофеи. Ссора перешла в военные действия. Отправив главные киевские полки домой, князья с дружинами начали грабить русские города: Владимир Глебович захватил северские города Игоря, а Игорь разгромил город Глебов, построенный, очевидно, отцом Владимира. Разгром был ужасен, как сообщает Ипатьевская летопись:

«Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни...

...И все смятено пленом и скорбью тогда бывшею; живии мертвым завидять...

мужи же пресекаеми и рассекаеми бывають,
жены же оскверняеми...»

Оправдаться перед Киевом Игорь мог лишь тем, что на пути ему попало какое-то кочевье, застигнутое весенним половодьем. Но летописец ни слова не говорит о том, было ли это на самом деле.

Летом 1184 г. киевские князья-соправители замыслили и осуществили общий поход против половцев, возглавляемых

ханом Кобяком. Он завершился 30 июля в зоне днепровских порогов и Орели грандиозной победой: в плен были взяты сам Кобяк Карлыевич, его двое сыновей и полтора десятка менее знатных ханов. Всего пленено 7000 половцев. Об этой победе весьма торжественно сказано в «Слове о полку Игореве»:

«Святъслав грозный великий Киевский... Наступи на землю Половецкую

А поганого Кобяка из Луку моря от железных великих плъков половецких

Яко вихр выторже

И падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святъславли».

Поход, расчистивший от степняков такую международную магистраль, как Днепр, прославил русских в Европе:

«Ту Немци и Венедица

Ту Греци (Византийская империя) и Морава (Чехия).

Поют славу Святославлю».

В нем участвовало не менее 14 князей, но ни Ярослава Черниговского, ни Игоря Северского в их числе не было. На предложение Святослава оба князя ответили отказом: «Далече ны (нам) есть ити вниз Днепра».

А как в это время действовал Игорь? Собрав тех своих родичей-вассалов, с которыми он в следующем году предпримет тайный сепаратный поход, завершившийся на Каяле, Игорь предложил им следующий план: когда половецкие воины направятся к Днепру навстречу русским войскам Святослава, в отсутствие половецких войск, «без них кушаимся (попытаемся) на вежах (юрты) их ударити». Но ведь в юртах в основном оставались женщины и дети?!

Объектом нападения были выбраны кочевья по р. Мерлу, не входившие (согласно исследованиям доктора исторических наук С.А. Плетневой) ни во владения Кончака, ни Кобяка. Хозяин этих пастбищ, судя по летописи, некий Обовлы Костукович, располагал всего четырьмястами всадниками. Победа Ольговичей была предрешена.

Наступил грозный 1185 год. В феврале «пошел бяше окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половець на Русь, похупся (стремясь) яко пленити хотя грады русские и пожещи огным...» (у Кончака были катапульты, стрелявшие «живым огнем»).

Ярослав Черниговский посылает к Кончаку боярина Ольстина Олексича послом о мире и нейтралитете.

Игорь уверяет посланца Святослава, приглашающего его принять участие в общерусском походе, что половцы всем общий враг и не дай бог кому-либо отказаться от похода на них. И в то же время Игорь собирает свои дружины к пограничной Суле, но с киевскими войсками не соединился из-за того, что ему будто бы помешал сильный туман.

Святослав же и Рюрик, не медля, двинулись на юг и около р. Хорола 1 марта 1185 г. настигли Кончака, пленив небольшую часть его войска («меньшицу»). Но главные же силы Кончака, за которыми гнался шеститысячный корпус всадников торков, служивших Киеву, ушли в четвертый раз безнаказанно. Благодаря весенней ростепели («бьшет бо тала стопа за Хоролом») Кончак перебрался за Хорол (протекающий в 25—30 км от Сулы) и в распутицу «снесе Сулу пешь ходя, котел нося на плечеву».

А на Суле, как мы помним, за несколько дней до появления здесь отступающего по «талой стопе» Кончака были собраны дружины Игоря.

У нас нет документальных доказательств о переговорах Игоря с Кончаком, но в следующем месяце Игорь отправился в поход в Половецкую степь уже как сват Кончака. Это обычный для средневековья метод заключения союзов: договор монархов о союзе скреплялся браком их детей. «Договоренность могла быть достигнута в короткий промежуток: начало марта — середина апреля 1185 г. А раньше? Кто знает, быть может, обо всем было договорено еще в спасительной ладье? Но когда Игорь был взят в плен на берегу Каялы «реки половецкой», Кончак поручился за него, как за будущего свекра своей Кончаковны. Владимир, сын Игоря, действительно женился на ханской дочери.

В ожидании пятого нашествия Кончака русские князья задумали еще один поход в степь, на «Дон» (Северский Донец) на все лето 1185 г. Нужна была мобилизация всех русских сил, и Святослав отправился сам в Корачев на пограничье с владениями Всеволода Большое Гнездо, обещавшего ему два года тому назад, что если ему «на иноверных помочь потребна — я не обленюся сам придти или все мои войска тебе послать». Свя-

тослав рассчитывал на помощь многих русских князей, и в том числе, разумеется, на поддержку родного брата Ярослава и на Игоря, клявшегося месяц или два тому назад, что «не дай бог на поганые (половцы-язычники) езда, ся отрещи».

Каково же было удивление и возмущение великого князя, когда на обратном пути из Корачева, проплывая через Новгород-Северский, он узнал, что, воспользовавшись его отъездом, Игорь ушел тайком в поход, нарушив тем самым большой стратегический план войны с Кончаком, властелином степного «Дона».

Но, может быть, самонадеянный Игорь решил, что в одиночку, одним своим «Олеговым хоробрым гнездом» он справится с могущественным ханом? Недаром некоторые современники обвиняли Ольговичей в зависти к славе прошлогодних победителей Кобяка: «Мы есмы ци не князи же? Пойдем! Таки же себе хвалы добудем!»

Где же произошла битва Игоря с половцами? Для правильного ответа необходимо точно определить ту часть обширной степи, в которую князь Игорь направил свои обреченные дружины. Из известного нам ориентира — реки Сальницы (в районе современного города Изюма) проведем широкую дугу радиусом в 40—80 километров — это то расстояние, какое конное войско может пройти за полдня и короткую майскую ночь. Сузить район поиска нам помогает Ярославна. Стремясь помочь раненому мужу, она взывает не к Дону, в бассейне которого многие исследователи и краеведы ищут неуловимую Каялу, а к Днепру Словутичу. Поэтому место битвы следует искать в пространстве между водоразделом Дона и Днепра и той дугой, которая проведена на основе расчета времени передвижения Игоревой конницы,

Здесь, в 65 километрах от Сальницы, найдется река Сюурлей, одним из значений которой в тюркских языках является «много быков». Это приток Самары, впадающий в Днепр. Река течет с небольшого безводного (Ярославна опять права), плато, с которого во все стороны разбегаются реки с «бычьими» именами: Бык — приток Самары, Бычок — приток Быка, Бычок — приток Казенного Торца, Бычок—приток Сухого Торца и Бык — приток Кривого Торца. Действительно, «много быков», вполне достаточно для того, чтобы единственную речку

без такого обозначения включить в это сообщество и назвать Сюрлей — Много Быков. В шести километрах от речки есть Белое озеро: оно могло быть тем озером, на берегу которого Игорь видел Буй-Тура Всеволода «быхуся идуше вкруг при озере». А в десяти километрах от озера есть каменистый пятнадцатикилометровый овраг «Скелеватой», что в переводе на русский язык будет звучать как «Каменистый», а на тюркском — Каяла.

Владения Кончака, как выяснено С.А. Плетневой (подробнее см. статью в этом номере журнала), лежали в стороне, ближе к Донцу, а в этой части степи были какие-то отдельные кочевья — вроде тех, на которые Игорь напал год тому назад. Трудно было бы ожидать, что князь, только что решивший скрепить свой союз с Кончаком браком своего старшего сына, поведет дружины на владения своего грозного свата. Он, очевидно, и не сделал этого.

Нападение же Кончака на Игоря после битвы на Сюрлее, по всей вероятности, связано с общей ситуацией в Половецком поле; в предвидении предстоящего общерусского похода (предвестником которого был апрельский рейд киевского отряда) на половцев Кончак был заинтересован в том, чтобы не нарушалось единство «всего языка половецкого», которое ему, Кончаку, удалось создать. А мы знаем, что после победы Игоря на Сюрлее, когда русские обогатились красными девками половецкими, и золотом, и парчой, побежденные половцы «послашася по всей земли своей» гонцов, и Кончак не мог им отказать в помощи, но какие-то симпатии к своему союзнику сохранил. На поле боя он поручился за Игоря и начал переговоры с ханом Гзаком, стремившимся разорить Северское княжество; Кончак так и не пошел в землю Игоря. Потом Кончак предоставил пленному Игорю весьма вольготную жизнь, окружив его свитой в 20 знатных «господичев», позволял князю ездить «где хочешь» и охотиться с ястребами. Кончак разрешил Игорю даже привести из Руси попа «со святою службою». Даже после побега Игоря из плена Кончак оградил его сына от участи заложника и не позволил «ростреляти соколиче злачеными стрелами». Свадьба Владимира и Кончаковны состоялась.

Спустя шесть лет после этих событий, в 1191 году, Игорь организует новый поход Ольговичей на половцев, и на этот раз

он был верен себе; удар был нанесен не Кончаку, а хану Гзаку на его кочевья по Осколу.

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы предостеречь от идеализации Игоря: не объявлял Игорь после 1181 года «себя врагом своих прежних союзников — хана Кобяка и хана Кончака». На протяжении нескольких лет он находился в союзнических отношениях с Кончаком и ни одного похода против этого хана не совершил.

Иногда в качестве доказательства резкого перелома в политике новгород-северского князя приводится почему-то принимаемый за княжескую летопись Игоря киевский летописный свод 1198 года (из которого взята большая часть приведенных выше сведений). Свод очень сложен по составу, в нем есть фрагменты летописания и Святослава, и Рюрика, и Андрея Боголюбского, и незначительные фрагменты личной летописи Игоря, но считать всю эту сложную летописную мозаику конца XII века летописью одного Игоря, выражающей только его взгляды, крайне неосторожно.

Как же автор «Слова» оценивал деятельность Игоря? Следует помнить, что создатель «Слова» говорил легчайшими намеками, иносказаниями, а иной раз красноречивым умолчанием.

При первой встрече с Игорем он вкладывает в его уста слова о том, что «лучше быть изрубленным, чем пленным!». Но ведь слушатели знали, что Игорю досталась наименее рыцарственная доля — он оказался пленником.

Цель похода в объяснении самого Игоря не в защите Руси; ему, гордому князю, хочется дойти до края Половецкой земли, испить шеломом Дону. Это сбылось: дошел, испил.

А вот первое обвинение автора поэмы содержится уже в начале поэмы, и скрыто оно среди намеков:

1. «Комони ржут за Сулою»

Весна. Половцы пригнали свои табуны к пограничной Суле.

2. «Звенить слава в Киеве»

Киевский боярин Роман Нездилович вернулся 21 апреля из удачного похода в степь. Это первый день пасхи; в Киеве звонят колокола.

3. «Трубы трубят в Новеграде»

Игорь объявляет 23 апреля в своей столице начало похода.

4. «Стоять стязи в Путивле»

Полки уже заранее, до княжеского сигнала, собраны и стоят наготове (как и куряне Всеволода) в одном дне пути от пограничной Сулы.

В четвертой фразе предполагаемого запева содержится обвинение, выясняющееся из анализа событий марта — апреля 1185 года. Очевидно, Игорь не распускал полков, собранных в те дни, когда «туман» помешал ему принять участие в походе против Кончака.

Рыцарственные куряне, которыми мы так восхищаемся, изображены в поэме не защитниками Руси, а смелыми удальцами, разезжающими по степи «ищучи себе чести, а князю — славе».

Второе и очень серьезное обвинение Игоря и его сподвижников — победа при первой встрече с половецким кочевьем, когда конница юного Святослава Ольговича, «рассушась стрелами по полю, помчаша красный девкы половецкыя». Всей Игоревой рати из-за погони за трофеями пришлось заночевать на месте, а вследствие этого погибнуть. Летописец по этому поводу употребил только одно слово — «ополонишаася». Автор же «Слова...» красиво, но беспощадно перечисляет все категории богатой добычи, а затем еще раз противопоставляет свои слова реальности; победитель Игорь достоин быть награжденным червленым стягом с серебряным отружием... но «третьего дни к полудню падоша стязи Игоревы».

Об участии самого Игоря в трехдневном сражении сказано непозволительно мало — всего-навсего три слова: «Игорь полки заворочает». Разве это герой поэмы? Его здесь нет.

Когда автор переходит к трагическому финалу событий, он не забывает напомнить слушателям: «сваты попоиша, а сами полегоша». Игорь — сват Кончака, но он жив, а полегли его воины. Это — третье обвинение.

Четвертое обвинение — туча и тоска Руси, плач овдовевших русских женщин в результате нападения половцев.

Пятое обвинение — речь Святослава:

осужден преждевременный поход, поражение на Каяле Игоря и Всеволода, степняки «по Руси и по Суле грады поделиша». Кончак наступал на Киев и Переяславль широким фронтом — по правому и по левому берегу Днепра. Поражение усилило половцев-тюрок. Рано князья начали «себе славы искать».

В поэме прямо и иносказательно перечислено много провинностей Игоря, поэтому нельзя считать, что автор прославлял Игоря, или — что еще абсурднее — будто Игорь «разрешил» написать поэму о себе, или сам написал об этом. Автор «Слова...» был не слугой, а судьей Игоря.

Но почему же создается впечатление, что он славит Игоря, подчеркивает храбрость Олегова гнезда, призывает всех князей вступить в золотые стремяна «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославлича»?

По всей вероятности, потому, что в тех условиях, когда Игорь вернулся («по малых днех») из плена осенью 1185 года и прибыл к Святославу и Рюрику в Киев за помощью, перед русскими патриотами стояли две важнейшие задачи: во-первых, сплотить воедино всех русских князей, прекратив «княжее непосobie», и, во-вторых, оторвать Игоря от союза с Кончаком и заставить остальных князей простить виновного.

Соглашение, очевидно, было достигнуто в дни пребывания освобожденного Игоря в Киеве у князей-соправителей. И в следующий, уже шестой поход против Кончака в 1187 году в объединение выступили все русские князья как киевской, так и черниговской стороны.

Только в таком случае становится понятной радостная, мажорная концовка великой поэмы: «Страны рады, грады веселы».

Радость выражена по поводу успешного решения ближайших судеб Руси в связи с тем, что на переговорах о помощи, очевидно, решено было воссоединить все части государственного организма: тело (Русь), голову (Киев) и плечо (левый фланг Руси, Северскую землю Игоря.

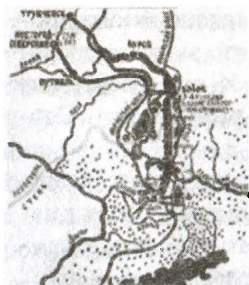
«Страны рады, грады веселы!»

С. Плетнева, д.и.н.

Заметки археолога о маршруте князя Игоря

«Вопрос о маршруте Игоря и месте битвы его с половцами изучался специалистами и любителями.

Мнения по поднятым вопросам высказывались разнообразные, противоречивые, порой абсолютно фантастические. Разбирать их все и доказывать правильность или нелепость предложенных вариантов пути невыносимо.

Даже ученые, профессионально занимавшиеся исторической географией Восточной Европы и пользующиеся одними и теми же источниками, нередко дают совершенно различные маршруты Игоря войска. Причем если первая половина пути (от Новгорода-Северского до Изюма) наносится на карту весьма схематично, часто прямыми линиями, отложенными линейкой, варианты второй половины похода (от Изюма до места битвы) очень многообразны. Речка Каяла, на которой проходил бой, располагалась, по мнению разных авторов, в бассейнах Дона (на Маныче), Северского Донца (у Тора), Днепра (на Орели, Волчьей, Самаре). Автор данной заметки не предлагает вниманию читателей какого-то принципиально нового маршрута. Мне только хотелось внести несколько конкретных уточнений, которые удалось сделать благодаря моим многолетним археологическим разведкам, проводившимся в степях бассейна Донца и отчасти на левых притоках Днепра.

Известно, что князь Игорь вышел из Новгорода-Северского в среду 23 апреля (в день своего «святого» патрона Георгия). Через два-три дня войска не спеша дошли до города Путивля. Сюда Игоря провожала, видимо, жена, поскольку нам хорошо известно, что не прошло и месяца, как Ярославна горевала о нем, стоя на «заборолах» Путивля, а не Новгорода-Северского. Из Путивля Игорь направился, по сведениям русской летописи, к Донцу.

Идти весной, во время разлива рек и речушек по степи большому соединению (с пешим войском и обозом) было нелегко. Приходилось следовать только по водоразделам: Игорь из Путивля двинулся сначала по водоразделу Сейма и Псла, достиг Муравского шляха, который сворачивал на юг — на водораздел Днепра и Донца. Это был хорошо известный путь и в древности, и в XVII веке. Функционирует он и по сей день.

Считается доказанным, что летописец, упоминая в маршруте Игоря Донец, имел в виду небольшую пограничную крепость-городок, стоящий на берегу речки Уды. Действительно, Муравский шлях близко подходил к этому городку и шел далее

на юг в половецкую степь. Очевидно, таков бы и был маршрут Игоревых полков, если бы ему, прежде чем углубиться в степь, не нужно было объединиться с войском брата Всеволода, который шел «иным путем из Курска», как писал летописец. Встреча произошла где-то на берегу Оскола. А перед этим, указывает летопись, Игорь «перебреле» Донец, то есть форсировал эту реку в одном из удобных для переправы мест. Встает вопрос: где находился этот брод и где встретились братья на Осколе? Естественно, все, кто считал, что Игорь был в пограничном городке Донце, полагали, что брод находился у современного города Чугуева, а встреча состоялась примерно в районе современного Купянска.

Все это представляется мне неприемлемым.

Во-первых, весной у Чугуева переправы нет, так как разлив реки очень значителен. Во-вторых, если даже допустить, что войско перебралось на левый берег, то до Оскола ему надо было двигаться по Половецкой земле, постоянно опасаясь неожиданного удара. Да и Всеволоду со сравнительно небольшим отрядом «курян» также нужно было пройти не менее ста километров по чужой враждебной степи. Без учета этих обстоятельств нельзя реконструировать первый этап пути русских князей в глубь степи. Поэтому мне представляется несколько иной первая часть похода.

Игорь со своим войском прошел по Муравскому шляху всего около 100 км, затем повернул с него по одной из наезженных дорог в верховьях Донца на восток и примерно 30 апреля подошел к переправе через Донец. Согласно летописи, 1 мая, в среду, русские полки стояли на Донце, где их и настигло затмение Солнца. Место стоянки находилось на пограничных землях Новгород-Северского княжества, от степей оно было хорошо защищено широкой лесной полосой. Мы знаем, что Игорь не испугался затмения, приказал форсировать Донец и затем войска по хорошей и безопасной, закрытой лесом дороге, тянувшейся вдоль южной границы русских земель, шли к Осколу полтора дня (1 и 2 мая).

В 1958 году наш археологический отряд во время разведки обнаружил на Осколе небольшое русское городище при впадении в Оскол речки Холук. По подъемному материалу (обломкам горшков и стеклянных браслетов) оно датирует-

ся XII в. Городище небольшое, мысовое, с мощным напольным валом. На его территории находилось и синхронное тому времени кладбище. Возможно, при нем стояла здесь и небольшая церковка. Считаю вполне вероятным, что именно эта пограничная русская крепостица и была местом встречи князей.

По данным летописи, Игорь Святославич пробыл там два дня (3 и 4 мая, пятницу и субботу). В эти дни подошел к Холку и Всеволод (шел он сначала по Изюмскому шляху, а потом — лесом — древней наезженной дорогой). В воскресенье, после заутрени, князя с полками тронулись в путь, двигались они по водоразделу (Донца и Оскола — по Изюмскому шляху). Шли 5, 6, 7, 8 мая, делая примерно 40 км в день, и в четверг, 9 мая, достигли речки Сальницы.

подавляющее большинство исследователей, начиная с Тащицева, помещают Сальницу у современного города Изюма (в петле Донца). Здесь был удобный брод через Донец. Перейдя реку, князя остановились, видимо, на краткий отдых перед решительным броском на богатые кочевья Кончака. Предварительно они выслали в степь «сторожей»-разведчиков. Половецкий воин (язык) был пойман быстро и на удивление охотно посоветовал как можно быстрее идти в степь, поскольку там стоят богатые вежи без надежной защиты. Если поспешить, уверял он, то легко можно их захватить. Князя, получив эту информацию, буквально бросились туда.

Академик Б.А. Рыбаков предложил искать местоположение этих веж в пределах двух расстояний: обычного — 40-километрового дневного перехода (1-я дуга — см. карту 2) и убыстренного — 80-километрового (2-я дуга). В пределах первой дуги нет ни одного участка степи, хотя бы отдаленно напоминающего описанную в летописи ситуацию. Там всюду простирается чистая ровная степь почти без оврагов и перелесков. В пределы второй дуги попадают прежде всего исторически известные кочевья Кончака, расположенные на Торе и его притоках. Обычно исследователи именно сюда и направляют войска Игоря. Однако если бы русские дошли до Тора, то это бы было обязательно указано и в летописи, и в «Слове о полку Игореве», поскольку в то время Тор был центром Половецкой земли — территорией великого хана Кончака. Дойти до веж

Кончака было бы весьма знаменательно, но об этом в источниках даже не упоминается.

Внимательно изучив карту и сопоставив данные с летописным рассказом и «Словом...», Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что битва Игоря с половцами происходила не в бассейне Дона — Донца, а в бассейне Днепра. Он указал и наиболее вероятный участок, на котором располагались первые взятые князьями вежи и поле последующего боя: междуречье Самары и Быка (участок этот, как и кочевья Кончака, находился также в пределах второй дуги).

При рассмотрении этой гипотезы прежде всего возникает вопрос: зачем Игорь отклонился от своего пути, от выбранного им направления и изменил основной задаче — «преломить копьё о конец поля половецкого»? Вероятно, несмотря на возвышенные речи о высокоидейной цели похода — борьбе за славу русского оружия, князья шли в степь «ополониться». Не случайно автор «Слова...» говорит о «языке», явно подосланном к ним половцами. Лазутчик врага нарочно быстро попался русским разведчикам и выдал местопребывание близких и слабо защищенных веж, связанных прекрасной ровной дорогой с Сальницей. Они располагались в противоположной от владений Кончака стороне. Подтверждением того, что это были «ложные» вежи, созданные для отвлечения русских войск от основного удара, говорит, во-первых, их необычайное богатство, подчеркнутое и летописью, и «Словом...», во-вторых, отсутствие около них скота: в этих вежах было вино, «девки красные» и разные дорогие «паволоки» (ткани, ковры и пр.). Наконец, в-третьих, практически у этих веж бой не состоялся. Русичи подошли к ним после тяжелого перехода (хотя и по ровной дороге, но им пришлось за полдня и ночь пройти 80 км), и, несмотря на это, они легко «потопташа полки половецкие». В летописи сказано, что половецкие стрелки выпустили только по стреле и затем поскакали за вежи и ушли в степь, оставив их на разграбление.

Все это выглядит и сейчас необычайно подозрительно!

Диво берет, почему ни одному князю не пришло в голову побережся. Впрочем, надо отдать должное Игорю: он предложил все-таки после захвата веж оттянуться назад — к Донцу на более безопасное место, но остальные князья захотели праздновать победу там, где ее одержали, под предлогом, что необходимо, мол, дать отдых войскам.

Результат осмотра местности, как нам кажется, подтвердил выдвинутую академиком Б.А. Рыбаковым гипотезу. Участок степи, выбранный для «ложных» веж, был крайне неблагоприятен для размещения русского войска. С севера — болотистый разлив Самары (видимо, его летописец называет «езером»). Впадающая в Самару речушка Гнилуша, у которой стояли вежи, — грязная, топкая, с солоноватой водой. Кругом пустота и солончаки. Характерно, что вокруг других становищ степь буквально заполнена каменными половецкими изваяниями — остатками половецких поминальных храмов предков (святилищ).

В междуречье же Самары и Быка их не было; это был гиблый, необитаемый участок, страшный мешок, в который коварно заманили удалых, но не очень дальновидных русских князей.

Русское войско захватило подставные вежи в пятницу. Ночь прошла в гульбе, а наутро в субботу русские воины увидели себя окруженными со всех сторон половецкими полками, выступавшими на горизонте «яко борове», то есть как густой лес. По развевающимся бунчукам (знаменам) Игорь узнал, что фактически на него вышла «вся половецкая рать». Помимо полков Кончака, в бою участвовал другой сильный половецкий хан, Гзак. Подошли полки орд Токсобичей, Колобичей, Етебичей, Терьтробичей, Тарголове, Улашевичей, Бурчевичей (все они перечисляются в русской летописи). Прижатые к топкому озеру-болоту, лишённые питьевой воды, русские воины были обречены на гибель, несмотря на безусловное личное мужество их военачальника и на их благородное решение не бежать, вырвавшись из вражеского кольца, что бы не оставлять на расправу пеших воинов.

Таковы были причины и обстоятельства гибели полков Игоря Святославича. Кончак перехитрил русских — заманил

в ловушку и, пользуясь некоторой потерей бдительности, естественной после легкой победы, и ночной темнотой, захопнул ее.

Благодаря этой на шумевшей победе Кончак стал самым могущественным феодалом в Половецкой земле. При этом следует отметить, что он очень разумно распорядился результатами победы. Уже на поле боя он выкупил князя Игоря у воина Чилбука, взявшего Игоря в плен. Затем, отделившись от Гзака, который кинулся грабить беззащитные земли Игоря, Кончак направил свой удар на Переяславское княжество, которым владел враг Игоря Владимир Глебович (напомним, что Владимир погиб, защищая Переяславль). Вернувшись в свои кочевья, он постарался женить юного княжича Владимира Игоревича на своей дочери, а также создал все условия для побега Игоря из плена; разрешил ему неограниченное передвижение по кочевью, предоставил отличных коней, собственных слуг и пр. Так он приобрел надежного союзника не только в лице самого Игоря, но и всей его семьи.

Таким образом, сепаратистские стремления, авантюрные, плохо организованные и продуманные выступления русских феодалов, ссорившихся между собой, способствовали росту могущества степных властителей, в частности наиболее деятельного из них — хана Кончака.

Умные и любящие свою родину русские люди отлично понимали, какой ужасный урон всем русским землям приносят такие поражения. Именно об этом и писал автор «Слова...», страстно призывавший русских князей к единению».

А. Косорукова

Что за река: «Каяла»?

«Я разделяю мнение многих исследователей «Слова о полку...», считающих, что Каяла — название реки смерти, по которой согласно языческим верованиям русичей, уплывали в потусторонний мир души умерших. Употребление предлога «в» («въ дне Каялы») говорит в пользу мифологического истолкования Каялы, ибо русичи-язычники верили, что у мертвых есть свое жилище и что оно находится ниже дна реки. Уместным оказывается в этой связи и употребление слова «золото», так

как оно (золото) было одним из характерных признаков царства мертвых (см.: *Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей.* М., 1982. С. 60—61, 70, 78, 105, 145). Поэтому бессмысленно искать Каялу на географической карте, а на ее дне — золото, будто бы насыпанное туда князем Игорем.

Поскольку Каяла названа в «Слове о полку Игореве» «рекой половецкой», постольку обоснованно предположение, что, по верованиям русичей, у каждого народа была своя река смерти».

Мнение третье. Князья шли не на бой, а на свадьбу.

А. Никитин Половецкая Русь*

«Спала князю унь по хоти...»

Муза истории Клио удивительна в своих пристрастиях. Она охраняет для потомков факты, на первый взгляд малозначительные, и ввергает в реку забвения народы и государства. События весны 1185 года, связанные с поездкой в Степь новгород-северского князя Игоря Святославича, так же мало повлияли на ход мировой истории, как разгром басками арьергарда войска Карла Великого в Ронсевальском ущелье в 778 году. Однако и то, и другое стало важным сюжетом для поэтов и спустя сотни лет дошло до нашего времени.

Поэзия и реальность — вот извечный пример «единства и борьбы противоположностей», приводящий в недоумение историков и литературоведов.

В первую очередь это относится к самому «Слову о полку Игореве» и к его исторической основе. На протяжении последних десятилетий истолкование текста «Слова...», а вместе с тем и событий 1185 года шло исключительно под углом зрения «половецкой опасности» для Руси конца XII века. При этом исследователи закрывали глаза на **дружеские связи князей и ханов**, забывали межэтнические браки и их последствия, хотя

* См.: Знание — сила. № 5—6. 2000.

Игорь Святославич был по крови (и, вероятно, по воспитанию и языку) на 3/4 половцем.

Не принималось в расчет и другое: с одной стороны — тесная дружба Игоря и Кончака, которая, как свидетельствует летопись, крепла год от года и завершилась женитьбой Владимира Игоревича на дочери Кончака, а с другой — ожесточенная усобица Игоря с Владимиром Глебовичем, князем Переяславльским, возникающая, кстати сказать, в результате именно этой дружбы.

И вот — парадоксальная ситуация: одни историки объявляют Игоря воином-героем, выступившем «за землю Русскую», а другие — «предателем русских национальных интересов».

А что было на самом деле?

Кроме текста «Слова...» современный историк располагает двумя версиями событий апреля — мая 1185 года в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Интересно, что и там освещение этих событий диаметрально противоположно.

Рассказ Ипатьевского списка повествует о случившемся наиболее подробно и с позиций, благоприятствующих новгород-северскому князю. Наоборот, краткое изложение того же сюжета в Лаврентьевском списке можно назвать в первой его части памфлетом — столько в нем неприязни к черниговским князьям и издевки над их пленением половцами.

Но вот что любопытно: попыткой военного похода рисует это предприятие только Лаврентьевский список, тогда как внимательное прочтение начала рассказа Ипатьевского списка ставит такую посылку сразу же под сомнение. Оказывается, Игорь не «выступил», не «исполчился», не «вступил в стремя», как обязан был бы сказать летописец о начале военного похода, а всего только «поехал» из Новгорода, «взяв с собой» своего брата, племянника и старшего сына, Владимира Игоревича, который к этому моменту стал самостоятельным князем в Путивле, но не был женат. К тому же собравшиеся ехали «не спеша», совсем не заботясь о том, что об их поездке может кто-либо проведать.

Еще более удивительно выглядит эпизод со «сторожами», то есть разведчиками, которые, вернувшись, сообщили Игорю, что «виделись с ратными, ратницы ваши со доспехомъ ездять», поэтому надо или «поспешить» — куда? — или возвра-

титься домой, ибо «не наше есть время». Не правда ли, странная дилемма для собравшихся в набег? Причина этого могла быть только одна: сама поездка преследовала отнюдь не военные цели, то есть Игорь ехал не на войну, а к другу, и этим другом, как свидетельствует Ипатьевская летопись, начиная с 1174 года был Кончак. В 1180 году оба они участвуют в совместных боевых операциях в составе войск Святослава Всеволодовича, причем половцы специально просят определить их под начало Игоря; в 1183 из-за Кончака, которого Игорь не дал ограбить и пленить, между новгород-северским и переяславльским князьями развязывается кровавая усобица, к весне 1185 года всколыхнувшая и другие русские княжества.

Обычно полагают, что весной 1185 года пограничные русские земли ожидали набега половцев, которым нужен был полон для выкупа своих родственников, захваченных во время похода русских князей весной 1184 года. На самом деле, речь должна была идти о выкупе полона, захваченного войсками Святослава Киевского 21 апреля 1185, то есть за два дня до выступления Игоря из Новгорода-Северского, о чем Игорь просто не мог знать. Гзак, наткнувшийся на Игоря, как раз и шел на Русь за таким «обменным фондом», чтобы выволить «свою братию». Вот почему, когда Игорь и его спутники оказались в плену, Гзак, если верить летописи, тотчас же послал в Киев гонца с вестью к князьям: или вы приходите к нам по свою братию, или мы идем к вам.

Но все это произошло несколько дней спустя. А пока в Степь были высланы дозоры. И здесь весьма примечателен ответ, который вкладывает в уста Игоря автор летописного рассказа, что, дескать, не столкнувшись с опасностью повернуть назад — «срам пуще смерти», то есть вернуться можно только при неизбежности боя. Тем самым здесь ясно сказано, что бой не был целью экспедиции. А что еще? Ведь ни опасность встречи с врагом, ни солнечное затмение, ни сопровождающие его зловещие знамения, столь ярко и поэтично описанные в «Слове...», ни предупреждение разведчиков не остановили Игоря и его спутников в их движении. Получается, что цель поездки была настолько важна, что зловещими приметами можно пренебречь.

Парадоксальная ситуация разрешается в летописном рассказе столь же парадоксально: Игоря ожидала в полном смыс-

ле слова бескровная победа. В описании первой встречи с половцами согласны все три столь противоречащих друг другу источника — памфлет Лаврентьевской летописи. «Слово...» и текст Ипатьевской летописи, содержащий наиболее обстоятельное описание происходившего. Последуем за ним.

Русский отряд подошел к берегу реки Сюурлий в полдень. Половцы уже ожидали прибывших на противоположном берегу, выстроившись в боевой порядок. За ними стояли их «дворцы на колесах» — вежи, скрип которых разносился предшествующей ночью далеко по Степи, как «крик распуганных лебедей». Князя не успели «исполчиться», то есть построиться в боевой порядок (стоит отметить, что ни о каких «полках» ранее и речи не было, князей сопровождали только «дружины», что далеко не одно и то же) и подойти к реке, как из рядов половцев выскочили лучники и, «пустив по стреле на русь», тотчас же ударились в бегство. «Поскакали и те половцы, которые стояли далеко от реки», — пишет автор рассказа. Иными словами, не приняв бой, а лишь «отсалютовав» русским своими стрелами, половцы бежали, бросив на произвол судьбы свои дома и семьи. Русские, перебредя речку, бросились к вежам, но боя так и не было...

Не правда ли, странно? Во-первых, в случае военных действий вежи откочевывали глубоко в Степь, где их не мог найти противник, а не выдвигались в район боевых действий. Во-вторых, половцы явно ожидали русский отряд, но не собирались с ним сражаться. В-третьих, они бросили своих близких на милость победителя, словно были уверены, что с теми ничего не случится. И это — те самые половцы, которые уничтожили печенегов, неизменно разбивали войска византийских императоров, нанесли сокрушительное поражение объединенным силам русских князей в 1068 году и спасли Грузию от турок-сельджуков? Те самые, что потом неизменно обращали в бегство отряды крестоносцев?

В таком случае перед нами не бой, а всего лишь его инсценировка. А следом начался «пир победителей», в описании которого наши источники тоже согласны. О продолжался всю ночь, хмельной, радостный и беспечный. Последнее, может быть, — самое невероятное, поскольку князя должны были ожидать не только возвращения половцев, но и подхода их других соедине-

ний. И все же русские князья были настолько уверены в своей безопасности, что на следующее утро «изумились», по словам летописца, увидев себя окруженными половцам Гзака.

Странности на этом не кончаются. В руках русских князей находился богатый полон, которым они могли обеспечить свою свободу. Однако вопрос об обмене не поднимался, как если бы Игорю и его спутникам нечего было предложить Гзаку. Почему? Снова загадка.

Попытаемся все-таки разобраться в этой совсем необычной ситуации. В ряде мест «Слово о полку Игореве» оказывается куда точнее, чем летописи, особенно там, где это требовали законы рыцарской поэтики. В перечне трофеев, захваченных на берегу реки Сюурлий, нет ни рабов, ни женщин, ни стариков — никого, кто должен был оставаться в вежах. Нет там ни золота, ни оружия, а только молодые половчанки, «красные девки половецкие», вместе с которыми был захвачен обоз с одеждами, украшениями и тканями: «Рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девки половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамит орьгъмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мости по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми». Если вспомнить, что в конце «Слова...» синонимом дочери Кончака оказывается именно «красная девка», трудно освободиться от впечатления, что перед нами — обоз с приданым невесты, которую сопровождают подруги-фрейлины, тем более что Кончаковна действительно вышла замуж за Владимира Игоревича.

Более того, описание этого приданого удивительно схоже с приданым Марии, дочери болгарского царя Калояна, половчанки по происхождению, выехавшей в 1213 году на встречу с женихом, Генрихом Энно, императором Латинской империи, как это описывает Робер де Клари, называя ее ошибочно «дочерью Борила» (ему она приходилась племянницей): «Потом он отослал ее к императору и велел подарить ему 60 лошадей, все они были нагружены добром, и золотом, и серебром, и шелковыми материями, и богатыми сокровищами; и не было там ни одного коня, который не был бы покрыт попоной из малинового шелка, столь длинной, что она волочилась позади каждой лошади на целых семь или восемь шагов; и никогда не продвигались по грязи или по худым дорогам, так что никакая

материя не была разорвана, и все были исполнены великой красоты и благородства».

Если предположить, что Игорь шел на берег Сюурлия сватать невесту для своего сына Владимира, все оборачивается вполне реалистической картиной степной свадьбы, начавшейся ритуальным «боем за невесту» с последующим «похищением» самой невесты и ее подружек (к слову сказать, тоже невест), с «грабежом» приданого, с последующим «пиром победителей», на котором пили и пели и который, согласно степным законам, в этот день проходил обязательно без родителей невесты. Последние появлялись только на следующий день, когда невеста уже становилась женой «похитителя», с которого получали калым «за бесчестие».

Но первым на следующий день появился не Кончак, а Гзак, который шел за полоном. Предостережения «сторожей» были не напрасны. Кончак пришел, когда незадачливые сваты и новобрачные оказались уже в плену. Конечно, ни о каком «трехдневном бое» говорить не приходится хотя бы потому, что самые крупные сражения средневековья заканчивались к концу первого светового дня, даже битва на Куликовом поле длилась всего два с половиной часа: «до вечера» продолжалось лишь преследование бегущего противника.

Что же касается Игоря и его спутников, то, вероятнее всего, они были повязаны половцами Гзак еще полусонными, а вместе с ними был захвачен и калым, который Игорь вез Кончаку, — то самое загадочное «русское золото», в связи с потерей которого, по свидетельству автора «Слова о полку Игореве» и к великому смущению его исследователей, оплакивали («каяли») Игоря различные народы. В самом деле, откуда у Игоря, если он шел в набег на половцев, могло оказаться «русское золото»? Теперь и эта загадка получала объяснение.

Кончак прибыл слишком поздно: если верить Лаврентьевской летописи, Гзак успел даже послать известие в Киев князьям с предложением обмена пленных, хотя последнее могло произойти и на следующий день. Вероятно, молодоженов и «красных девок» ему все-таки пришлось освободить во избежание неприятностей со стороны Кончака и донских половцев, к числу которых Гзак не принадлежал, будучи половцем поднепровским. Но на Игоря и остальных такая неприкосно-

венность не распространялась. Если вспомнить, что в 1168 году Олег Святославич, старший брат Игоря, захватил вежи Гзака, пленив его жену и детей, можно допустить, что половецкий хан взял реванш. Неизвестно, какие отношения у Гзака были с Кончаком, во всяком случае, недружественные. Вот почему, отпустив Игоря на поруки, он все-таки отправился в Посемье грабить земли новоявленного зятя Кончака, не поддавшись на уговоры обратиться против их общего с Игорем врага, переяславльского князя Владимира Глебовича, куда тотчас же отправился сам Кончак.

Насколько вероятна такая версия?

Она основана на точном прочтении источников, хорошо согласуется с ними и с общим укладом русско-половецких отношений, разрешая многие недоуменные вопросы. Она объясняет характер экспедиции (или «поездки») Игоря, опасения и колебания его спутников, снимает загадку «первого боя» и наличия в руках Игоря «русского золота», являвшегося калымом за невесту для сына. Вместе с тем можно привести еще ряд фактов, подтверждающих выдвинутое объяснение.

Сватовство в те времена было делом длительным даже среди друзей, и, судя по примерам, сохраненным летописями, между сговором и свадьбой проходило несколько лет, причем малолетние невесты могли до свадьбы подрастать в доме своих будущих мужей, играя в куклы, как, например, Верхуслава, дочь Всеволода Юрьевича Суздальского, которой было всего восемь лет, когда в 1187 году ее венчали с Ростиславом Рюриковичем. А ему было около пятнадцати — столько же, сколько в 1185 было Владимиру Игоревичу.

Однако по тем временам это был «возраст зрелости», в это время юноша мог заводить семью, а княжич получал собственный удел. Вероятно, дочери Кончака было 13—14 лет, а вернулись они на Русь в последних числах 1187 года уже с первенцем, которому должен был исполниться год. Что подготовка этого брака началась задолго до поездки, сомневаться не приходится. Летопись даже называет человека, занимавшегося переговорами с Кончаком: им был Ольстин Олексич, сопровождавший Игоря и его сына, жениха, в Степь. За два месяца до майских событий он тоже находился «в половцах» с какой-то миссией, и ехал он не с мифическими «ковуями», которые за-

тем превратились в «черниговскую помощь», а просто «ко вьям своим», то есть к дядьям по материнской линии: родственники среди половцев были как у князей, так и у бояр, каким предстает по полноте своего имени Ольстин Олексич.

Предрешенность женитьбы Владимира Игоревича можно вывести также из того, что молодой княжич выехал к отцу «из Путивля», только что полученного им в удел, то есть уже князем, что неизменно предшествовало свадьбе, которая, таким образом, завершала выделение юноши из семьи и свидетельствовала о его самостоятельности и независимости.

Текст «Слова...» сохранил еще одну любопытную деталь, так и не понятую многочисленными исследователями древнерусской поэмы, более того, истолкованную в прямо противоположном смысле. Речь идет о желании Игоря «копие приломити конец Поля половецкого», что всегда воспринималось как желание вступить в бой с половцами. Между тем выражение «приломить копье», то есть ликвидировать возможность продолжения боевых действий, было этикетной формулой заключения мира, тем более что указывалось, где это должно произойти: не в Поле, а на его границе. Существование схожего обычая отмечено и в русско-литовских летописях под 1375 годом, где Ольгерд, заключая мир с московским князем Дмитрием Ивановичем, выговаривает себе право «копье о стену замковую сокрушити», что, наряду с заключением мира, подчеркивает характер его «завоеванности».

Ярославна, кто она?

На Дунае Ярославны голос слышен,
чайкою неузнанною рано утром стонет.

А кто такая — Ярославна? Жена Игоря?

Игорь княжил в Путивле до 1179 года, а затем сел в Новгороде-Северском.

В списке «Слова о полку Игореве» (БАН, 16.5.15) перед текстом приведены следующие сведения:

«В лето 6659 месяца апреля в 15 день родился князь Игорь Святославич в святом крещении наречень Георгием. В лето 6692 оженися на княжне Ефросинии Ярославне князя Галицкого...»

Ныне принято считать, что в 1184 году Игорь женился на Ярославне (притом оба они венчались первым браком), после чего у них в 1172 году родился сын Владимир. Сын родился на шесть лет ранее брака!

Но если Ярославна — дочь Ярослава Владимировича Галицкого — Евфросинья, то, согласно Любечскому синодику, Евфросинья Ярославна была женой князя Феодосия. Почему жена Феодосия плачет на забрале о князе Игоре-Георгие?

Ужасно, но, вероятно, автор «Слова...» плохо знал обстоятельства описываемых событий, кто на ком был женат, куда и зачем совершался поход. И, несмотря на всю путаницу в изложении событий, многие уверяют, что автор поэмы сложил ее по горячим следам и был сам участником этого грандиозного дела.

Филологи уверяют, что таких слов, как «РОКОТАТЬ» и «ТРЕПЕТАТЬ», не было до XIX века ни в одном словаре русского языка. Пушкин их тоже не знает.

Пушкин ни разу не употребил слов «рокот», «рокотать», хотя у его современников мы встречаем их с начала 20-х годов XIX века.

Если послушать этих умником, то можно будет подумать, что «Слово о полку Игореве» написал Мусин-Пушкин. Что невозможно, ибо умаляет нашу Славу*.

А тот факт, что «Слова...» имеет параллели с поэмами Оссиана, указывает на то, что Оссиан зачитывался нашим шедевром.

Удалось показать поразительное сходство между основными поэтическими и содержательными компонентами «Слова о

* Л.А. Булаховский. К лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ. Т. XIV. М.-Л., 1958. С. 33: «Диалектные записи для Атласа русских народных говоров, а также для Псковского областного словаря, которые ведутся с 1945 г. на территории Псковской области, содержат ряд употреблений слова «рокотать», представляющих несомненный интерес для его истории. Приведем некоторые из них, сделанные в разное время, разными лицами и в разных районах Псковской области:

1) јесб тако барахло: ракаче, ракаче, а слухать јаво ниhto ни хоче (говорит быстро, пустословит) (дер. Гридино, Ново-Ржевский р-н, 1959 г.);

2) мы сьвилися фси вмесьте, фсе рокочут по-своему (дер. Марьинское, Лядский р-н, 1959 г.).

В говорах Псковской области слово «рокотать» означает «издавать раскатистые дробные звуки речи, пения, текущей с бульканьем воды и т.д.».

полку Игореве» и «Поэмы Оссиана» (изданными в 1765 году), некогда знаменитой подделкой — стилизацией древнекельтского (древнешотландского) эпоса.

Вот несколько очевидных, легко воспринимаемых лексико-стилистических и фразеологических параллелей, подкрепляемых смысловой и ситуационной аналогией употребления этих оборотов и выражений в соответствующих контекстах «Поэм Оссиана»* и «Слова о полку Игореве»:

1) «Фингал... и Коннал... словно два столпа огневых» (Фингал. Кн. V. С. 56).

«ОБА [Игорь и Всеволод] БАГРЯНАЯ СТОЛПА ПОГАСОСТА...»;

2) «Вернется ли вновь Оссианова юность...» (Война Инис-тоны. С. 77)

«А ЧИ ДИВО СЯ, БРАТИЕ, СТАРУ ПОМОЛОДИТИ?»;

3) «...пошли они как грозовые тучи... их края обвивает молния» (Война Инис-тоны. С. 79)

« ЧЕРНЫЕ ТУЧИ С МОРЯ ИДУТ... А В НИХ ТРЕПЕЩУТ СИНИИ МОЛНИИ»;

4) «О бард старинных времен...» (Темора. Кн. I. С. 178)

«О БОЯНЕ... ПЕСНОПЕВЕЦ СТАРОГО ВРЕМЕНИ...»;

5) «Сила лесов полегла под его копьем» (Суль-мала с Лумона. С. 253)

«УЖЕ ПУСТЫНЯ СИЛУ ПРИКРЫЛА...»;

6) «Не было рядом с тобой ни щита Кухулина, ни копья твоего отца. Благословенна будь душа твоя, Кормак, юным померкнул ты!» (Темора. Кн. I. С. 178)

«НЕ БЫСТЬ ТУ БРАТА БРЯЧИСЛАВА, НИ ДРУГАГО — ВСЕВОЛОДА: ОДИН ЖЕ ИЗРОНИ ЖЕМЧУЖНУ ДУШУ ИЗ ХРАБРА ТЕЛА...»;

7) «Фингал, о муж битвы! Рано ты начал совершать бранные подвиги... Рано ты в славе сравнялся с твоими отцами» (Темора. Кн. III. С. 195).

«О моя сыновчи. Игоре и Всеволоде! Рано еста начало Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати».

* Текст «Поэм Оссиана» цит. по: *Макферсон Джеймс. Поэмы Оссиана / Пер. Ю. Левина. М.: Наука, 1983.*

Правда, непонятно, почему монахи-переписчики ни разу в тексте не вставили ни одного православного понятия, одно язычество! Вероятно, написал язычник, а монахи не переписывали. Поэтому сохранился только один экземпляр. Тогда естественный вывод: английский поэт приезжал изучать «Слово...» в Россию.

П.Н. БЕРКОВ

**Первое объявление о продаже
«Слова о полку Игореве»**

«Среди источников для истории первого издания «Слова о полку Игореве» до сих пор не обращало на себя внимания исследователей любопытное объявление, помещенное в «Московских ведомостях» (1800 г., 5 декабря. № 97. С. 2099—2101) и затем дважды повторенное (12 декабря. № 99. С. 2149—2151 и 19 декабря. № 101. С. 2200—2202). Объявление это шло от имени купца Кольчугина, или, как он назван в тексте «Московских ведомостей», Кальчугина, но едва ли сам Кольчугин составил это объявление. Из текста объявления явствует, что перечисленные в нем книги даны Кольчугину лишь «по комиссии», иными словами, не Кольчугин является заинтересованным лицом, а кто-то другой. Вместе с тем, о гр. А.И. Мусине-Пушкине в объявлении говорится в исключительно хвалебном тоне, что, конечно, свидетельствует, что автором объявления сам граф не мог быть. Таким образом, можно почти без колебаний считать, что объявление это было написано кем-то из лиц, близких к гр. А.И. Мусину-Пушкину, может быть Н.Н. Бантышом-Каменским, опытным библиографом, может быть А.Ф. Малиновским.

Объявление начинается общей частью, посвященной суммарной оценке книг по отечественной истории, далее говорится об их патриотически-воспитательном значении, и, наконец, автор переходит к характеристике гр. А.И. Мусина-Пушкина как издателя и ученого. Последний рекомендуется в качестве «любителя отечественной история и ее древностей, тонкого и просвещеннейшего исследователя исторической истины», далее указывается, что рецензируемые ниже четыре книги, изданные графом, «обогащены от него примечаниями, делающими великую честь обширным его сведениям в науках и словесности».

Затем публикуются описания и аннотации к «Правде Русской» (М., 1799), «Ироической песни о походе князя Игоря» (М., 1800), «Историческому исследованию о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения» (СПб., 1794) и «Историческому разысканию о времени крещения российской великой княгини Ольги» архиепископа Евгения Булгара (СПб., 1792). К этому основному объявлению примыкают объявления о нескольких книгах, также продающихся у Кольчугина; одна из них непосредственно связана с основным объявлением — это «Духовная князя Владимира Мономаха» (СПб., 1793), изданная также гр. А.И. Мусиным-Пушкиным. Вероятно, этой книги на складе у издателя уже не было, и на комиссию были сданы Кольчугину только четыре перечисленные выше книги.

«Любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства. Почтеннейший издатель сверх прекрасного и возвышенности слога соответствующего преложения, присокупил еще разные исторические примечания, к объяснению материи служащие» (№ 97. С. 2100).

Если сопоставить эту аннотацию с «Историческим содержанием Песни», напечатанным в первом издании «Слова...», то станет очевидным, что аннотация составлена из выдержек указанного «Содержания Песни». Слова: «Сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение» и т. д., кончая: «славные дела многих российских князей» — находятся в «Историческом содержании» («Ироическая песнь...». С. V). Словам объявления: «Любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства» — соответствуют в «Содержании» следующие фразы: «Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов... Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцом витийства» («Ироическая песнь...». С. VI).

Трудно предположить, что эту аннотацию, хотя бы на основе предисловия к «Слову...», сочинил купец Кольчугин, человек далекий от литературы. Но был ли автором ее Г.Н. Кольчугин или кто-либо из окружения гр. А.И. Мусина-Пушкина, —

во всяком случае, это объявление было первым своеобразным отзывом в русской периодической печати на выход «Слова о полку Игореве» из печати.

Приводим полный текст объявления:

«Между полезными и заслуживающими наибольшее одобрение всякого здравомыслящего читателя книгами, изданными доселе на российском языке и вновь издаваемыми, самое первое по справедливости занимать должны место те, кои относятся до отечественной нашей истории и, представляя картину времен отдаленных, изображают дух тогдашнего века, обычаи, употребления и узаконения оного, патриотическую любовь древних наших соотечественников, беспритворную правду и неизменяемую простоту оных, разительно потомков их удивляющую, и многие другие, не менее важные предметы, удобные остановить внимание наше, возбудить и воспламенить любовь к дражайшему отечеству, и усилить верноподданническую ревность и усердие к достославным монархам, возводящим исполинскими шагами Россию на верх величия и славы, и ниспосылающим с высоты престола на подданных своих благоденствие, каковому немногие примеры найдутся в бытописаниях других народов. Не распространяюсь здесь в наименовании многих других в сем роде книг, нужным почитается привести чрез сие на память почтенной публики токмо следующие четыре творения, тем паче, что оные изданием своим в свет обязаны одному из почтеннейших наших соотечественников, любителю отечественной истории и ее древностей, тонкому и просвещеннейшему исследователю исторической истинны, и обогащены от него примечаниями, делающими великую честь обширным его сведениям в науках и словесности:

1. Правда Руская, или Законы Великих Князей, Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, с предложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших; М., 1799. — Изданные донныне под сим именем в 1767 и 1786 годах Ярославовы законы весьма неполны, несправны и недостаточны; но здесь оные выдаются с самого верного списка, сличенного со многими другими рукописями, пополненного и исправленного, и присовокуплено, во-первых, объяснение и толкование смысла древних и почти совсем уже из употребления вышедших слов, основываясь на достоверней-

ших источниках; а потом замечания о современных оным законам нравах, обычаях и обрядах общежительных и судопроизводных, кои, быв извлечены из самых редких рукописей, и отличаясь Духом любомудрия и нравственности, а равномерно плавностию и приятностию слога, представляют из себя сколько занимательное и любопытное, столько же и наставительное и для любителей истории наиприятнейшее чтение.

2. Ироическая Песнь о походе на Половцев Удельного князя Новгорода-Северского, Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII-го столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. — В поэме сей описав неудачный поход князя Игоря Святославича против половцев в 1185-м году, и сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение (приведшее всю Россию в уныние) с прежними победами, над половцами одержанными, припоминает некоторые достопамятные происшествия и славные дела многих российских князей, — любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства. Почтеннейший издатель, сверх прекрасного и возвышенности слога соответствующего преложения, присовокупил еще разные исторические примечания, к объяснению материи служащие.

3. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения, изданное по высочайшему ее императорского величества, Екатерины II, самодержицы всероссийская, повелению СПб., 1794. — Здесь предлагается исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения (острова Тамани), выбранное из равных достовернейших летописей, с доводами, опровержением ложного заключения некоторых дееписателей, и многими объяснениями. Для большего же удостоверения присовокуплены к сему исследованию: 1) Родословник князей российских, владевших в Тмутаракани, с генеалогическою таблицею, на меди вырезанною; 2) рисунок с найденного на острове Тамани в 1793 году мраморного камня со словами, в точной их величине и почерке в двух строках на боку оного высеченными; 3) чертеж, изображающий часть древней России с окрестными народами и 4) описание означенных в нем

народов, городов и урочищ, с показанием, откуда сведения сии взяты.

4. Евгения Булгара, архиепископа словенского и херсонского, историческое разыскание о времена крещения российской великой княгини Ольги, писанное на латинском языке с присовокуплением российского перевода. СПб., 1792. — Сочинение сие преосвященного архиепископа Евгения, мужа высокого ума, учением своим в Европе прославившегося, и одобряемого за свои сочинения учеными обществами, отличается толикопостию исторического розыскания, основательностью доводов и правильностию суждения, а сверх того быв писано на латинском языке самым прекраснейшим и цветами испещренным слогом, рекомендует себя не только любителям истории, но и упражняющимся в латинской литературе может служить образцом краснописания. Со стороны Типографической напечатана книга сия со всевозможною чистотою, и украшена двумя эстампами, прекрасно выгравированными славным художником в Санкт-Петербурге, Валкером, из коих один изображает портрет преосвященного Евгения, а второй представляет, как российская великая княгиня Ольга просвещена святым крещением в Цареграде.

Все вышеупомянутые четыре книги продаются по комиссии в книжных купца Кольчугина лавках, что на Никольской улице, по нижеследующим ценам:

Правда Русская, в перепл. 210 коп. Ироическая Песнь и пр. в бум. 130 коп. Историческое исследование и пр. в пер. 330 коп. Евгения Булгара и пр. в перепл. 330 коп.

Иногородние, желающие получать сии книги, присовокупляют за пересылку по 2 коп за каждые 100 верст.

В оной же лавке продается того же почтеннейшего издателя книжка. Под титулом: Духовная великого князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской: Поучение, СПб., 1793, без перепл. 60 коп., в папке 1 руб.».

Иногда указывается, что рукопись «Слова...» погибла в пожаре 1812 года*, однако это отвергается показаниями очевидца.

* В музеях, благодаря заслугам господина Бардина, завалялось их еще парочка.

В 1902 г. в Твери вышли в свет «Воспоминания княгини С. В. Мещерской» (Тверь, 1902. VIII. 21 с.).

Княгиня Софья Васильевна Мещерская, урожденная княжна Оболенская, родилась 24 января 1822 г. и умерла 3 июня 1891 г. Она была дочерью кн. Екатерины Алексеевны Оболенской, рожденной Мусиной-Пушкиной (1786—1875), и кн. Василия Петровича Оболенского (1780—1834). Таким образом, кн. С. В. Мещерская приходилась внучкой А. И. Мусину-Пушкину.

В книге приведены следующие слова:

«1812-й год надвинулся и тревожно отразился на всех. Уезжая на лето в Ярославское имение, когда уже предвиделось вторжение Наполеоновских полчищ в Россию, но еще казалось невозможным поражение Москвы, граф из предосторожности убрал драгоценные свои коллекции и рукописи в кладовые. Они помещались в подвальном этаже со сводами и, по приказанию графа, вход в них замурован. Когда неприятель уже подвигался за отступающими нашими войсками, граф послал несколько подвод для вывоза из дома всего, что можно; картины были вынуты из рам и скатаны, серебро и мраморные изваяния уложены, — много хорошего, но и **много без всякой цены было перевезено в деревню**. До запертых кладовых уже не посмели дотронуться.

Несколько семей дворовых людей остались при доме.

Когда французы вошли в Москву, многие из них поместились в Пушкинском доме и побратались с людьми графа. Раз в нетрезвом виде друзья французы хвастались своими ружьями.

«Такие ли у нашего графа? гораздо лучше!» — «Где-же?» — «Да вот тут за стеной».

Стена была пробита и все разграблено, а позже окончательно поггло в пожаре.

С христианским чувством покорности воле божией, перенес граф потерю своих драгоценных коллекций, собранием которых занимался в течение всей своей жизни.

Некоторые рукописи, как то: подлинное «Слово о полку Игоря» и часть Нестеровой летописи **были спасены от гибели тем, что находились в то время у историкографа Карамзина**».

Увы! Чем дальше, тем труднее и труднее разбираться в нашей истории, ибо количество вымысла и догадок, принимаемых на веру, растет и растет.

Повесть о разорении Рязани Батыем*

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давидом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать, как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтоб не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю

* Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Пер. Д.С. Лихачева. М., 1981. С. 184—200.

Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в пре-высоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших. И от подымавшихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых, и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божий церкви, и за веру христианскую, и за отчизну отца нашего великого кня-

зя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы Богородицы. И плакал много перед образом пречистой Богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И видел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: «О, братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом

христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею. И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божи разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божи до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и мно-

жество народа polegшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился. И едва поймали татары из полка Евпатиева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же ответили: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурина своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батиевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказыва-

ли нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О, Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своей дружиною и многих богатырей сильной орды моей побил и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем. Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингваревич нашел тело матери своей великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал своих снох, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Ря-

зань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрерывный. И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все княжество, и удалыцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померкнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поеи, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О, милая моя братия и вочнство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой погибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О, милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюсь я с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Немного порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате

вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за весельем плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О, земля, о, земля! О, дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братья мои воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое

время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

«Повесть о разорении Рязани Батыем» — самостоятельное произведение, которое не является частью летописного повествования.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» бросается в глаза ряд странностей, которые весьма настораживают. Автор забывает имена рязанских князей, их родственные связи. Так, названные в числе павших в битве с татарами Давид Муромский и Всеволод Пронский скончались *до* татаро-монгольского нашествия. Не дожил до разорения Рязани и Михаил Всеволодович, которому, согласно «Повести...», пришлось восстанавливать Пронск после Батыя. Олег Ингоревиич Красный, который, кстати, был не братом, а племянником рязанского князя Юрия, не пал от татарских ножей. Страшная гибель, приписанная ему автором «Повести...», ждала спустя 33 года его сына Романа. Епископ Рязанский также не погиб в осажденном городе, а успел выехать из него незадолго до прихода татар. В качестве предков рязанских князей названы Святослав Ольгович и Ингорь Святославич, в действительности не являвшиеся родоначальниками рязанского княжеского дома. Сам титул Юрия Ингоревиича «великий князь Рязанский» появился лишь в последней четверти XIV века. Наконец, определение дружины Еватия Коловрата, которая насчитывала 1700 человек, как небольшой не соответствует реалиям домонгольской и удельной Руси.

Все эти несуразности можно понять, помня, что «Повесть о разорении Рязани Батыем» была написана после 1526 года.

В «Повести...» имеются разные наслоения: это мотивы религиозные и мотивы рыцарские.

Перед тем как Юрий Ингоревиич начал «собирать воинство свое», он предается «великому плачу», обращается с молитва-

ми к Богу, произносит псалмы, словом, проделывает весь ритуал, который в таких случаях духовные писатели приписывают своим героям.

Воодушевляя своих дружинников, Юрий призывает их постоять «за святые Божьи церкви и за веру христианскую», «смертию живота (т. е. загробную жизнь) купити» и т. д.

Неоднократно подчеркивается, что все беды, обрушившиеся на Русскую землю, посланы богом за грехи. В полном противоречии с общим духом «Повести...» высказывается мысль об обреченности рязанской дружины, несмотря на все ее мужество, ибо «против гнева божьего кто устоит!» Позднейшим переписчиком сделана вставка, что вместе с великой княгиней Агриппиной мученически погибли епископ и «священнический чин».

С другой стороны, в «Повести...» нашла отражение идеология «господства рязанского», «удальцов и резвцов рязанских», т. е. рыцарские умонастроения. Только при описании осады Рязани рассказывается о мужестве и стойкости обыкновенных горожан, во всех же остальных случаях храбрость проявляет исключительно княжеская дружина. Именно к ней обращается великий князь Юрий Ингорович, называя ее: «братия моя», «братия моя милая и дружина ласковая», «узорочье и воспитание рязанское». Особенно много рыцарских мотивов в эпизоде с Евпатием Коловратом. По тексту некоторых списков он и погнался за Батыем из чисто рыцарских побуждений, «хотя испить смертную чашу со своими государями равно». С чисто рыцарским уважением относятся татары к своим храбрым противникам, не переставая «дивиться храбрости и крепости и мужеству рязанскому». Из уважения к храбрости Евпатия Батый приказывает отдать его тело оставшейся Евпатиевой дружине и отпустить на волю пленных, не причинив им никакого зла.

Надо, однако, подчеркнуть, что почти все отмеченные моменты религиозного и рыцарского порядка (за исключением, пожалуй, эпизода с Евпатием Коловратом) носят характер искусственной и механической пристройки, нисколько не нарушая и не колебля общей идейной направленности этого произведения.

Хотя Юрий Ингореви́ч прилагает все силы, чтобы отвести страшную беду от Рязанской земли и направляет послов к Батюю, он, однако, не трепещет перед ханом, не стремится договориться с ним во что бы то ни стало, хотя бы ценой унижения и пресмыкательства. Так же ведет себя в стане Батыя князь Федор Юрьевич, предпочитающий смерть позору. Когда посольство провалилось и Батый в полной мере обнаруживает свое коварство, князья Рязанские не боятся вступить в бой с превосходящими силами неприятеля. Юрий Ингореви́ч предпочитает погибнуть, чем быть «в поганой воли»*.

Все русские люди до конца выполняют свой долг и в плен попадают только изнемогши от «великих ран». Но и они предпочитают пытки и смерть всякому соглашению и примирению с недругом. Удальцы Евпатия, нисколько не стесняясь «сила́на царя», с великолепной иронией говорят Батюю, что они посланы его «почтить и честно проводить».

По летописным данным, князь Рязанский Олег Игоревич был взят Батыем в плен и вернулся в Рязань спустя 14 лет, сделавшись после Ингваря князем Рязанским. Но в «Повести...» он держит себя так же безупречно, как и остальные пленные. Его зверски истязают, разрезают ножом на части, но он не предается «прелести» Батыя и высоко держит знамя своей более высокой культуры, «укоряя» Батыя и «нарекая» его безбожным царем. Так в представлении народа должны были себя держать князья...

Повесть о разорении Рязани Батыем подчеркивает вероломство татар и подробно описывает ужасы татарского нашествия, не в пример северо-восточным летописным сводам.

Своей гибелью Евпатий Коловрат не ослабляет сил родной земли. Напротив, его подвиг, продиктованный непримиримостью к врагу и чувством мести, наводит страх на татар и служит как бы предостережением о неиссякаемой силе Руси, где и мертвые могут воскреснуть, чтобы биться с недругом. Евпатий Коловрат и его дружинники как бы заслоняют своими трупами Рязанскую землю и дают возможность вернувшемуся туда князю Ингварю обновить разоренный край, собирать людей и «утешить пришельцев».

* «Погаными» монахи называли язычников. — А.Б.

Татаро-монгольское нашествие на Русь

Согласно официальной версии первый рейд монгольских отрядов на Русь произошел в 1222—1223 гг. «Западные земли» рассматривались монголами как территория потенциального расширения своих владений. Второй сын и наследник Джучи — Бату — был назначен главнокомандующим войсками на Западе. Было, однако, очевидно, что сил Бату недостаточно для выполнения этой задачи. При распределении монгольских войск между своим сыновьям Чингисхан отдал под командование Джучи всего 4000 монгольских воинов*. И Бату получил властные полномочия для создания новых армейских подразделений из туркменских племен и иных тюрков, что проживали в его улусе. Лояльность тюрков нуждалась в проверке, и в любом случае, даже усиленная тюрками, региональная армия Бату не была достаточно сильной для завоевания Запада. Поэтому Угэдэй приказал, чтобы все улусы Монгольской империи посылали свои войска на помощь Бату. Западная кампания, таким образом, стала общемонгольским делом.

Бату стал во главе совета князей, представлявших всех потомков Чингисхана. Среди них выделялись сыновья Угэдэя — Гуюк и Кадан, сын Толюя — Мункэ, а также Байдар и Бури — соответственно, сын и внук Чагатая. Каждый привел с собой значительный контингент отборных монгольских войск. В то время как Бату являлся формальным главнокомандующим, один из наилучших и наиболее опытных монгольских военачальников Субэдэй был назначен, в современном понимании, начальником штаба. Субэдэй хорошо знал русский театр военных действий по опыту своих прежних рейдов на Русь в 1222—1223 гг. Несмотря на то, что территории, подлежащие контролю и гарнизонному обеспечению, были огромны, в ходе вторжения сила

* По оценкам специалистов, вся Монголия не могла выставить более 240 000 воинов.

полевой армии Бату составляла не более пятидесяти тысяч человек.

Кампания была хорошо подготовлена. Разведчики и шпионы заранее собрали необходимую информацию. Было решено, что болгары и другие народы восточной окраины Руси по течению Волги, равно как кипчаки (половцы) и иные племена Нижнего Поволжья и нижнего Дона должны быть разбиты в первую очередь, с тем чтобы обеспечить надежные коммуникации и тылы армий, действующих на Руси. Большинство из этих целей было успешно достигнуто в течение двух лет (1236—1237 гг.). В то время как Мункэ отвечал за кампанию против куманов, Бату при поддержке Субэдэя предпринял завоевание государства волжских болгар, чья столица — Великий Булгар — была уничтожена в 1237 г. Осенью того же года основная армия Бату пересекла Волгу в болгарском регионе.

Считается, что на этот раз Субэдэй решил завоевать вначале Северо-Восточную Русь. Поскольку Субэдэй намеревался продолжить поход далеко на Запад, в Киевские земли и затем в Венгрию, он должен был обеспечить безопасность своего северного фланга для будущих операций. Таким образом, поражение князей северорусских земель явилось бы предпосылкой для дальнейшей западной экспансии. Как это ни кажется парадоксальным современному читателю, Субэдэй рекомендовал зиму как наилучший период военных операций в Северной Руси. Дело в том, что в Монголии зима сурова, и монголы привычны к морозам; кроме того, они были хорошо защищены от холода своими меховыми одеждами. Монгольские кони также не боялись крепких морозов и, когда снег не был слишком глубоким, умели находить под ним листья или жнивье. Основным преимуществом зимней кампании было то, что многочисленные реки и озера Северной Руси были покрыты льдом, что очень облегчало операции захватчиков.

Хотя русские знали о монгольском походе на волжских болгар, они не оценили всю серьезность ситуации, возможно, предполагая, что монголов несколько задержит сопротивление болгар. Поэтому, когда Бату пересек Волгу, русские не были готовы достойно его встретить. Вместо того чтобы направиться прямо к городу Владимиру, монголы прежде напали на Рязань в среднем течении Оки. Город пал 21 декабря 1237 г. Отсюда они на-

правились на Москву. Хотя Москва не была еще главным русским городом, его центральное местоположение делало его важной целью для Субэдэя. Взяв Москву, которую он сжег, Субэдэй не только блокировал Владимир, но и стал угрожать всему русскому северу, включая богатый Великий Новгород, финансовую основу могущества великого князя Юрия II.

Великому князю ничего не оставалось, как отступить на север со своею свитой, чтобы организовать сопротивление на Верхней Волге. Надеясь на силу фортификационных сооружений своей столицы, города Владимира, князь оставил там свою жену и двух сыновей с довольно большим гарнизоном, очевидно полагая, что город выдержит осаду до тех пор, пока он не освободит его с новой армией, которую он планировал собрать на севере. Юрий устроил свою ставку на берегу реки Сить, притока Мологи, которая, в свою очередь, является притоком Волги. Проанализировав ситуацию, Субэдэй послал свой авангард на север для наблюдения за движением русских войск и повел основную армию на Владимир. После шестидневной осады город был взят штурмом 8 февраля 1238 г., и все, кто уцелел, были убиты, включая семью великого князя. Затем Владимир был разрушен. Монголы сразу же двинулись к реке Сить. Перехитрив русских, они атаковали армию великого князя с различных направлений. Русские были разбиты, а Юрий II погиб в битве 4 марта. Дорога к Новгороду была теперь открыта для монголов. Они остановились за сто километров до своей цели, и после тщательного анализа сложившейся обстановки предводитель монголов решил повернуть назад, испугавшись наступления весенней оттепели, которая могла сделать дороги непроходимыми. Вместо того чтобы возвращаться прежним путем — через районы, где уже все города, источники питания и фуража были уничтожены, — монгольская армия направилась прямо на юг. Грабя боярские поместья и деревни на своем пути, они обходили города, избегая каких-либо столкновений, которые могли замедлить их марш. С одним, однако, исключением. Маленький городок Козельск в современной Калужской области, который находился на их пути, отказался сдаться. Убежденные, что штурм не займет много времени, монголы решили взять его. Но они просчитались. Осада Козельска длилась семь недель и закончилась лишь тогда, когда

все его защитники были убиты. После этого монголы двинулись на юго-восток к бассейну нижнего Дона. Здесь армия получила значительную передышку, в которой очень нуждались и люди, и кони. Богатый источник пополнения поголовья лошадей составляли кони, захваченные у половцев вместе с табунами, которые монголы гнали из Казахстана.

В течение 1239 г. монголами предпринимались лишь малые военные операции. Мункэ завоевал значительную часть аланов и черкесов; Бату вынудил большую часть половцев в конечном итоге признать власть монголов. Однако около сорока тысяч половцев под предводительством хана Котяна предпочли эмигрировать в Венгрию. За ними последовали многие аланы (ясы) региона Донца.

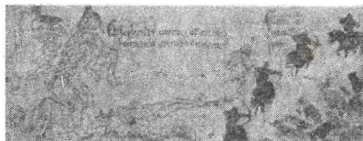
Около 1240 г. армии Бату, отдохнувшие и получившие пополнение, были готовы возобновить свой поход на запад. Летом этого года монголы захватили и разорили города Переслав и Чернигов. Затем Мункэ, который, очевидно, командовал авангардом, послал эмиссаров в Киев с требованием подчиниться. Киев в это время управлялся наместником, назначенным князем Даниилом Галицким. В городе существовала группа, которую мы бы теперь назвали партией «умиротворения». Чтобы предупредить какие-либо действия с ее стороны, киевские власти приказали убить посланника Мункэ. Это стало проклятием для города. Вскоре монголы были у ворот, и, после нескольких дней отчаянного сопротивления, 6 декабря 1240 г. город был взят штурмом. Большинство выживших были убиты, а город разрушен. Многие мелкие князья и сельские общины современной Правобережной Украины признали власть захватчиков и согласились «обрабатывать землю для монголов», то есть поставлять просо и иные сельскохозяйственные продукты, в которых монголы нуждались.

Но многие из западно-украинских князей предпочли искать убежища в Венгрии и Польше, что дало Бату повод, если таковой был вообще ему нужен, напасть на эти две страны. Бату также протестовал против решения венгерского короля Белы IV предоставить убежище хану Котяну и его половцам. Основным объектом интереса монголов в Венгрии было то, что она представляла собою самую западную точку степной зоны и могла служить отличной базой для монгольской кавалерии в

любой из ее будущих операций в Центральной Европе. Кроме того, сами мадьяры когда-то были кочевниками, а история их происхождения тесно связана с тюрками, что делало возможным их участие в монгольско-тюркском союзе.

Монголы не имели непосредственного интереса в Польше, но стратегия Субэдэя требовала похода на эту страну, чтобы устранить потенциальную угрозу монгольскому правому флангу в его операции против Венгрии. Итак, к концу года не только Центральная, но и Западная Европа оказалась под угрозой нашествия монголов.

Придя в Поволжье, татаро-монголы быстро растворились в массе кипчаков, здесь проживавших. Уже в XIV веке в Орде сложился тюркский (кипчакский) литературный язык, который становится при Берке Хане официальным языком Орды. Ярлыки Тохтамыша написаны не на монгольском, а на тюркском-кипчакском языке. В XIV веке монгольский язык исчез из обихода совсем.

Татаро-монголы. Иллюстрация к английской рукописи XIII в.

Западными хронистами монгольское нашествие расценивалось как свидетельство о наступлении времен Антихриста. Сам этноним «татары» (tartari) мог трактоваться как «выходцы из Тартара». Вместе с тем, как пишет Ч. Бизли, действия татар в Азии вызывали «ужас, смешанный с одобрением: эти новые гунны, столь же отвратительные, как и люди Аттилы, могли быть полезными для того, чтобы сокрушить мощь ислама».

Таковы принятые факты монгольских завоеваний.
Но на чем они основаны?

Повесть о Батыевом нашествии*

Древнейшей из русских летописей, сохранившейся до настоящего времени, является так называемая Лаврентьевская

* ТОДРЛ. Т. 28.

летопись — рукопись, как считается, 1377 года. Кодикологический анализ этой рукописи позволил обнаружить, что изготовители рукописи заменяли ее уже написанные листы*, причем некоторые из этих листов, по-видимому, не один раз. Эти переделанные листы плотно охватывают в летописи все известия о завоевании Руси татаро-монголами: на лицевой стороне л. 153 находится первая запись о татарах («Явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша...»), на оборотной стороне этого листа — рассказ о битве на Калке (1223 г.), а на обороте л. 164 — последние известия о военных действиях татар на Руси (1240 г.) («Взяша Киев Татарове...»). Кроме того, лист 167, тоже не первоначальный в кодексе, содержит рассказ о восстании против «бесурмен» в 1262 г. в Ростово-Суздальской земле. Ясно, что переделки в рукописи связаны именно с татарской темой.

На листах 159 об. — 164 об. мы находим связанное, непрерывное повествование о трагических событиях 1237—1239 годов — повесть о Батыевом нашествии на Русь.

Итак, мы ничего не знаем о том, что первоначально сообщалось о периоде завоевания Руси монголами, а то, что дошло до нас, переписано гораздо позже, «исправлено» так, «как надо» было властям.

Насколько и в чем работа «исправителей» была творческой?

1. В самом начале «Повести...» для описания разгрома татарами Рязанского княжества использовано описание разгрома византийских побережий в 941 году дружиной князя Игоря.

2. Второй раз прибегает автор-редактор к тому же источнику, чтобы рассказать о разорении Москвы.

3. В уста владимирских княжичей Всеволода и Мстислава вложены отрывки из статей 1185, 1186 и 1093 годов.

4. Для непосредственно за этим следующего описания разорения татарами Суздальской земли используются слова рассказа о половецком набеге на Киев в 1203 году.

* Листы № 153—164, 167.

5. Сообщение о горестных чувствах владимирцев и последующие рассуждения заимствованы из статьи 1093 года, где тоже повествуется о половецком набеге.

6. Описание разгрома взятого татарами Владимира — это описание разгрома половцами Киева в 1203 году.

7. Рассуждения летописца о причинах и смысле бедствий вновь заимствованы из статьи 1093 года.

8. Сборным из отрывков статей 1015 и 1206 годов является пассаж, показывающий благочестие великого князя Юрия Всеволодича; его молитвы.

9. Из той же статьи 1015 года взята за образец фраза для сообщения о смерти князя Василька Константиновича.

10. Для описания похорон Василька и его характеристики сделан ряд дословных заимствований из статей 1206, 1125, 1218 и 1175 годов.

11. Вступление в 1238 году князя Всеволода Ярославича на престол великого княжения Владимирского описано словами рассказа о вступлении в 1206 году на новгородский стол князя Константина Всеволодича.

12. Максимальная в «Повести...» концентрация заимствований — в «похвале» князю Юрию Всеволодичу, помещенной вслед за сообщением о его похоронах. Как писал Б.Л. Комарович, «свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, святые Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже одновременно с Юрием убитый Василько».

13. И, наконец, последние сообщения о военных действиях татар на Руси тоже не самостоятельны по форме; но здесь мы встречаемся уже со случаями обращения к тексту самого рассказа о Батыевой рати Лаврентьевской летописи. (Ср. сообщение под 1239 годом с текстами под 1237 годом, а события 1240-го — с 1203-м.)

Типографская летопись о Батыевом нашествии сообщает:

«В лето 6745. Батыева рать. В ту же зиму царь Батый взял город Рязань и всю землю Рязанскую, месяца декабря в 21 день, а князя Юрия Ингваровича убил и княгиню его и детей его, и пошел на Коломну. Князь же великий Юрий послал против него сына своего Всеволода, и с ним пошли князь Роман Ингваро-

вич Рязанский и воевода Еремей Глебович. И встретились с татарами у Коломны и бились крепко, и тут убили князя Романа и воеводу Еремея, а Всеволод убежал к Володимеру. А Батый пошел к Москве и взял Москву, и воеводу убили татары, Филипа Нянка, а князя Володимера, сына Юрьева, руками поймали. И пошли к Володимеру. А князь великий Юрий уходит за Волгу и встал на Сити со всеми силами, а татары же пришли к Володимеру месяца февраля в 3 день, во вторник, прежде мясопуста за неделю, а володимерцы затворились в граде с Всеволодом и с Мстиславом, а воеводой был у них Петр Осядюкович. Татары же, идя, взяли Суздаль в пятницу, а в субботу опять пришли к Володимеру. Князь же Всеволод и владыка Митрофан видели, что взят будет город, вошли в церковь святой Богородицы и постриглись все в ангельский образ от владыки Митрофана. Татары же взяли город месяца февраля в 7 день, в неделю мясопоустную, по заутрени, вошли со всех сторон в город по примету через стену и перебили всех. И пошли оттуда на великого князя Юрия, а другие идут к Ростову, а иные к Ярославлю, а иные на Волгу и на Городец, и полонили все по Волге и до Галича Мерского, а иные идут к Переяславлю и этот город взяли. И оттуда всю ту страну и города многие пленили: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь и до Торжка; нет места, где не воевали, а на Ростовской и Суздальской земле взяли 14 городов, кроме слобод и погостов, в один месяц февраль, кончающегося лета 45-го.

В лето 6746 был бой великому князю и всем князьям на Сити, и убит был великий князь Юрий Всеволодич на реке Сити, а Василька Константиновича руками поймали и потом убили его в Шеренском лесу месяца марта в 4 день, в четверг 4 недели поста, а иные... гнались за ними поганые и не обнаружили их, ибо Бог избавил их от рук иноплеменников: благочестивого и правоверного князя Ярослава и с правоверными его сыновьями, ибо было у него 6 сыновей: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил и Святослав с сыном Дмитрием, Иоанн Всеволодич и Влодимер Константинович и Васильковича два, Борис и Глеб, и Василий Всеволодич. Эти все сохранены были молитвами святой Богородицы. А иные же окаянные, идя, взяли город Торжок, за сто верст только до Новгорода не дошли, заступился за него Бог и святая Богородица. Оттуда же пошел

Батый, пришел к городу Козельску. Был же в Козельске князь молодой, по имени Василий; козляне же, совет сотворив не сдать Батыю, сказали себе: «Хоть князь наш молод, но положим жизнь свою за него, здесь славу света сего примем и там небесный венец от Христа Бога примем». С татарами же, бьющимися у города, желавшим его взять и разбившим стены городские и взошедшими на вал — козляне ножами резались с ними и, совет сотворив, вышли из города против них, на полки их напали и иссекли их и убили 4000 татар, и сами избиты же были. Батый же взял Козельск-город и перебил всех, не гоща див и детей, сосущих молоко. А о князе Василии неведомо было, одни говорили, что в крови утонул, ибо молод был. Оттуда же в татарах не смеют назвать его город Козельск, но зовут его город Злой, понеже бились у города того семь недель. И убили у татар три сына темничих, и искали их татары и не нашли во множестве трупов мертвых. Батый же, взяв Козельск, пошел в землю Половецкую. Ярослав же, сын великого князя Всеволода Юрьевича, придя, сел на столе в Володимери и обновил землю Суздальскую и церкви очистил от трупов мертвых и кости их схоронил и пришельцев утешил и людей многих собрал. И была радость великая христианам, их же избавил Бог рукою своею крепкою от безбожных татар».

Безбожные?

Ханские ярлыки предоставляли русским митрополитам существенные привилегии и экономические льготы, освобождая их от податей и налогов, а также от притеснения князей. Оскорбление веры и церковей предписывалось карать смертью. Естественно, Русская Церковь была на стороне татар. Правда, надо признать, что монголы были на удивление веротерпимы и умными людьми.

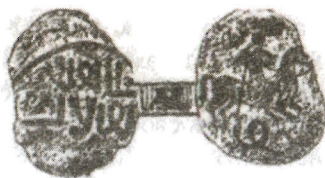
Веротерпимость была необходима для сохранения социального, политического и религиозного мира в таком многонациональном государстве, как Улус Джучи, государство, которое мы почему-то стали называть Золотой Ордой.

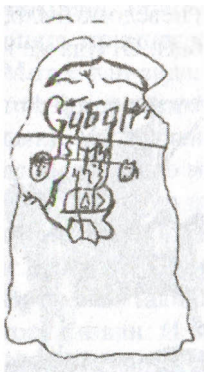
«И была радость великая христианам, их же избавил Бог рукою своею крепкою от безбожных татар»

«Копейки» Бату. Татарские монеты с изображением Георгия Победоносца

Да и сами монголы были христианами-несторианами. Между прочим в Сарае, столице Золотой Орды, была образована Сарайская епархия.

Камень на могиле Шейбани-хана (Виленский край, Шейбак-поле) был обнаружен на месте боя с монголами. На камне изображен лук с разорванной тетивой и сломанной стрелой. Ниже — надпись кириллицей: СИБАН СЧИ И ЕЕ, что читается как ШИБАН 6750 (1242) И(юля) 19 (15+4). Ниже изображены голова человека, голова лошади и седло

Обвинять монгол в безверии и отношении к ним с неуважением у Русской Церкви не было никаких оснований, ибо монголы были надежной защитой Церкви от произвола местных феодалов. Только спустя несколько столетий, когда татаро-монгол стали путать с казанскими татарами, стало возможным обвинение татар во всех грехах.

Возникает вопрос: если сведения о Батыевом нашествии — поздняя вставка, то что же могло происходить на самом деле? Если монголы разорили Рязань, если несколько недель бились под Козельском, то должны остаться монгольские захоронения и монгольское оружие, ну хотя бы наконечники копий. И ничего этого нет?

Как это?

Но были же монголы?!

Конечно.

1237—1241 годы. Поход Батыя. Завоевание половецких владений, Булгарии, мордовских княжеств, буртас, алан, разорение Владимира, Торжка, Чернигова, Киева.

1242 год. В Виленском крае идет бой монголов Шейбани-хана с литовцами. Монголы разбиты и бегут. Шейбани погиб.

Еще совсем недавно монголы напали на Русь, а в их войске уже преданные им рус-

ские. Хан погиб, все бегут. Но какой-то русский прячется, выжидает, возвращается к месту гибели господина и хоронит его, ставя каменное изваяние хану на русском языке!

Похоже, московиты не были завоеваны монголами, а были союзниками и товарищами по оружию.

1243 год — основание Золотой Орды. Батый в Сарае вручает ярлык и княжение Владимирское Ярославу, а после смерти князя ярлык его получает сын Александр Невский.

Вручение князю ярлыка означало: Русь становится вассальной по отношению к Орде и обязана платить дань. Конфликты между Ордой и княжествами сменяются периодами «мир — дружба». Княжеские дружины участвуют в ордынской междоусобице, ордынские — в русской. Ордынцы с помощью русских завоевывали Кавказ, а русские при поддержке Орды защищали свои пределы от Литвы и Тевтонского ордена.

В 1268 году, когда немецкие крестоносцы в союзе с датчанами потерпели поражение от русских под Раквере, они призвали на помощь силы европейского рыцарства и снова пошли на Новгород. На помощь новгородцам пришел отряд в 500 ордынских всадников. Услышав о прибытии татар, крестоносцы запросили мира и спешно удалились, «зело бо бояхуся имени татарского».

С 1262 года сбором дани занимались уже сами князья. В расчете на душу русского населения годовой размер дани соответствовал цене... двух килограммов хлеба. Нынешние 13% весят куда больше! Нарастает взаимная «диффузия» — переход ордынских военачальников с отрядами на службу к русским князьям, а в ханском войске становится все больше половцев, болгар, буртасов, мордвы, русских.

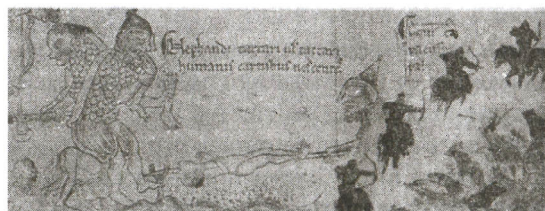
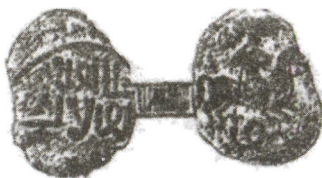
Надпись на печати хана Гуюка, выполненная русским мастером Козмой

Иго

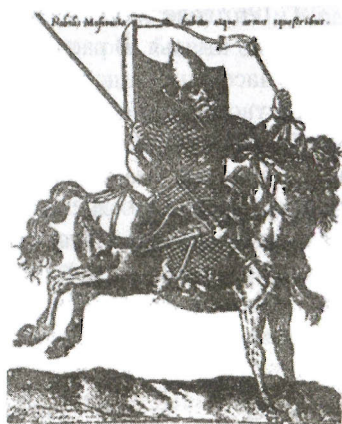
Формулировка «триста лет татаро-монгольского ига» считается традиционной, но уже само число 300 — преувеличение.

«Копейки» Бату. Татарские монеты с изображением Георгия Победоносца

Татаро-монголы. Иллюстрация к английской рукописи XIII в.

«И была радость великая христианам, их же избавил Бог рукою своею крепкою от безбожных татар»

Батый пришел в 1237 году, хан Ахмат ушел в 1480-м. Получается 243 года. При этом почему-то не учитывается, что Ахмат не представлял Золотую Орду, распавшуюся еще в середине XV века, а был правителем лишь ее осколка между Днепром и Доном.

Л.Н. Гумилев считает игом то состояние, когда русские княжества должны были пополнять ордынские войска своими людьми. Но ордынские «военкоматы» столкнулись с упорным саботажем населения и князей, а в 1269 году вообще получили отлуп, и вопрос был закрыт. На этом иге закончилось, продержавшись 26 лет.

Весьма разумно пишет о так называемом иге **Н. Дорожкин***:

Что такое Иго?

Буквально это — гнет, господство. Но гнет и господство в разных проявлениях были, есть и будут повсеместно, однако термин «иго» применяется исключительно к истории Руси. Как можно заключить из текстов трех рассматриваемых авторитетных книг, понятие ига образуют такие элементы: 1) политическая зависимость от великого хана, закрепляемая вручением ярлыка; 2) уплата хану дани, или ордынского выхода.

Но все это лишь означает, что Русь находилась в вассальной зависимости от Золотой Орды подобно тому, как европейские герцогства были в вассальной зависимости от королей. Дань — тоже неперменный атрибут средневековой жизни. Но если в 1370-х годах Русь вообще стала саботировать уплату выхода, значит, иго длилось уже только 130 лет? Или дань уже не есть признак ига? Тогда что же? Вхождение Руси в состав Золотой Орды?

Но по этому вопросу есть разногласия даже у авторов, отстаивающих позицию «иго — было». С.Г. Пушкирев: «Русская земля стала «улусом» татарского хана. Власть татарского хана не отменяла и не заменяла власти русских князей, но стояла

* Чудеса и приключения. № 2002.

поверх этой власти». В.В. Каргалов: «Русь не стала «ордынским улусом», сохранила собственное управление, культуру, веру». Кстати, некоторые области Руси входили тогда же в состав Великого княжества Литовского, но нет понятия «литовское иго»! Значит, была Русь улусом или не была — неважно, а иго все равно было. Какое же иго сильнее — Золотой Орды или научной концепции?

Н. М. Карамзин: «Москва обязана своим величием ханам». «Если бы монголы... оставив степь и кочевание, переселились в наши города, то могли бы жить и доныне в виде государства. Русь была бы великим тюркоязычным государством. Но нет. Монголы, захватив земли алан, буртасов и других степных народов, вовсе не желали жить в тесных избах, сея просо, предпочитая простор степей и свои стада.

Предложим замечание любопытное: *иго татар обогатило казну великокняжескую* исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы приобретения, чтобы удовлетворять корыстолюбивую варваров. Таким образом, мы понимаем удивительный избыток Иоанна Данииловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *окупные князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами...

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его... распространил Московскую державу... будучи сверх того усилена внутри твердейшим началом самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечом: князья Московские поклонами в Орде — действие, оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России!»

О побоище на льду Чудского озера

Официальная версия события*

Из Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов мы знаем, что:

1) изгнав немцев из Пскова, князь Александр Ярославич «сам поиде на чудь. И яко быша на земли, пусти полк в зажития», т. е. вторгся в пределы владений Ливонского ордена;

2) Домаш Твердиславич и Кербет были выдвинуты вперед для разведки; «у моста» они встретили немцев и вступили с ними в бой; Домаш был убит, а его отряд разбит; остатки отряда прибежали к Александру Ярославичу;

3) узнав о том, что отряд Домаша разбит, князь Александр Ярославич «въспятися на озеро», т. е. отступил обратно на озеро;

4) «Немци же и Чудь поидоша по ним», т. е. стали их преследовать.

Об этом же ливонская «Рифмованная хроника» рассказывает так:

1) князь Александр ворвался «в землю братьев», имея при себе войско из Суздаля и лучников;

2) вторжение сопровождалось пожарами и уводом населения в полон;

3) узнав об этом, епископ сразу же направил своих воинов в состав рыцарского войска, чтобы вступить в борьбу с русскими;

4) рыцарское войско быстро изготовилось и выступило в поход.

О столкновении с отрядом Домаша и Кербета ливонская «Рифмованная хроника» не упоминает.

Из сопоставления этих двух источников можно видеть, что:

а) Александр Ярославич, вторгнувшись во владения Ливонского ордена, «пусти полк весь в зажития», т. е. разместил нахо-

Ледовое побоище. Предполагаемая обстановка перед началом битвы

* См.: Ледовое побоище 1242 г. М., 1966.

дившееся при нем войско по населенным пунктам, не углубляясь далеко в рыцарские земли;

б) вперед, по-видимому, в сторону Дорпата, был выслан в конную разведку отряд Домаша и Кербета;

в) говоря о составе русского войска, совершившего нападение, ливонский хронист упоминает «her von Susdal», что может быть понято как дружина Александра Ярославича и лучники, т. е. легкая пехота;

г) вторжение русского войска вызвало сильную тревогу в Дорпате; для отпора ему были мобилизованы все силы ордена, вплоть до епископских копейщиков;

д) рыцарское войско быстро собралось и выступило против русских;

е) оно встретило отряд Домаша и Кербета и разбило его; остатки отряда «к князю прибегоша в полк»;

ж) узнав о приближении рыцарского войска, князь Александр Ярославич отступил обратно на озеро.

Схема предполагаемой битвы

О последующих событиях Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов сообщает:

1) Александр Ярославич «поставиша полк на Чудском озере, на Узмени, у Воронья камени», т. е. построил войско в боевой порядок для встречи врага;

2) «и наехаша на полк Немци и Чудь и прошибошася свиныею сквозь полк» — рыцари в сопровождении пехоты атаковали русское войско и своим компактным боевым построением прорвали его строй;

3) произошла «сеча тут великая немцами и чудью», т. е. ожесточенный бой, в котором рыцари и находившаяся с ними пехота из прибалтийских племен подверглись избиению; «немци ту падоша, а Чудь даша плеща», — сообщает летопись;

4) «и, гоняче, бита их на 7-ми верст по леду до Суболичьского берега» — битва закончилась избиением бегущих по льду на протяжении семи верст до противоположного Суболичьского берега.

Это свидетельство русского летописца очень интересно сопоставить с записью, сделанной ливонским хронистом. В «Рифмованной хронике» читаем:

1) в начале битвы было видно, как войско рыцарей, подавив стрелков, проникло в расположение русского войска, т. е. первый успех был на стороне рыцарей;

2) затем завязалась ожесточенная сеча — «был слышен звон мечей и видно было, как рассекались шлемы. С обеих сторон убитые падали на траву»;

3) затем полное окружение всех, кто находился в рядах рыцарского войска;

4) далее ливонская хроника сообщает, что рыцари дрались очень хорошо, но были перебиты;

е) русская летопись дополняет сведения сообщением о бегстве пехоты-чуди и преследовании их по льду озера.

Итак, **Ледовое побоище 1242 г.** Древнейшим свидетельством об интересующем нас событии является «Старшая ливонская рифмованная хроника», которая была записана со слов участника битвы вскоре после 1278 года. Приводим отрывок из этой хроники, в котором описана интересующая нас битва:

Старшая ливонская рифмованная хроника

Строки 2065—2294: «Прервем теперь это повествование и поговорим опять о том, как дела Тевтонского ордена* первоначально шли в Ливонии. Дерптский епископ Герман в это время начал враждовать с русскими. Те хотели подняться против христианства, как прежде. Их кошунство принесло им много горя. Они причинили ему достаточно зла. Долго он это терпел, пока не попросил помощи у братьев-рыцарей. Магистр при-

*Немецкий дом (дутчен хус) — одно из самоназваний Тевтонского ордена, объясняемое тем, что этот орден был в XII в. организован при доме призрения немецких паломников в Иерусалиме, отсюда название орденских рыцарей — «братья из немецкого дома».

Ледовое побоище. Предполагаемая обстановка перед началом битвы

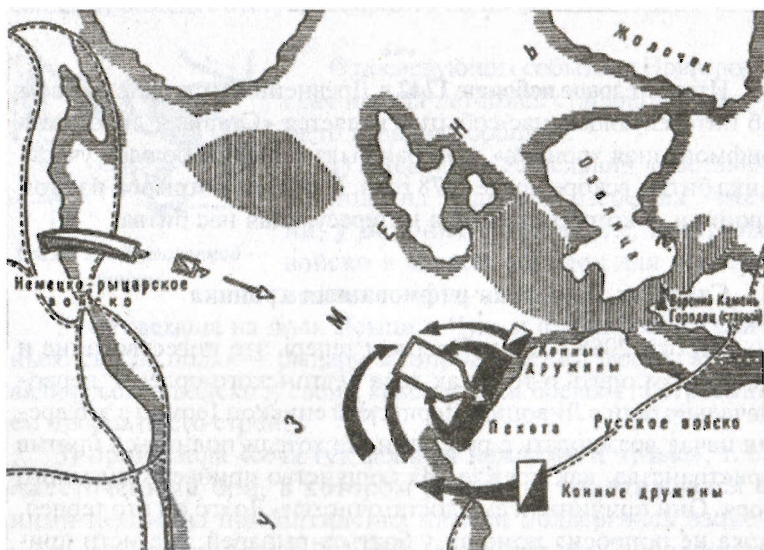

Схема предполагаемой битвы

был к нему немедленно и привел к нему много отважных героев, смелых и отменных. Мужья короля прибыли туда со значительным отрядом; Епископ Герман возрадовался этому. С этим войском они двинулись тогда радостно на Русскую землю.

Их дела пошли там очень хорошо. Там они подошли к замку, в замке не возрадовались их приходу. Пошли на них [русских] приступом, захватили у них замок. Этот замок назывался Изборск. Ни одному русскому не дали уйти невредимым. Кто защищался, тот был взят в плен или убит. Слышны были крики и причитания: в той земле повсюду начался великий плач. Жители Пскова тогда не возрадовались этому известию. Так называется город, который расположен на Руси. Там люди очень крутого нрава, они были соседями этого захваченного замка Изборска. Они не медлили, они собрались в поход и грозно поскакали туда, многие были в блестящей броне; их шлемы сияли, как стекло. С ними было много стрелков. Они встретили войско братьев-рыцарей; те оказали им сопротивление. Братья-рыцари и мужья короля смело атаковали русских. Епископ Герман там был как герой со своим отрядом.

Начался жестокий бой: немцы нанесли глубокие раны, русские терпели большой урон: их было убито восемьсот человек, они пали на поле брани*. Под Изборском они потерпели поражение. Остальные тогда обратились в бегство, их беспорядочно преследовали по пятам по направлению к их дому.

Русские сильно понукали своих коней плетью и шпорами; они думали, что все погибли: путь им казался очень долгим. Лес звенел от горестных криков. Они все спешили только домой; войско братьев-рыцарей следовало за ними. Моде** называется река: за ними на другой берег переправлялись братья-рыцари с большой силой; они вели за собой многих смелых воинов. Псковичи тогда не были рады гостям.

* Вторая Псковская летопись приводит цифру потерь — 600 человек.

** Великая.

Братья-рыцари разбили свои палатки перед Псковом на красивом поле. Епископ и мужи короля также очень удобно расположились лагерем. Многие рыцари и слуги хорошо заслужили здесь свое право на лен. По войску дали приказ готовиться к бою, и при этом дали понять участникам похода, что пойдут также на приступ.

Русские заметили то, что многие отряды намереваются штурмовать как замок, так и посад. Русские изнемогли от боя под Изборском: они сдались ордену, так как опасались большего несчастья. Тогда повели переговоры о мире.

Мир был заключен тогда с русскими на таких условиях, что Герпольт*, который был их князем, по своей доброй воле оставил замки и хорошие земли в руках братьев-тевтонцев, чтобы ими управлял магистр. Тогда штурм Пскова не состоялся.

После того как произошло это примирение, долго не ждали, войско тогда собралось в обратный путь. Все они были преисполнены божьей благодати и восхваляли бога: они были ему благодарны за очень многое. Когда войско стало готово для обратного похода, оно радостно ушло оттуда. Там оставили двух братьев-рыцарей, которым поручили охранять землю, и малую силу немцев.

Это обернулось позже им во вред: их господство длилось недолго.

На Руси есть город, он называется Новгород. До новгородского князя дошло это известие, он собрался со многими отрядами против Пскова, это истина. Туда он прибыл с большой силой; он привел много русских, чтобы освободить псковичей.

Этому они от всего сердца обрадовались. Когда он увидел немцев, он после этого долго не медлил, он изгнал обоих братьев-рыцарей, положив конец их фогтству, и все их слуги были прогнаны. Никого из немцев там не осталось: русским оставили они землю.

* Русские источники ничего не сообщают о Герпольте Псковском. П. Гетце отождествляет его с Ярославом Владимировичем, единственным русским князем, в то время активно поддерживающим нападение крестоносцев на Русь.

Так шли дела братьев-рыцарей: если бы Псков был тогда убережен, то это приносило бы сейчас пользу христианству до самого конца света. Это — неудача.

Кто покорил хорошие земли и их плохо занял военной силой, тот заплачет, когда он будет иметь убыток, когда он, очень вероятно, потерпит неудачу.

Новгородский князь* опять ушел в свою землю.

После этого недолго было спокойно. Есть город большой и широкий, который также расположен на Руси: он называется Суздаль. Александром звали того, кто в то время был его князем: он приказал своему войску готовиться к походу.

Русским были обидны их неудачи; быстро они приготовились. Тогда выступил князь Александр и с ним многие другие русские из Суздаля. Они имели бесчисленное количество луков, очень много красивейших доспехов. Их знамена были богаты, их шлемы излучали свет.

Так направились они в землю братьев-рыцарей, сильные войском.

Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись, оказали им сопротивление; но их [рыцарей] было немного. В Дерпте узнали, что пришел князь Александр с войском, в землю братьев-рыцарей, чиня грабежи и пожары.

Епископ не оставил это без внимания, быстро он велел мужам епископства поспешить в войско братьев-рыцарей для борьбы против русских.

Что он приказал, то и произошло. Они после этого долго не медлили, они присоединились к силам братьев-рыцарей. Они привели слишком мало народа, войско братьев-рыцарей было также слишком маленьким. Однако они пришли к единому мнению атаковать русских. Немцы начали с ними бой.

Русские имели много стрелков, которые мужественно приняли первый натиск**, находясь перед дружиной князя.

* Хронист не отождествляет неизвестного новгородского князя с Александром Невским, князем Суздальским. По русским источникам, «неизвестный новгородский князь» — это Андрей, брат Александра Невского.

** Хронист говорит о стрелках из лука. В.Т. Пашуто в книге «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963. С. 105, называет оружие русских стрелков «самострелами», то есть арбалетами, что неверно. Слово *bogen* означает именно лук.

Видно было, как отряд братьев-рыцарей одолел стрелков; там был слышен звон мечей, и видно было, как рассекались шлемы.

С обеих сторон убитые падали на траву. Те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены. Русские имели такую рать, что каждого немца атаковало, пожалуй, шестьдесят человек. Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись, но их там одолели. Часть дерптцев вышла из боя, это было их спасением, они вынужденно отступили. Там было убито двадцать братьев-рыцарей, а шесть было взято в плен. Таков был ход боя.

Князь Александр был рад, что он одержал победу. Он возвратился в свои земли. Однако эта победа ему стоила многих храбрых мужей, которым больше никогда не идти в поход. Что касается братьев-рыцарей, которые в этом бою были убиты, о чем я только что читал, то они позже должным образом оплакивались со многими бесстрашными героями, которые по призыву бога посвятили себя жизни среди братьев-тевтонцев; очень многие из них с тех пор были убиты на службе богу.

Они также вооруженной рукой с тех пор покорили хорошие земли, как вам дальше станет известно.

На этом кончается это повествование.

Магистр Герман Балк вел войну с русскими и язычниками. Он должен был от них обоих обороняться в большой войне и помог этим разорению божьих врагов.

Епископ и мужи короля его поддерживали, все, что он с ними предпринимал, делалось единодушно, как это видно по самим делам.

Эта книга истинно нам говорит, что продолжалось пять с половиной лет правление магистра Германа Балка, после чего он умер».

«Рифмованная хроника» называет нам лишь число убитых и плененных рыцарей, действительных членов Тевтонского ордена. Количество же убитых воинов из отрядов подвластных немцам эстонцев (чуди) никто не считал, им, по выражению летописи, «несть числа».

В изложении хрониста все эти военные действия — просто крупные, но обычные столкновения ливонских феодалов с русскими, вызванные чисто местными поводами (набеги псковичей на земли тартуского епископа).

Так что же сообщает нам «Хроника»? Русские обижали эстонцев. Ливонцы напали и захватили Изборск. Убито 800 русских. После этого пришли под Псков, в котором правил Герпульт, который сдался без боя.

Затем неназванный новгородский князь (возможно, Андрей, брат Александра Невского) изгнал захватчиков.

Все вернулось на круги своя.

Но тут суздальский князь Александр с отрядом лучников напал на ливонские земли. На защиту эстонцев (чуди) встали рыцари. Был бой. 20 рыцарей убито, 6 остальных взяли в плен. Кроме этих 26 были воины из Тарту, часть которых бежала с поля боя. Погибшие остались лежать на траве родной земли.

Об отходе русских за озеро и о сражении на льду Чудского озера нет ни слова.

Князь со славою возвратился в Суздаль.

Вот что сообщает ливонская хроника, не указывая точной даты.

А как с русскими летописями?

Из русских источников самым ранним является известие Лаврентьевской летописи, составленной во второй половине XIV в., то есть на столетие позже «Старшей ливонской рифмованной хроники»:

«В лето 6750. Великий князь Ярослав послал сына своего **Андрея** в Новгород Великий, в помощь Александру на немцев, и победил их за Плесковом на озере, и полон многих пленил, и возвратился Андрей к отцу своему с честью»*.

В этой версии лишь упоминается об Александре, вся же честь битвы приписана Андрею, возглавившему новгородские полки, о чем новгородские летописи молчат. Таким образом, перед нами — несомненное суздальское известие, причем известие древнее, потому что князь Андрей Ярославич не пред-

*ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. Л., 1927, столбец 470.

ставлял собой фигуры, которая оставила благодарный след у потомков и современников.

И впервые, спустя 135 лет, указывается дата боев — 1242.

Из немецких источников дату приводят Герман фон Вартберге* (конец XIV в.) и Бальтазар Руссов** (ок. 1542—1602).

Ростовские летописные известия о Ледовом побоище, отразившиеся в Академическом списке Суздальской летописи, отличаются лаконичностью:

«В лето 6750. Ходил Александр Ярославич с новгородцами на немцев и бился с ними на Чудском озере, у Воронья камня, и победил Александр и гнал по льду 7 верст, секучи их».

Эти записи, составленные в Ростове при епископской кафедре и вошедшие в Ростовский свод, сообщают два новых факта:

* «Хроника Ливонии» Германа фон Вартберге: «Затем он (магистр Ордена меченосцев Вольквин) приступом взял у рутенов город Изборх. Рутены, вернее, плесковичи, сожгли свой город и подчинились ему. А тот магистр оставил там двух братьев-рыцарей с небольшими силами для бережения замка и для того, чтобы увеличилось число обращаемых в католичество. Но новгородцы этих упомянутых оставленных братьев-рыцарей с их слугами внезапно изгнали». Автор описание событий относит к 1237 году.

** «Хроника Ливонии» Бальтазара Руссова: «...король Дании... послал также на помощь ордену против нехристей значительную воинскую силу, с каковым войском магистр Герман Балк вооружился против русских, которые ордену, а особенно дерптскому епископу Герману из-за захваченного дерптского замка беспрестанно причиняли большой вред. Поэтому магистр вторгся с большой силой в Русскую землю, к Изборску, и там сражался с русскими, многих из них перебил, а остальных обратил в бегство. Затем магистр и дерптский епископ Герман со всем войском расположились лагерем перед городом Псковом на Руси и намеревались штурмовать город. Но русские в Пскове запросили мира и выразили готовность сдать замок и город Псков были сданы магистру, и магистр крепко занял замок и город орденовыми рыцарями и христианским войском, и все возносили хвалу и благодарность богу за большую победу, а затем обратно возвратились в Ливонию. Но новгородский князь Александр обратно отвоевал от ордена Псков в 1244 году. Христиане, правда, сражались мужественно, но в конце концов они потерпели поражение. Тогда было убито семьдесят орденовых рыцарей со многими из немецкого войска, а шесть братьев-рыцарей попали в плен и были замучены до смерти».

(1) битва князя Александра с немцами состоялась на Чудском озере, у Вороньего камня.

(2) и окончилась полной победой русских, гнавших врагов по льду 7 верст.

Наиболее обстоятельный и подробный рассказ о Ледовом побоище находится в Новгородской первой летописи старшего извода.

«В лето 6750. Пошел князь Александр с новгородцами и с братом Андреем и с низовыми казаками (с низовци) на Чудскую землю на немцев и занял все пути и до Плескова. И захватил князь Плесков, прогнав немцев и чудь, и сковав, отправил в Новгород, а сам пошел на чудь. И когда был на земле, пустил полк весь в зажития, а Домаш Твердиславич и Кербет были в разгоне, и встретили их немцы и чудь у моста, и бились тут. И убили тут Домаша, брата посаднического, мужа честного, и иных с ним избили, а иных руками изловили, а иные к князю прибежали в войско. Князь же возвратился на озеро. Немцы же и чудь пошли на них. Узрев это, князь Александр и новгородцы поставили полк на Чудском озере, на Узмени, у Воронья камня. И наехали на полк немцы и чудь, и пробились свиньею сквозь полк. И была сеча тут великая немцам и чуди. Бог же и святая Софья и святые мученики Борис и Глеб, их же ради новгородцы кровь свою пролили, тех святых великими молитвами пособил бог князю Александру. А немцы тут пали, а чудь пустилась бежать; и, гоня, били их 7-мь верст по льду до Суболичьского берега. И пало чуди без числа, а немцев 400, и 50 руками схватили и привели в Новгород. А бились месяца апреля в 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святой Богородицы, в субботу».

В Синодальном списке этот рассказ написан третьим полууставным почерком XIV в. Рассказ имеет специфическую новгородскую окраску (говорится о помощи св. Софии и князей Бориса и Глеба, в отличие от псковских летописей, где говорится о помощи св. Троицы) и сообщает новые интересные подробности:

1) в освобождении Пскова участвовали, кроме новгородцев с князем Александром, суздальцы с братом Александра князем Андреем и донскими казаками;

2) прежде чем изгнать немцев из Пскова, князь Александр занял все дороги, ведущие к городу;

3) изгнав немцев из Пскова, князь Александр отправил пленных в Новгород, а сам перенес военные действия на Чудскую землю;

4) Домаш Твердиславич, брат посадника, и Кербет были отправлены в «разгон», т.е. в конную разведку, в то время как основные силы были заняты военной операцией с целью сбора продовольствия и фуража у населения вражеской стороны.

А что добавят нам псковские летописи:

Псковская 1-я летопись (по Тихановскому списку)

«В лето 6750. Пришел князь Александр и избил немцев в граде Пскове, и град Псков избавил от безбожных немцев с помощью святой троицы. И бился с ними на льду; и пособил бог князю Александру и мужам новгородцам и псковичам; тех избил и этих, связав, босыми повел по льду. Этот бой был месяца апреля в 1 день; и была во граде Пскове радость великая. И говорит князь Александр: «О муже псковичи, се же вам говорю: если кто после из моих племянников или прибежит в печали или так придет жить во град Псков, а вы его не примете и не почтете его, и наречетесь вторая Жидова».

Псковская 2-я летопись

«В лето 6750. Князь Александр, помощью святой троицы, избил немцев во Пскове, и так избавил град Псков от иноплеменных немцев; и бился с ними на льду и одолел, месяца апреля 1, овых избил, овых повязал и повел босыми по льду. И так клятвою завещал псковичам, говоря: «Если кто и в будущем из моих племянников прибежит в печали или так приедет к вам пожить, а не примете, ни почтуете его как князя, то будете окаянные и наречетесь вторая Жидова, распявшая Христа».

Псковская 3-я летопись

«В лето 750. Александр князь избил немцев во Пскове и град Псков избавил от безбожных иноплемянников немцев с помо-

шью святой троицы. И бился с ними на льду; и пособил бог князю Александру и мужам новгородцам и псковичам, овых избил, овых связал, руками поймав, и повел босыми по льду, апреля 1, и была во Пскове радость великая. И говорит Александр псковичам: «Это же вам глаголю: если напоследок моих кто соплеменников или кто прибежит в печали или так придет жить к вам во Псков, а не примете его, и не почтете его, и наречетесь вторая Жидова».

Владимирский ранний рассказ о Ледовом побоище отражился в Житии Александра Невского первой редакции, составленной в Рождественском монастыре во Владимире. Приводим здесь текст рассказа о Ледовом побоище по реконструированному первоначальному тексту*.

После победы Александровой, как победил он короля, в третий год, в зимнее время, пошел на землю немецкую в великой силе, чтобы не похвалялись, говоря: «Укорим словенский язык ниже себя». Уже был град Плесков взят, и тиуны их посажены. Их князь Александр изгнал, град Плесков освободил от плена. А землю их повоевал и пожег, и полона взял без числа, а других иссек. Иные же города немецкие объединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и захватим его голыми руками». Когда же приблизились ратники, заметили их стражи Александровы. Князь же Александр ополчился против врага и покрыли озеро Чудское обе стороны множеством воинов. Отец же его Ярослав прислал ему брата меньшого Андрея на помощь со множеством дружины. Также и у князя Александра было множество храбрых, как в древности у Давида царя, сильных, крепких. Так и мужи Александровы исполнились духом ратным: ибо были сердца их, как сердца львов, и решили: «О, княже наш честный! Ныне настало время нам положить головы свои за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, и говорит: «Суди меня, боже, и рассуди прю мою от языка многословного и помоги мне,

* Подобный же текст рассказа о Ледовом побоище читается в одной из редакций Жития Александра Невского третьей четверти XVI в. (см.: *Бегунов Ю.К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского. Тр. Отд. древнерусской лит. Инст. лит. АН СССР. Т. XVII. М.-Л., 1961. С. 355—356).

боже, как древле Моисею на Амалика и прадеду моему Ярославу на окаянного Святополка».

Была же тогда суббота, восход солнца, и сошлись обе стороны. И была сеча злая и треск от копий ломления и звук от сечения мечного, как же и озеру замерзшему двинуться. И не было видно льда: ибо покрылся кровью. Слышал от очевидца, который говорил мне, что видел полк божий на воздухе, пришедший на помощь Александру. И так победил он с помощью божьей, и побежали ратники и секли их, гоня, как по воздуху, и не было им утешения. Здесь же прославил бог Александра пред всеми полками, как и Иисуса Навина у Иерихона. А кто говорил: «Захватим Александра руками», того отдал ему бог в руки его. И не нашелся противник ему в брани уже никогда.

И возвратился князь Александр с победою славною. И было множество много полоненных в полку его, и вели их босыми подле коней, они же именуют себя божиими воины.

И как приблизился князь к городу Плескову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу богу и славу господину князю Александру, поя песнь: «Пособивый, господи, кроткому Давыду победити иноплемьники и верному князю нашему оружием крестным и свободити град Плесков от иноязычник рукою Олександровою».

О, невеличави плесковичи! Если сего забудете и до правнучат Александровых, и уподобитесь евреям, их же пропитал господь в пустыни манною и коростелями печеными, и все это забыли и бога своего, выведшего их из рабства из Египта.

И началось славиться имя его по всем странам, и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе сторону моря Варяжского, и до великого Риму».

«В лето 6771 преставился князь Александр Невский во иночестве и схиме; положен был во Володимере у Рождества Пречистой в монастыре. По нем сел в Володимере брат его князь Ярослав Ярославич Тверской и принял всю власть во всей Русской и Киевской земле».

Житие Александра Невского — это типичное литературное произведение в жанре княжеского жизнеописания. Оно созда-

но для прославления князя Александра Ярославича как непобедимого воина, подобного Веспасиану, Самсону, Давиду, заступника Русской земли и местнопочитаемого святого, поэтому в центре Жития находится образ князя, дорогой и близкий для современников, а исторические события являются не чем иным, как второстепенным фоном. Общей тенденцией автора Жития Александра Невского было стремление усилить церковную окраску рассказа о Ледовом побоище: князь Александр одерживает победу с помощью бога и «небесных сил», патрональных святых Пскова, Новгорода и Русской земли. Рассказ Жития о Ледовом побоище изобилует массой реминисценций и устойчивых формул, взятых из библейских книг, из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, из южнорусских летописей (типа Галицко-Волынской летописи). Как доказал В.И. Мансикка, автор Жития воспользовался описанием сражения между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба:

«И пришел Ярослав в силе великой и встал на Лте поле, где убили Бориса; и, воззрев на небо, говорил: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Мсти кровь праведную, как мстил кровь Авелеву и положил на Каина стенание и трясение; так положи и на сем окаянном». Помолившись, говорит: «Брат мой, хотя телом отошел отсюда, но молитвою мне помоги на противного сего и убийцу гордого!» И это ему сказал, и пошел против него, и покрыли поле Лытское множество воинов. Была пятница тогда, восход солнца, подоспел в это время Святополк с печенегами, и сошлись оба, и была сеча злая, и по долинам кровь текла, и сходились трижды, и бились до сумерек. И был гром велик, и дождь велик, и молний блистание. Когда же блистали молния, и блистало оружие в руках их, то многие верные видели ангелов, помогающих Ярославу. Святополк же, испугавшись, побежал».

Описание победы и бегства врагов, как заметил еще В.И. Мансикка, сходно с подобным же описанием победы Тита над евреями у Генисаретского озера из третьей книги «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «Тит же и вои его, по полю гоняще, сечаху. И хотящим к граду бежати, и възвращаху,

преже гнавше, мало же ихъ утече». Автор Жития широко пользуется сравнениями и параллелями из библейской истории (из книги «Царств» и из книги Иисуса Навина): «мужи» Александра сравниваются с «сильными и крепцами» «храбрами» Давида, князь Александр, победивший немцев, — с кротким Давидом, победившим филистимлян; дважды — в уста молящегося на поле битвы князя и в уста встречающих князя-победителя горожан — вкладываются вариации на темы псалмов Давида; возвращение князя Александра с Ледового побоища имеет параллель с возвращением Давида после победы над филистимлянами, а слава князя Александра — со славой Иисуса Навина и Давида.

Укоризненное обращение автора Жития к псковичам «о невегласи (невежды) плесковичи» сходно с речью князя Александра в Псковских 1-й и 2-й летописях и, на наш взгляд, заимствовано автором Жития из псковской летописи.

Таким образом, рассказ Жития Александра Невского о Ледовом побоище не может быть использован в качестве исторического источника.

Для любителей истории приведем немецкие источники по битве 1240 года.

Хроника Тевтонского ордена (вторая половина XV века)

«Этот магистр Герман Балк воевал в союзе с людьми короля против русских, которые причиняли ордену много вреда, особенно дерптскому епископу Герману, и магистр Герман пришел с силой к замку на Руси, называемому Изборх, и здесь выступили им навстречу русские, и завязался ожесточенный бой. Христиане победили, и там было убито восемьсот русских, другие обращены в бегство, и из них многие взяты в плен. Этот магистр со своими братьями-рыцарями и войском разбили свои палатки на поле перед Псковом, так называется город на Руси. Магистр приказал, чтобы каждый приготовился к штурму замка и города. Русские попросили мира, и псковичи подчинились ордену, и тогда был заключен мир с русскими. Князь Герпольш согласился на то, чтобы замок и город и все прилежащие земли перешли в руки ордена и их жители

стали христианами*. Магистр занял город и замок христианским отрядом во главе с двумя своими братьями-рыцарями, и все возносили хвалу богу и его пречистой матери за большую победу и возвратились в Ливонию.

О Ливонии

Во времена этого магистра Конрада был большой город на Руси, называемый Новгородом, и там был князем Александр. Он узнал, что псковичи перешли под власть Тевтонского ордена, во времена магистра Германа фон Зальца, как выше описано. Этот князь Александр собрался с большим войском и с большой силой пришел к Пскову и взял его. Несмотря на то, что христиане храбро оборонялись, немцы были разбиты и взяты в плен и подвергнуты тяжелой пытке, и там было убито семьдесят орденских рыцарей. Князь Александр был рад своей победе, а братья-рыцари со своими людьми, которые там были убиты, стали мучениками во имя бога, прославляемыми среди христиан».

По прошествии времени и немецкие источники начинают «подправлять» историю. 20 убитых превращаются в 70. Андрей с новгородцами объединяется с суздальским князем Александром в единую фигуру — Александра Новгородского.

«История Ливонии» Иоганна Реннера (XVI век)

«Также Изборск магистр взял приступом. Русские там были взяты в плен или убиты. Когда псковичи это узнали, они вооружились и пришли своим на помощь, там храбро сражались с обеих сторон. Но 800 русских было убито, бой происходил под Изборском на Руси, другие обратились в бегство, их преследовали немцы через реку Муддов (Великую) до города Пскова и

* Русские в то время считались язычниками, подлежащими обращению в «христианскую», т. е. католическую, религию. Автору было важно показать, что главным результатом завоевательных действий рыцарей был не просто захват чужой территории, а обращение населения этой территории в католическую веру.

осадили его, а когда стали готовиться к приступу, русские испугались и попросили мира. Он был заключен на таких условиях, что князь русских Герпольшт уступил ордену замки и земли, чтобы приступ не состоялся, что и было соблюдено. Итак, магистр оставил для оккупации [Псковской] земли двух братьев-рыцарей со многими тысячами немцев и ушел опять домой, таким образом, 9000 русских осталось на поле брани и погибло. Когда это стало известно новгородскому князю, он собрал большое войско и пришел псковичам на помощь, прогнал обоих братьев-рыцарей вместе с немцами и вновь занял землю, после чего возвратился опять домой. Затем вооружился князь Александр из Суздаля, который также большой город на Руси, чтобы отомстить за вред, причиненный немцами, и пришел с большой силой в Ливонию, грабил и жег. Против этого вооружился магистр. Равным образом Герман, епископ Дерптский, послал на помощь ордену много войска, и они выступили навстречу русским, и хотя они были слабы числом, но все же бились с врагами, но их одолели, так как русских было около 60 человек на одного немца. Здесь было убито 20 орденских братьев, а 6 было взято в плен, из дерптцев многие спаслись. После того как князь Александр, таким образом, одержал победу, он ушел опять домой, поскольку также потерял много людей».

9000 павших русских — возможно, опечатка, вместо цифры 900.

Хотя чем позднее написан «первоисточник», тем выше цифры участников боев.

Так, А.А. Строков полагает, что в Ледовом побоище с каждой стороны участвовало примерно по 15 000 человек. Е.А. Разин высказывает мнение, что немецкое войско могло насчитывать 10—12 тыс., а новгородское — 15—17 тыс. человек.

При этом обычно не сообщается, а что же одновременно с Ледовым побоищем творилось на Руси.

Ведь незадолго до этого произошло нападение на Русь монголов, разорение Рязани Батыем, сожжение «злого города» Козельска, и военный поход монгольских войск на Литву, где 19 июля погиб Шейбани-хан.

Интересно, как защищал Русь от монголов Александр Невский?!

По решению Президиума АН СССР в 1958 году была предпринята экспедиция в район предполагаемого места Ледового побоища.

Археологи не нашли никаких следов Ледового побоища ни на озере, ни на его берегах.

Так было ли оно вообще?! Или это миф о событии, которое лишь могло быть?

Единственное, что действительно было, так это то, что ливонцы захватили Изборск и Псков, Андрей с братом своим Александром изгоняют из Пскова ливонских управляющих. В боях погибло 20 немецких рыцарей и 6 взято в плен. За пленных получен выкуп, и они были отпущены. Вот и все.

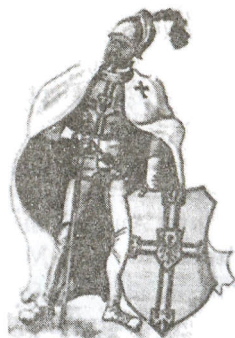
И лишь позже Андрей был забыт, а все подвиги, и которые были, и которых не было, приписали более известному князю.

После Ледового побоища

[1249—1250 гг.] Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от великого хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском. (Н.М. Карамзин)

В 1277 году Менгу-Тимур развязал кампанию против кавказских алан (осетин). Ряд русских князей, в том числе и сын Александра Невского Андрей Городецкий, участвовали в войне против алан. В 1278 г. русские войска захватили главную крепость алан — город Деяков. Русским досталась богатая добыча. За существенный вклад в деле разгрома врага Менгу-Тимур похвалил русских и наградил многими дарами.

В 1280 году Туда-Менгу выдал ярлык на владимирский стол Андрею Александровичу Городецкому и Костромскому, сыну Александра Невского, на протяжении многих лет другу и верному вассалу хана Менгу-Тимура. Но князь Дмитрий Переяс-

*Магистр
Тевтонского ордена
из «Хроники Пруссии»*

лавский не захотел уступать власть. Дружина князя Андрея была усилена монгольскими войсками.

Дмитрий Переяславский совершил паломничество в лагерь Ногай и принес ему клятву верности. Ногай, противодействуя великому хану, подтвердил полномочия Дмитрия и дал ему в подкрепление сильный отряд. Не дождавшись помощи от Туда-Менгу, Андрей вынужден был уступить великое княжество Дмитрию. Туда-Менгу не утвердил Дмитрия, но ничего поделать не мог. Противостоять Ногаю он был не в состоянии.

В 1283 году Туда-Менгу принял ислам. Он впал в мистицизм и отошел от управления страной. В 1285 году государственными делами занимался племянник его Тула-Буга.

В 1291 году Ногай избавляется от Тула-Буги и провозглашает ханом кипчаков Тохту. Со своей стороны, в благодарность за помощь Тохта отдает Ногаю Крым.

Андрей Городецкий приходит к Тохте с жалобой на Дмитрия, не отдающего княжение. Дмитрий отказался появиться при дворе Тохты, считая себя вассалом Ногай. Михаил Тверской и Даниил Московский тоже отправились за ярлыками к Ногаю, а не к Тохте. Таким образом, двоевластие в Орде привело к образованию двух партий среди русских князей. Дмитрий отказался выполнять постановление Тохты, и тогда князю Андрею были приданы ордынские силы для ведения боевых действий против Дмитрия. Владимир и Москва были разграблены, а селения вокруг них разорены (1293 г.). Отчаянное сопротивление оказала Тверь. Но Тохта прислал дополнительные силы, и Тверская земля дорого заплатила за раздоры меж князей. Дмитрий бежал в Псков. Андрей Александрович, разоривший русские земли с помощью татар, был признан великим князем в 1294 г.

Русские князья никак не желали уважать права друг друга и разбились на два лагеря. Одни группировались вокруг Ростова, другие — центрально-русские — вокруг Москвы, Твери, Переяславля. Война между ними казалась неизбежной, и Тохта направляет своего посланника Неврюя с сильной ратью примирить противоборствующих князей (1297 г.).

Но в 1301 году Даниил Московский захватил принадлежащий Рязанскому княжеству город Коломну, нанеся поражение Константину Рязанскому и поддерживавшим его монголам. Са-

мого Константина Даниил обманом захватил и взял в плен (после смерти Даниила его сын Юрий убил рязанского князя). В 1303 году Даниил занял Можайск, который до этого был частью Смоленского княжества. Затем он захватил Переяславль. Политика «все, что я хапнул, мое» и умение крепко удерживать чужое очень помогло даниловичам в том, чтобы со временем стать правителями всей Руси. За столь агрессивную политику Церковь объявила князя Даниила святым.

После смерти Даниила в 1304 году по инициативе Андрея Городецкого Тохта собирает съезд русских князей в Переяславе, где права на Переяславль были закреплены... за Юрием Московским. Началось усиление Московии.

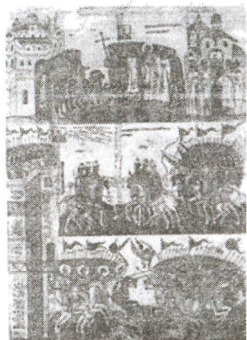
На следующий год умер Андрей Городецкий, и Тохта передал великое княжение тверскому князю, не давая чрезмерно усилиться кому-либо из русских князей. Михаил Тверской хотел захва-

тить Переяславль, но его отряды были отбиты. Началась «холодная война» между Москвой и Тверью.

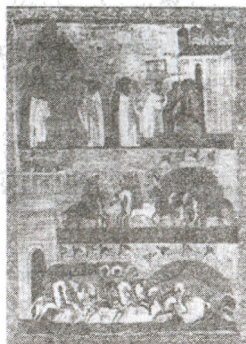
Тохта намеревался вовсе упразднить великое княжение, чтобы сделать всех русских князей своими прямыми вассалами, но в 1312 году по пути на Русь он заболел и умер.

Преемником Тохты стал Узбек, правивший с 1313 по 1341 год.

С восхождением на трон хана Узбека ислам стал официальной религией при ханском дворе и постепенно был принят большинством тюркских подданных хана.

Битва новгородцев с суздальцами. 60-е гг. XV в. Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник

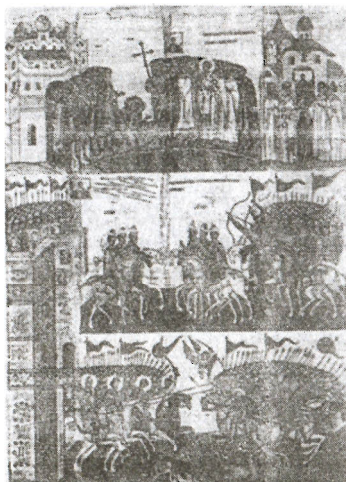
Битва новгородцев с суздальцами. Конец XV в. Государственная Третьяковская галерея

*Магистр Тевтонского ордена
из «Хроники Пруссии»*

*Битва новгородцев с суздальцами.
Конец XV в. Государственная
Третьяковская галерея*

*Битва новгородцев с суздальца-
ми. 60-е гг. XV в. Новгородский
историко-архитектурный
музей-заповедник*

На Куликовом поле русских былин

Память о Куликовской битве сохранилась в исторических песнях, былинах, повестях.

Известно, что на поле Куликовом Иван Грозный казнит своего сына (см. былинку «Гнев Ивана Грозного на сына»).

В.М. Васнецов. «Три богатыря»

Куликово поле — эпическая земля. Здесь 30 лет ходил млад Добрынюшка. Да и остальные богатыри Киевские по полю этому похаживали.

Илья Муромец едет по Куликову полю и наезжает на камень с предупредительными надписями:

«Прямо ехать — убиту быть,
Вправо поехать — женату быть,
Влево поехать — богату быть».

В русских былинах с Куликовым полем связана и битва Ильи Муромца с Мамаем, нападавшим на Киев при Владимире Красное Солнышко:

«Наступал на Киев царь Мамай
Со своею неверною силой».
(Киреевский. Т. I. С. 58)

Князь Владимир, узнав об опасности, угрожающей Киеву, просит Илью Муромца собрать богатырей, «Илья Муромец едет за ними на поле Куликово». (Киреевский. Т. I. С. 59.)

Происходит знаменитое Куликовское побоище. Но где? У Киева? В Тульской области? Или в Москве?

В России отмечают событие более чем 600-летней давности — **Куликовскую битву** как день «великой победы» над татарами. На протяжении столетий никогда не делалось уточнение, над какими именно татарами была одержана столь громкая

победа. Одно утверждается определенно: возглавлял войска противной стороны Мамай. В российской историографии это событие до сих пор рассматривается, если оно и вправду имело место, не на основе достоверных научных знаний, а преимущественно с мифологической точки зрения.

Серьезные ученые признают, что значительная часть сведений о сражении почерпнута из трех основных «источников», возникших через сто лет после легендарного события: из «Летописной повести» (весьма краткой и анонимной), из стихотворной «Задонщины» и риторического сочинения «Сказание о Мамаевом побоище», то есть в основном из художественных источников. А для исторической оценки важны точные данные о масштабах сражения, количестве участников, потерь с обеих сторон. Но достоверных сведений не обнаружено ни в местных, ни в иностранных источниках.

«Побоище за Доном», более известное как «Куликовская битва»

Официальную версию этого события приводит автор «Сказания о Земле Русской» А. Нечволодов: «Почти 20 лет шел Дмитрий Иванович к своей главной победе на Куликовом поле с того первого похода 1361 года*, когда он согнал с великокняжеского стола во Владимире своего соперника — суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Потом были войны с другим сильным противником — тверским князем Михаилом Александровичем, который пользовался поддержкой не только золотоордынского хана, но и великого литовского князя Ольгерда. Дмитрий умело использовал очередную вспышку долгой междоусобной борьбы за власть в Орде и поочередно принудил своих основных соперников из русских князей к повиновению. Однако опасность со стороны Орды в первые десятилетия княжения Дмитрия Ивановича присутствовала постоянно.

Пограничные русские княжества подвергались разорению, и Москве неоднократно приходилось принимать меры к обороне южной границы.

* Дмитрию в этом году исполнилось 11 лет. — А.Б.

Усиление ордынского давления было связано с временным прекращением междоусобиц в Орде. Власть захватил темник Мамай, который сумел объединить большую часть прежней территории Золотой Орды.

В 1377 году на Нижний Новгород двинулся ордынский царевич Араб-шах (Арапша). Узнав об этом, Дмитрий Иванович направил свои полки на помощь нижегородскому князю. Но русские воеводы, не приняв необходимых мер к предупреждению неожиданного нападения ордынцев, потерпели сокрушительное поражение у берегов р. Пьяны. Одновременно другая ордынская рать напала на Переяславль-Рязанский и разрушила его.

В 1378 году Дмитрий Иванович решил не просто отразить очередной татарский набег, но и жестоко отомстить за поражение 1377 года. Атака русского войска у реки Вожа была стремительной и неудержимой. Ордынцы потерпели полное поражение. Это заставило Мамаю быть осторожным. Два года потребовалось ему, чтобы подготовиться к новому походу. Готовился и великий князь Дмитрий Иванович, укрепляя единство страны, собирая общерусское войско.

Поход Мамаю начался в июне (или начале июля) 1380 года. Ордынцы перешли Волгу и вышли к устью реки Воронеж, где поджидали выступления великого князя Литовского Ягайло. 23 июля 1380 года в Москве была получена «весть» о нашествии Мамаю. Тут же во все столицы русских княжеств были разсланы грамоты: «Да готовы будут». Местом сосредоточения основных сил русского войска была назначена Коломна, крепость близ устья Москвы-реки.

25 августа Дмитрий Иванович произвел смотр всего войска, а уже 6 сентября русские полки остановились на донском берегу, неподалеку от устья реки Непрядвы. Здесь великий князь получил свежие известия о наступлении Мамаю. Утром следующего дня ордынцы уже могли быть на Куликовом поле. Военные историки считают, что Дмитрий Иванович специально двигался к этому месту, так как особенности Куликова поля мешали Мамаю использовать эффективно главную свою силу — конницу.

В ночь с 7 на 8 сентября ордынцы подошли к месту сражения. Великий князь Дмитрий Иванович в последний раз объе-

хал полки, воодушевляя воинов. Затем переоделся в доспехи простого дружинника и поехал в первые ряды войска. Примерно в 11 часов утра началось сближение главных сил.

Столкновению предшествовал героический эпизод — поединок богатырей, а затем две огромные рати сошлись в яростной сече. Перелом наступил после неожиданного удара русского засадного полка. Ордынцы, не ожидавшие удара в тыл, пришли в замешательство, и вскоре их отступление приняло характер беспорядочного бегства.

Куликовская битва явилась триумфом великого князя Дмитрия Ивановича, которого народ в память победы на Дону стал называть Донским.

Победа русских войск нанесла Золотой Орде тяжелейший удар. Однако свергнуть ордынское иго в 1380 году не удалось. Новый правитель Орды Тохтамыш в 1382 году неожиданно напал на Русь, сжег Москву, а затем двинулся на Владимир и Переяславль. Дмитрий Иванович с семейством укрылся в Костроме, а вернувшись в свою опустошенную вотчину, был вынужден возобновить выплату ордынской дани. В последние годы жизни великий князь уже не помышлял о борьбе с Ордой, а занимался внутрирусскими делами, присоединяя новые земли и усмиряя непокорных удельных князей.

Дмитрий Донской остался в памяти потомков как великий победитель Мамаю. В честь битвы на Куликовом поле была построена церковь, которая до нашего времени не сохранилась. В 1850 году по проекту архитектора А.П. Брюллова поставлен

памятник — 28-метровый чугунный столб, надпись на котором гласила: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому — признательное потомство».

Победа на Куликовом поле запечатлена в летописных рассказах, известных под общим названием «Летописная повесть о Куликовской битве». В первые десятилетия после битвы создаются произведения, прославляющие победу русского

Дмитрий Донской (12 октября 1350 — 19 мая 1389)

оружия. Это и поэтическая «Задонщина», и одно из самых распространенных произведений древнерусской литературы — «Сказание о Мамаевом побоище».

С именем Дмитрия Донского связана легенда о Куликовской битве, в которой сошлись два войска: крымского хана Мама с одной стороны и московского князя Дмитрия Ивановича и Владимира Серпуховского — с другой.

8 сентября 1380 г. произошло Мамаево побоище. Вскоре после этого события появилось его историческое описание (Новгородская четвертая, Софийская первая, Воскресенская летописи).

Псковские летописи (1941. Вып. 1. С. 24): «Бысть похваление поганых татар на землю Роускую: бысть побоище велико, бишася на Рожество святыя богородица, в день соуботный до вечера, омерькше биючися; и пособе бог великому князю Дмитрею, биша и на 30 верст гонячися... Того же лета во озере Чюдском истопли 4 лодии».

Куликовская битва — событие одного порядка с потоплением четырех лодок.

В летописях поражает почти полное отсутствие фактического материала. Был бой и молитвы — вот все, что мы сможем почерпнуть из ранних источников.

Монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин в Кирилло-Белозерском сборнике, составленном в 80-е годы XV в., т. е. как раз во время столетнего юбилея битвы за Доном, на листе 263 об. записал: «В лето 6888 (1380) сентября 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 (1480) сентября 8 ино тому прешло лет 100».

М.Н. Тихомиров (см.: Куликовская битва, 1380. С. 335) пишет: «Первоначальные краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями. После разгрома Мама на престол сел Тохтамыш, и Дмитрий с почетом послал ему дары. Тохтамыш — союзник Дмитрия, воевавшего не против Орды, а против Мама, Орде не подчинявшегося. Так что не было сепаратизма русских князей против великой империи, но борьба за единство Орды против узурпатора. Дмитрий не за свободу Руси боролся, а за единство Орды».

Самым древним источником о Куликовской битве, помимо кратких летописных сведений, является знаменитая «Задонщина»*, написанная, как считается, Софонием Рязанцем**. Самый ранний из дошедших до нас текстов «Задонщины» записан упомянутым выше Ефросином, который и дал этому произведению ныне всеми принятое название. В связи с тем, что Ефросин был монахом Кирилло-Белозерского монастыря, рукопись получила наименование «Кирилло-Белозерский список».

Сборник, куда входит и «Задонщина», переписан частично самим Ефросином, частично — другими писцами, но составление самого сборника, подбор материалов в нем всецело принадлежат Ефросину.

Изучение сборников, принадлежащих ему, показало, что он составлял сборники, не копируя переписываемые тексты, а перерабатывая их.

* Ефросин дал этому произведению свое собственное краткое наименование «Задонщина». Сразу же за «Задонщиной» Ефросин поместил краткие летописные записи о некоторых событиях, последовавших за Куликовской битвой (он отмечает, сколько прошло лет от Куликовской битвы до этих событий). В этих записях, так же как и в заглавии «Задонщины», он называет сражение на Куликовом поле «Задончиной», «Задонщиной», «Мамаевчиной». Нашествие Тохтамыша 1382 г. в этих записях Ефросин именует «Тахтамышевщиной». Таким образом, заглавие «Задонщина» придумано Ефросином.

** В заглавии «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку сказано, что это «Писание Софония старца резанца...», во втором списке Синодального извода, автором произведения также назван Софоний — «Сказание Сафона резанца». В списках извода Ундольского, списке Исторического музея-1, в которых имеется заглавие, имени Софония нет. Вместе с тем в списках У., И-1 и С., т. е. в списках разных изводов произведения, в самом тексте Софоний назван как лицо по отношению к автору «Задонщины» постороннее. В некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище» имя Софония как автора стоит в заглавии уже этого произведения. Все сказанное выше заставляет усомниться в, казалось бы, общепринятом утверждении, что автором «Задонщины» был Софоний-рязанец, о котором, кстати говоря, мы ничего не знаем. Возможно, Софоний был либо предшественником, либо современником автора «Задонщины», и последний назвал его в своем произведении по аналогии с упоминанием автором «Слова о полку Игореве» своего предшественника — Бояна. Сборники Ундольского и Синодальный написаны в XVII в.

ЗАДОНЩИНА

Кирилло-Белозерский список

«Писание Софония старца рязанца благослови отче: Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича.

Поидем, брате, в полуночную страну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдем на горы киевския. Первое всех вшед восхвалим вещаго Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещии Боян воскладая свои златья персты на живыя струны, пояше славу русским князем, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя их песни и гуслеными буйными словесы на русскаго господина князя Дмритриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, занеже их было мужество и желание за землю русьскую и за веру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища (160 лет).

Се аз князь великий Дмритрии Иванович и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувше прадеда князя Володимера киевскаго, царя русскаго.

Жаворонок птица, в красныя дни утеха, взыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмित्रею Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю. Они бо взнялися как соколи со земли русския на поля половецкия.

Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли русьской, чюдно стязи стоят у Дону* великого, пашутся хоригови берчати, святяться калантыри зачены, звонят колоколи вечнии в великом в Новгороде. Стоять мужи ноугородци у святыя Софии аркучи такову жалобу. Уже нам, брате, к великому князю Дмित्रею Ивановичю на пособь не поспети.

Тогда аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русския к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, аркучи так: господине

* Поход еще не начался, а стяги русские уже стоят «у Дону великого». — А.Б.

князь великий, уже поганый татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят межю Доном и Днепром, на рице на Чече*. И мы, господине, поидем за быструю реку Дон, укупим землям диво, старым повесть, а младым память.

Тако рече князь великий Дмитрие Иванович своей братии русским князем: братьеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

Славии птица, что бы еси вышекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея половецкаго, Дмитрия брянскаго, ти бо бяше сторожевыя полкы, на щит рожены, под трубами поють, под шеломы взлелеаны, конец копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли.

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею: сама есма два брата дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядем, брате, на свои борзи комони, испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону, испытаем мечи евои булатныя. Уже бо, брате, стук стучит и гром гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гремит, стучат сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремят удалци золочеными шеломы, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готова напреди твоих оседлани.

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилелеяша тучю велику на усть Днепра, на русскую землю. Ис тучи выступи кровавая оболочка, а из них пашют синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Доном и Непром, идет Хинева** на русскую землю. Серие волци воют, то ти были не серие волци, придоша поганые*** татарове, хотят пройти воюючи, взяти всю землю русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крилы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы всплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь.

Птици небесныя пасущесе то под синие оболочка, ворони грают, галици свои речи говорят, орли восклегчют, волци грозно воют, лисици часто брешют, чают победу на поганых.

* В других списках река названа «Меча». — А.Б.

** Хине — китайцы, здесь — «гунлы», варвары. — А.Б.

*** Поганые — язычники.

Аркучи такъ: земля еси русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злаченными колоколци.

Уже бо стук стучит и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучит, ни гром гремит, князь Володимир Ондреевич ведет вое свои сторожевые полки к быстрому Дону*, аркучи такъ: Господине князь Дмитриеи, не ослабляи, уже, господине, поганая татарове на поля на наши наступают, а вой наши отнимают.

Тогда же князь великий Дмитриеи Иванович ступи во свое золотое стремя, всед на свои борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно светит, путь ему поведает, Борис Глеб молитву творят за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерская ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московская, шеломы немецкие, боданы бесерменская. Тогда поля костыми насеяны, кровью полиано**.

Воды возпиша, весть подаваша по рожным землям, за Волгу, к Железным вратом, к Риму до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем морем. Того даже было нелепо стару помолодиться.

Хоробрый Пересвет поскакивает на своем вешем сивце, свистом поля перегороди, аркучи таково слово: лучши бы есмя сами на свои мечи наверхлися, нежели нам от поганых положенным пасти. И рече Ослебя брату своему Пересвету: уже, брате, вижю раны на сердци твоём тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу, моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличют, ни трубы не трубят, толко часто ворони грают, зогзици кокуют на трупы падаючи.

Тогда же не тури возрыкают на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и бо-

* Стяги Дмитрия уже на Дону, туда же из Серпухова идет князь Владимир Андреевич. — А.Б.

** Никуда московским полкам идти не пришлось, переправились с левого берега на правый — и в бой, как будто Москва сама стоит на Дону. — А.Б.

ляр сановных, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано, Михаиле Вренков, Иаковъ Ослебятин, Пересвет чернец и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своих осподарех в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, аркучи таково слово: Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю половецкую, пробил еси берези хараужныя, прилелеи моего Микулу Васильевича. Восплачется жена Иванова Федосия: Уже наша слава пониче в славне городе Москве.

Не одина мати чада изостала, и жены боярския мужей своих и осподарев остали, глаголюще к себе: Уже, сестрици наши, мужей наших в живот нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за русскую землю, за святыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны»*.

*Список Исторического музея-2 дает другой вариант окончания: «Ту ни галици ни шурове въспели жалостные песни у Коломны на заборолах на въскресение на Якимов и Аннин день. То ти были ни шурове ни галици воспели, въсплакалися жены коломенския, а ркучи таково слово: **«Москва, Москва, быстраа река, чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю половецкую литовскую»**. А ркучи тако: «Можеш ли тамо, господине князь великий, веслы Непру запрудити, а Дон шоломы вычерпати, а Меч реку трупы татарскими запрудити. **Заткни, государь князь великий, Оки ворота, чтобы погании потом к нам не заходили.** Уже мужи наших рать трудила в субботу на рожество святой богородици крестьян татарове на поле Куликове на речке Непрядве».

В «Списке Ундольского» представлен более полный, «объединенный» вариант: «Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша у **Москвы града на забралах** стоя, а ркут тако: **«Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко мне»**.

А Марья про своего господина тоже рекла, а Тимофеева жена Волуевича такоже плакахуся и рече тако: Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе нету. А Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяше великую беду и сседша удалыцы з добрых коней на уженое место на поле Куликове на речке Напряде.

И восплакалися жены Коломенские, а ркут тако: **«Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю Половецкую»**.

Что же мы видим?! Читая древнейший текст «Задонщины», приходится признать, что был город Москва, стоявший на реке, которая у москвичей носила название Дон, у коломенцев — Москва*. Сюда, на Дон-Москву, на помощь против войска хана Мамай, привел своих воинов серпуховской князь Владимир. И оба князя в Замоскворечьи, на реке Чуре (Чече, Мече) и Кровянице дали бой — и победили. Вот и все, что было известно через сто лет монаху Евфросину.

Итак, если Новгородская первая летопись второго извода пишет, что князь Дмитрий, узнав, что на него наступает сила «велика татарская и собрав многи вои и поиде противу безбожных татар», один, без помощи других князей, то Евфрасин знает уже о двух князьях. И чем позже переписывается история битвы с Мамаем, тем большее число князей вступает в бой на стороне Дмитрия.

В литературе обычно приводится не подлинный текст «Задонщины», а так называемый «сводный» текст, текст более поздних списков. Приведем его и мы.

Но вначале справка о главных действующих лицах:

Дмитрий Иванович Донской (12 октября 1350—19 мая 1389) — великий князь Московский с 1359 г., с 1362 г. — и великий князь Владимирский, сын Ивана Ивановича Красного, внук Ивана Даниловича Калиты. В 1367 г. вступил в брак с Евдокией, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича. В 1367 г. при нем был построен каменный кремль в Москве. В 1368 и 1370 гг. отразил нападение на Москву литовского князя Ольгерда. В 1375 г. возглавил поход союзных князей на Тверь, в результате которого тверской князь должен был признать старшинство московского великого князя и обязался совместно с ним выступить против Золотой

* Москва — этот топоним вначале относился только к реке. Название происходит из языка местных финнов-мери — «Маска-ава» — Медведица. В новгородских берестяных надписях город имеет название «Кучков». И ныне сохранился топоним «Кучково поле». Жители Коломны (как и «Коломенское» — этот топоним происходит тоже из языка мери и означает «погост», «могилы предков») называли реку по-фински, жители Кучкова ту же реку называли по-осетински «Дон», т.е. «Река». Это название принесли к нам с Дона пришедшие сюда вятичи — потомки алан-ясов, смешавшиеся с балтами-галиндами (голядью), жителями Орловской и Тульской областей.

Орды. В 1378 г. в битве на реке Воже Дмитрий Иванович нанес поражение ордынским отрядам, которые под руководством золотоордынского воеводы Бегича пошли на Русь. В 1380 г. — Куликовская битва — первое сокрушительное поражение золотоордынского войска; после Куликовской битвы Дмитрий Иванович получил прозвище Донской. В 1382 г. на Москву «изгоном» совершил набег хан Тохтамыш. Из-за огромных потерь на Куликовом поле и внезапности нападения Тохтамыша великий князь Московский не смог организовать обороны города и ушел на север собирать войско. И все же Тохтамышу только обманом удалось захватить Москву. Время княжения Дмитрия Донского ознаменовалось усилением роли Москвы как центра, объединяющего вокруг себя княжества Северо-Восточной Руси и возглавляющего борьбу с Ордой. Дмитрий Иванович передал по завещанию Великое княжение Владимирское и Московское старшему сыну Василию без санкции Золотой Орды как «свою отчину». Похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Владимир Андреевич (1353—1410) — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь Серпуховской и Боровский. Ему принадлежала по наследству «треть» Москвы, т. е. часть города и третья часть доходов от московских пошлин. Впервые участвовал в военном походе с Дмитрием на Переяславль против Дмитрия Константиновича Суздальского, когда великому князю Московскому было 12 лет, а ему — 9. В 1371 г. женился на дочери великого князя Литовского Ольгерда Елене. Владимир Андреевич принимал самое активное участие в большинстве военных мероприятий и походов Дмитрия Донского. Сыграл большую роль, командуя засадным полком, в Куликовской битве. Во время нашествия на Москву Тохтамыша в 1382 г. силы Владимира Андреевича разбили отряд Тохтамыша под Волоколамском, после чего войска Тохтамыша ушли из пределов русских земель. В 1408 г. Владимир Андреевич возглавлял оборону Москвы во время нашествия Едигея. Владимир Андреевич носил прозвище Храбрый, иногда древнерусские источники называют его и Донским.

Мамай — при хане Бирдибеке (1357—1359) занимал самую высшую военно-административную должность в Золотой Орде — был беклярибеком (беклярибеку подчинялся верховный суд, он ведал внешней политикой государства, был высшим военачальником). Был женат на дочери Бирдибека. После смерти Бирдибека в истории Золотой Орды наступил период «замя-

тии» — разгорелась междоусобная борьба за ханский престол. Мамай не мог стать ханом, так как не был чингисидом — прямым потомком Чингисхана, но уже при хане Бирдибеке он стал основной политической фигурой в Орде и по существу ханы являлись его марионетками. В 60-е гг. XIV в. «Золотая Орда раскололась на две враждующие части, границей между которыми стала Волга. Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью Мамай и его марионетки» (Цит. по: *Егоров*. С. 190—191). В 70-е гг. Мамаю удалось «объединить под своей властью всю территорию Золотой Орды западнее Волги вплоть до Днепра» (Там же. С. 196). В борьбе за верховную власть во всей Золотой Орде Мамай несколько раз захватывал Сарай ал'Джедид (Новый Сарай) — столицу Золотой Орды того времени, находившуюся на левом берегу Волги. Как считает В.Л. Егоров, «не исключено, что с 1380 г. Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подвластными ханами» (Там же. С. 208). Потерпев поражение на Куликовом поле, Мамай бежал в свою Орду и собирался вновь выступить против великого князя Московского, но завладевший к этому времени левобережьем Волги хан Тохтамыш выступил против Мамай и разбил его. Мамай бежал в Крым, в Кафу (современная Феодосия), и там был убит (в 1380 г.).

ЗАДОНЩИНА

Реконструкция на основе Списка Ундольского

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче как победили супостата своего царя Мамай.

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича*, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас, в Залесскую землю».

* Николай Васильевич Вельяминов, сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, коломенский воевода, свояк великого князя Московского Дмитрия Ивановича (его жена Марья Дмитриевна — сестра жены Дмитрия Донского).

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове* — язычники татары, басурманы**. Вот они-то на реке

* China — старинное название Китая. *Хиноея* — слово это встречается только в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве». Вероятнее всего, «гунны», «варвары» — обобщенное наименование восточных народов, кочевников.

** Изначально татары — алтайское племя иранского происхождения, перешедшее на тюркский язык. На Руси изначально татарами называли пришедших на Русь монгол.

Татарами в Древней Руси называли население Золотой Орды. В современной науке принят термин «монголо-татары». Приводим характеристику этнических наименований «татары» и «монголо-татары» из работы «Золотоордынский город» (1973) В.Л. Егорова, который указывал: «Монголо-татары — это искусственное этническое наименование, появившееся в трудах историков спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств. Словосочетание это механически соединило два названия одного и того же народа. Первая часть — монголы — хорошо известна по ряду древних источников, из которых следует, что этноним «монголы» применялся как самоназвание ряда центрально-азиатских племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Вторая часть — татары — представляет собой название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII веке в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределы. Проникновению именно этого названия в Европу и его повсеместному распространению скорее всего способствовали хорошо налаженные в средневековье торговые связи с Востоком. Видимо, купцы и были первыми информаторами европейского населения о появлении на исторической арене новой грозной опасности — «татар». Русские летописные источники по отношению к населению Золотой Орды всегда употребляли только одно обозначение — татары. В западноевропейских источниках также фигурирует исключительно это же название, хотя Рубрук особо пояснял, что сами основатели Улуса Джучи предпочитали, чтобы их называли монголами. Появление же формы «монголо-татары» относится уже ко времени начала научного изучения и осмысления истории государственных образований, связанных с Чингисидами. Попытки ликвидировать кажущееся несоответствие между хорошо известным названием «монголы», «Монголия» и постоянно встречающимися в средневековых источниках «татары», «Татария» и привели к появлению странного по своему содержанию, но внешне примиряющего историко-географические традиции Средневековья и Новейшего времени словообразования «монголо-татары».

на Каяле* и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы** до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим победу над язычником Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андрее-

Басурманы (бесермены) — здесь, вероятнее всего, мусульмане, хотя в России был и народ, называвший себя бесерменами. На 1900 год в России бесермен проживало около 11 000 человек. Язык — финской группы, общий с вотяками. Бесермене старались не смешиваться с вотяками, живя внутри своей отдельной группы.

Официальные имена — христианские; домашние, семейные имена — мусульманские. Например: Сидор — Гафар. Религия — языческие плюс христианские обряды, при этом эти «христиане» соблюдали и мусульманские обычаи: держали уразу, отпевание покойника муллою и некогорые другие.

* Каяла — река, на которой князь Игорь, герой «Слова о полку Игореве», потерпел поражение в битве с половцами в 1185 г. Какая это река, до сих пор не выяснено. Кроме «Слова» название реки Каялы встречается еще только в летописной «Повести о походе Игоря» и в «Задонщине». Этимологию слова «Каяла» толкуют по-разному. Согласно одной из гипотез это слово следует возводить к глаголу «каяти» — жалеть, оплакивать. Таким образом значение этого названия не географическое, а символическое, т. е. Каяла — река плача, река скорби.

** Имеется в виду Калкская битва — первое столкновение русских с монголо-татарами в 1223 году на небольшой степной реке Калке (ныне — Кальчик), впадающей в Азовское море. Русские силы потерпели в этой битве сокрушительное поражение. Калкская битва предшествовала монголо-татарскому нашествию, которое началось в 1237 году. Все древнерусские источники начинают отсчитывать время монголо-татарского владычества на Руси со времени злополучного сражения на Калке.

вича, прославим! И скажем так: лучше ведь нам, братья, возвышенными словами вести этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать об их деяниях по делам и по былям. Вспомним давние времена, восхвалим вешего Бояна, искусного гудца* в Киеве. Тот ведь веший Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония** и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет***.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О, жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из зем-

* Боян — автор «Задонщины» называет его «гудцом», т. е. играющим на «гудке»; гудок — музыкальный инструмент типа скрипки с тремя струнами. «Гудец» могло означать и вообще «музыкант».

** Если бы автором текста был Софоний, то вряд ли он упоминал бы сам себя. — А. Б.

*** От Калкской битвы (1223 г.) до Мамаева побоища (1380 г.) прошло не 160, а 157 лет.

ли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне*, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?». И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска** к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорят таково слово: «У Дона стоят татары-язчники, Мамай-царь у реки Мечи между Чуровом и Михайловом***, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!».

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни язычнику этому Мамаю!»

О, соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича, и брата его

* Коломна — город в 100 км на юго-восток от Москвы, в месте впадения в Москву-реку реки Коломенки. К Москве Коломна была присоединена в 1301 г. (до этого входила в Рязанское княжество). По Оке, южнее Коломны, проходила граница между Московским и Рязанским княжествами.

** Новгородские летописи об участии новгородцев в Куликовской битве ничего не сообщают, но в Синодике 1552—1560 гг. церкви Бориса и Глеба в Новгороде имеется такая запись: «... и в полону скончавшихся братии нашей и в поганском языке, и на Дону избиенных братии нашей при велицем князе Дмитреи Ивановичи...».

*** Чурово и Михайлове — названия поселений на реке Чуре, в начале Загородного шоссе в Москве. На официальном Куликовом поле таких урочищ ни к чему привязать так и не удалось. — А.Б.

князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия*, да Дмитрия Волынского!** Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы***. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы**** немецкие о кольчуги басурманские!».

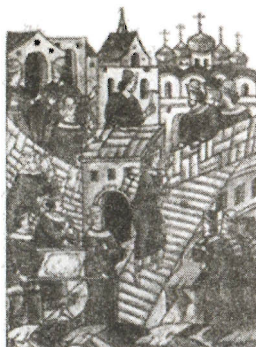
* Сыновья великого князя Литовского Ольгерда, брата союзника Мамая, литовского князя Ягайла, Андрей и Дмитрий. Оба этих князя находились на службе у великого князя Московского. Андрей Ольгердович, старший сын Ольгерда, с начала 40-х гг. XIV в. был князем в Полоцке как подручник отца, но когда, после смерти в 1377 г. Ольгерда, великокняжеский престол занял Ягайло, Андрей лишился Полоцкого княжения, бежал в Псков и был посажен на княжение там. На Куликово поле он пришел с псковскими отрядами. Погиб в 1399 г. в битве на реке Ворскле, во время похода великого князя литовского Витовта против Темиркутлуя. Дмитрий Ольгердович, второй сын Ольгерда, еще при жизни отца владел Брянском и Трубчевском. В 1379 г. сдал Трубчевск Дмитрию Донскому, и московский князь дал ему во владение Переяславль-Залесский. Так же, как и брат, погиб в битве на Ворскле в 1399 г.

** Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский — сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Был женат на сестре Дмитрия Донского Анне. Талантливый полководец. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

*** Ольгерд (Альгирдас)—великий князь Литовский (1345—1377), Едимант — Гедимин (Гедиминас), великий князь Литовский с 1316, в 1341 г. убит при осаде немецкой крепости Баербург. Его политику по расширению владений Великого княжества Литовского, борьбе с немецкими рыцарями и захвату западнорусских земель продолжил сын Ольгерд. Сколоменд — кто имеется в виду под этим именем, не ясно, может быть, князь Литовский Скирмонт (ум. в 70-х гг. XIII в.), но он не был предком Гедимины.

**** Сулица — короткое метательное копьё, дротик.

И ответил ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит — то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удалцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников. Уже ведь, брат, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве*, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову**, пролиться крови на реке Непрядве!»

*Строительство
белокаменного Кремля*

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли язычники-татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси заготовали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси заготовали и не лебеди крыльями заплескали — то язычник Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под

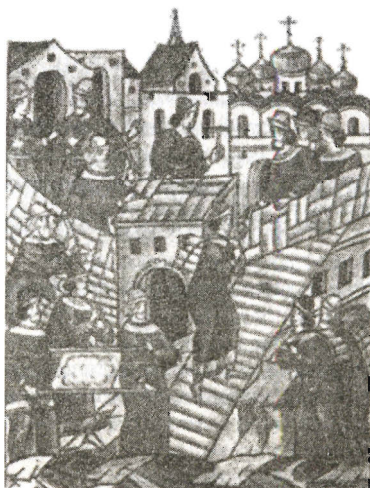
* Непрядва — западный приток Дона, ограничивает с севера Куликово поле.

** В.В. Каргалов: «Куликово поле представляло собой обширную равнину, поросшую степными травами, прорезанную оврагами и долинами рек. Общие размеры Куликова поля достигали в ширину 8 километров и 9 километров в глубину, но ровная низинная часть — «поле боя» — было значительно уже... протяженность по фронту не превышала 4—5 км. Русское войско могло закрыть его сплошным сомкнутым строем».

В.М. Васнецов. «Три богатыря»

*Дмитрий Донской (12 октября
1350 — 19 мая 1389)*

*Строительство белокаменного
Кремля*

облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуют.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала*!

А уже соколы и кречеты и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые пути, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят напасть на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удалцы русские хотят напасть на великие силы языческого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч** в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич делает смотр полкам и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, язычникам-татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»***

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас назначены — семьдесят бояр, и отважные князья белозерские Федор Семенович, да Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михаила Иванович, а воинов с

* Соломон — Сулейман победил сербов на Косовом поле. Софоний сравнивает Мамаево нашествие с нашествием турок на Балканы. Возможно, сам Софоний Рязанец был из сербских беженцев, ибо слово «Чура», что по-русски означало граница, межа, переводит на церковно-славянский как «Межа», притом через «дерьв», «Меджя» — «Меча».

** Меч — оружие против всадников неэффективное, русские пользовались, как и монголы, саблями, хотя основным оружием было копье, сохранившееся у казаков до XX в.

*** Так как вотчина русских князей находилась севернее Оки, то выходит, что войско Мамаю было не на Варонеже, а к северу от Оки.

нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас мужественные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы итальянские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все единодушно готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые, трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты, белозерские ястребы, за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым, То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Неирядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля полита. Это сильные рати сошлись вместе и затоптали холмы и луга, а реки и потоки и озера замутились. Кликнул Див* в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам**, и к Караначу***,

* Див — языческое божество, отвращавшее людей от опасных дел, появляясь в виде невидали. Увидев его и удивившись, люди забывали о том опасном деле, которое ранее намеревались совершить.

** Топоним «Железные Ворота» обозначал название нескольких географических пунктов. Здесь, вероятнее всего, имеется в виду Дербент (в настоящее время город в Дагестанской АССР), носивший в древности название «Железные Ворота» (Темир-Капы), так как это была крепость, закрывавшая узкий проход между западным берегом Каспийского моря и Кавказскими горами. Следует отметить, что уже в XV в. Дербент находился в упадке. Железными Воротами называлась также (это название сохранилось до наших дней) теснина в среднем течении Дуная.

*** Или Орнач, который упоминается и в летописях. Может быть, так назывался в древнерусских летописях Ургенч — столица Хорезма, уничтоженная в 1388 г. Тимуром. Г.Н. Моисеева обратила внимание на то, что венцианский космограф Фра-Мауро, посетивший Нижнее Поволжье в начале XV в., на своей карте обозначил город Орнач и рядом с названием этого города (в итальянской транскрипции «Organsa») «нарисовал надгробие и приписал: «Sepulcrum real» — «в действительности могилы». Следовательно, город Орнач в конце XIV в. перестал существовать» (Моисеева Г.Н. К вопросу о датировке Задонщины. — ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 225).

к Риму, и к Кафе* по морю, и к Тырнову**, а оттуда к Царьграду*** на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно сверкали молнии и гремели грома великие. То ведь сошлись русские сыны с язычниками татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, и гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой богородицы****.

Не туры взрехали у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские и бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые язычниками татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета чернеца, брянского боярина, на место суженое привели*****. И сказал Пересвет чернец великому князю Дмит-

* Во второй половине XIII в. генуэзцы основали в Феодосии (городе на берегу Черного моря, существовавшем с середины VI в. до н. э.), которая находилась под властью монголо-татар, торговую факторию Кафу. Кафа в XIV—XV вв. стала важнейшим центром торговли между Западом и Востоком.

** Тырново, город на реке Янтре (в настоящее время — город Велико-Тырново в Болгарии), с XII в. столица Второго Болгарского царства, во второй половине XIV в. — столица Тырновского царства. Один из крупнейших государственных и церковных центров Средневековья. В 1393 г. город Тырново был захвачен турецким султаном Баязидом и разгромлен. С захватом и разгромом Тырнова турками Тырновское царство прекратило свое существование.

*** Царьград — Константинополь — столица Византийской империи, основан имп. Константином в 330 г., находится на европейском берегу пролива Босфор. В 1453 г. Царьград был захвачен турками и стал столицей Османской империи, получив название Стамбул.

**** 8 сентября.

***** Привели на место суда. Сражение. поединок трактовались в Древней Руси как «божий суд»: «по божьему изволению» побеждал правый. В данном случае под «божим судом» подразумевается поединок Пересвета с татарским богатырем.оборот «суженое место» можно понимать и как обозначение места, на котором суждено погибнуть.

рию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к язычникам татарам!». Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами посвечивает, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует помолодеть, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя чернец своему брату Пересвету старцу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору на Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны часто каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — восплакали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах* стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыл ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!»** А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже радость моя пропала в славном городе Москве, и уже не увижу своего государя Тимофея Волуевича живым». А Андреева жена Марья да Михайлова жена Акси́нья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую беду: повержены наши удалыцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

* *Забрало* — деревянная галерея, идущая по верху крепостной стены. На забралах во время осады города неприятелем располагались воины, держащие оборону города.

** Стало быть, Дон мог на своих волнах принести тело близкого к стенам Москвы. Это, естественно, может быть, только если Москва-река и Дон — одна и та же река.

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры* запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны**. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — восплакали жены коломенские, причитая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла ты мужей наших от нас в землю Половецкую?». Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на войне»***.

В тот же день, в субботу, на Рождество святой богородицы разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, громко кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы гуннские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое горькое время ты нам крепкий щит. Не останавливайся, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько, крови христианской. Не задерживайся, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места!**** Тут-то и добудьте себе

* Щур — певчая птица из семейства вьюрковых, величиной со скворца.

** 9 сентября.

*** Пришли на земли Московской области татары и побили наших мужей. Перекрой границу по реке Оке — таков смысл просьбы жен коломенских.

**** Это выражение имеет смысл, если речь идет о Замоскворечье, но никак не о Доне.

места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели — поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, со всею силою. И сказал: «Брат князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы гуннские. Язычники прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые бегут, а русские сыны широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур* на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли**. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в Лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь войной нам не хаживать и даней нам у русских не прашивать»***. Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже ведь веселье их кончилось.

* Тур — дикий бык.

** Приток реки Чуры носит название Кровянка, ибо три дня текла кровью.

*** Выплатой дани, размеры которой устанавливались по заранее заключенному договору, стали вводить князья. Дать, собираемая князем и отправляемая в Орду, называлась «выходом».

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, парчу и насычеве* везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликование. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а сила и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их. И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги**: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя Орда Залесская. Далеко тебе до Батые-царя: у Батые-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в Лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!».

Как милый младенец у матери своей, земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат

* *Насыдж* — молитвенный коврик у мусульман.

** Здесь: генуэзцы.

трупы христианские, словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает».

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр Можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят и три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество»*.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру

*12 августа у стен Коломны, на Девичьем поле, Дмитрий устраивает смотр русских войск, а их собралось около 300 000! «И тогда было побито народу с обеих сторон 400 000; тогда русские выиграли битву» — так записал под датой 8 сентября 1380 года монах торнского монастыря Дитмар Любекский.

Численность русских войск в наших описаниях достигает фантастических цифр: 428 тыс., а понесенных потерь — 250 тыс. Соответственно и число павших бояр и воевод колеблется между 400 и 600; среди них лишь количество потерь великих московских бояр (40), суздальских (50) и муромских (40) неизменно; судя по происхождению павших бояр, городов, пославших на битву свои полки, было от 11 до 15. Причем по мере объединения Московским Великим княжеством земель Великороссии в Сказания включались все новые участники битвы — и Рязань, и Великий Новгород, и Тверь. Этим подчеркивалось значение битвы для судеб всей тогдашней России.

Интересно, что в «Задонщине» уже упомянуто участие в битве на московской стороне рязанской рати, из которой одних бояр погибло 70. Позже рязанцы перейдут, по желанию летописцев, в разряд изменников.

христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

В «Задонщине» Дмитрий Донской весь бой провел вместе с Андреем Храбрым. Даже ранен не был.

Московиты

Краткая летописная повесть

О великом побоище, которое было на Дону

В том же году безбожный нечестивый ордынский князь, Мамай поганый, собрав многочисленные рати и всю землю Половецкую и Татарскую, и еще рать наняв из фрягов и черкесов и ясов*, пошел со всеми этими силами на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. И когда наступил август, пришло из Орды известие к великому князю Дмитрию Ивановичу, что поднимается рать татарская, поганые племена измаильтянские, на христиан**. И Мамай нечестивый, люто гневаясь на великого князя Дмитрия за то, что были убиты его друзья, любимцы и князья на реке Воже***, выступил с великой силой, стремясь пленить землю Русскую. Услышал это великий князь Дмитрий Иванович и, собрав много воинов, пошел против врагов, чтобы защитить свою вотчину, постоять за святые церкви и за правоверную веру христианскую и за всю Русскую землю. И когда переправился он через Оку, пришли к

* Фряги — генуэзцы, проживавшие в Кафе, в Крыму. Черкесы — адыги, проживавшие в низовьях Днепра и по реке Псиол (Псел). Ясы — осетины Подонья.

** Генуэзцы, черкесы и ясы в то время были христианами.

*** Имеется в виду битва на реке Воже (притоке Оки в пределах Рязанского княжества) в 1378 г. В этой битве великий князь Московский Дмитрий Иванович наголову разбил золотоордынского воеводу Бегича, который был послан Мамаем с войском на Московское княжество.

нему еще другие вести, поведали ему, что Мамай расположился за Доном, стоит в поле и ждет к себе на помощь Ягайла* с литовскими ратями.

Князь же великий пошел за Дон, и было здесь поле чистое и очень большое, и тут стояли поганые половцы, татарские полки, в поле чистом, около устья Непрядвы реки. И тогда приготовились к битве те и другие и устремились в бой, и сошлись вместе обе силы, и была долгой брань беспощадная и сеча жестокая. Весь день сражались, и пало мертвых с обеих сторон бесчисленное множество. И помог бог князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы поганые полки побежали, а наши устремились за ними, избивая и рубя язычников без милости. Ведь бог невидимой силой устрасил сынов агарянских, и побежали они, обратив тыл свой под удары, и многие поражены были оружием, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи и там множество их перебили, а другие иноплеменники, гонимые гневом Божиим и охваченные страхом, бросились в воду и потонули. А Мамай с небольшой дружиной убежал в свою землю Татарскую.

Произошло это побоище в восьмой день месяца сентября, на Рождество святой богородицы, в субботу, до обеда.

И тут в схватке убиты были: князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Феодорович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михаила Иванович Окинфович, Андрей Серкизов, Тимофей Волуй, Михаила Бренков*, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет** и многие другие.

* Сын великого князя Литовского Ольгерда, после смерти отца в 1377 г. стал великим князем Литовским. После Кревской унии 1385 г. Литвы и Польши в 1386 г. Ягайло вступил в брак с польской королевой Ядвигой. Литовские феодалы находились в оппозиции к унии. Поэтому Ягайло в 1392 г. передал власть в Литве, а в 1401 г. и титул великого князя литовского Витовту. Королем Польским, под именем Владислава II Ягелло, был до своей смерти в 1434 г. (является родоначальником династии Ягеллонов). В 1380 г. заключил союз с Мамаем, но его силы запоздали к месту битвы на Куликовом поле. Во время Грюнвальдской битвы в 1410 г. с войсками Тевтонского ордена командовал союзной польско-литовско-русской армией.

** Ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства... ни о предках, ни о потомках Бренка мы ничего не знаем.

Князь же великий Дмитрий Иванович с остальными князьями русскими, и с воеводами, и с боярами, и с вельможами, и с уцелевшими полками русскими, став на костях, поблагодарил бога и похвалил похвалами дружину свою, которая крепко билась с иноплемениками и твело за него сражалась, и мужественно встала и отстояла, с божьей помощью, веру христианскую.

И возвратился он оттуда в Москву, в свою вотчину с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, верблюдов и волов, которых невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и разное добро.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский послал Мамаю на помощь свою силу и на реках разрушил мосты. За это князь великий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно, в это самое время, приехали к нему бояре рязанские и рассказали ему, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгинею, и с детьми, и с боярами, и с советниками своими. И молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же великий послушал их и принял челобитье их, не пренебрег их просьбой, рати на них не послал, а сам пошел в свою землю, а на рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал с Донского побоища и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя разгромленным, и посрамленным, и поруганным, снова разгневался, впал в неистовство, разъярился и встревожился и, собрав остатки своего войска, опять захотел пойти изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него некий царь с Востока, из Синей Орды — Тохтамыш. Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке. Мамаевы же князья, сойдя с коней своих, били челом царю Тохтамышу и поклялись ему по законам своей веры, и составили в том клятвенную запись, и подчинились ему, а Мамай оставили поруганным.

* О том, что он был чернецом, посланным Сергием Радонежским, летописный рассказ ничего не знает.

Мамай же, увидев это, бежал без промедления со своими советниками и с единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ним в погоню воинов своих, и они убили Мамаю. А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и цариц его, и казну его, и улус его весь взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И оттуда послов своих отправил на Русскую землю к князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и рассказывая, как он воцарился, как супротивника своего и их врага Мамаю победил, а сам пошел и сел на царстве Волжском. Князья же русские послов его отпустили с честью и с дарами, а сами той же зимой и весной, вслед за послами, отправили каждый своих киличеев со многими дарами к царю Тохтамышу.

Пространная летописная повесть О побоище, которое было на Дону, и о том, как князь великий бился с Ордою

Той же осенью пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими и со всеми другими князьями ордынскими и со всей силой татарской и половецкой, и, кроме того, еще рати нанял: басурман, и армян, и фрягов, черкесов, и ясов, и буртасов*. А с Мамаем вместе, в союзе с ним, и литовский князь Ягайло со всею силой литовской и ляшской, и с ними же заодно и Олег Иванович, князь рязанский, с этими своими сообщниками, пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его, Владимира Андреевича. Но человеколюбивый бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами пречистой своей матери от рабства измаильтян, от поганого Мамаю и от союзников его — нечестивого Ягайла и льстивого и лживого Олега Рязанского, который не соблюл

* Здесь, возможно, бессермены не общее наименование — басурмане (мусульмане), но обозначение народов Волжской Болгарии; армяне жили в разных местах Средней Волги; буртасы — так назывались иноязычные племена, жившие на правом берегу Волги в ее среднем течении. Все эти земли входили в состав Золотой Орды.

своего христианства. Ожидает его ад и дьявол в день великого суда господнего.

Окаянный же Мамай, возгордившись и возомнив себя царем, начал собирать совет нечестивый, призвав к себе темников* своих, князей поганых. И сказал он им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые** было, — христианство искореним и церкви божии спалим, и кровь их прольем, и обычаи их уничтожим». Нечестивый люто гневался из-за того, что были убиты его друзья, любимцы и князья на реке на Воже. И начал решительно и поспешно силы свои собирать и в ярости пошел с многочисленным войском, чтобы пленить христиан. И двинулись тогда все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и к льстивому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от сына божия, омраченному тьмою греховною и не желающему слышать голоса разума, Олегу Рязанскому, прислужнику басурманскому, лукавому сыну. Как сказал Христос: «От нас отошли и на нас ополчились». И заключил старый злодей Мамай нечестивый уговор с поганой Литвой и с душегубцем Олегом, чтобы соединиться им против благоверного князя у реки Оки на Семенов день***. Душегубец же Олег начал зло к злу присовокуплять: стал посылать к Мамаю и к Ягайлу своего боярина единомышленника Епифана Кореева, антихристову предтечу, призывая их прийти точно в назначенный срок и, как договорились, стать у Оки с трехглавыми зверями сыроядцами****, чтобы кровь пролить.

* Темники — высшие военачальники, командовавшие «тьмой» — десятью тысячами всадников.

** Батый — хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана. Продолжил захватнические войны отца и деда. Он возглавил поход монголо-татар в Восточную Европу в 1236—1243 гг. В 1237—1240 гг. произошло завоевание Руси Батыем, и с этого времени началось монголо-татарское владычество. При Батые возникла Золотая Орда — монголо-татарское феодальное государство, образовавшееся в результате захватнических войн Чингисхана и его преемников. Столицей Золотой Орды стал город Сарай-Бату на левом берегу Волги близ Астрахани. Умер Батый в 1255 г.

*** В день памяти Симеона Столпника, 1 сентября.

**** Те, кто ест сырое мясо, дикари, варвары.

Враг и изменник Олег! Надеешься выгоду получить, а не ведаешь того, что меч божий острится на тебя! Как сказал пророк: «Оружие извлекли грешники и натянули лук, чтобы во мраке застрелить праведников, и оружие их вонзится в их же сердца, и луки их ломаются».

И наступил месяц август, дошли из Орды известия и до христоролюбивого князя, что поднимаются на христиан измаильтрянские племена. Олег же, совсем отступивший от христианской веры из-за союза с погаными, послал к князю Дмитрию весть обманную: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя. Да будет тебе известно и то, что идет на тебя литовский Ягайло со всею силою своею». Князь же Дмитрий, услышав в невеселое это время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, сказал: «Еще наша рука высока!» Пошел он в соборную церковь матери божьей, Богородицы*, и, проливая слезы, начал молиться: «О господи, ты — всемогущий и всесильный, крепкий в битвах, воистину ты царь славы, сотворивший небо и землю, помилуй нас молитвами пресвятой твоей матери, не оставь нас в беде. Ты ведь бог наш, а мы люди твои, прости руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притупи. Велик ты, господи, кто может противиться тебе? Помяни, господи, милость свою, которую ты от века изливаешь на род христиан. О, многоименитая дева, госпожа, царица небесных чинов, вечная повелительница всей вселенной и кормительница всей жизни человеческой, прости, госпожа, руки свои пречистые, которыми ты носила бога, воплотившегося от тебя, не отвергай христиан сих, избавь нас от сыродцев этих и помилуй меня!»

Восстав от молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром и за всеми князьями русскими и за воеводами великими. И сказал он брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и мрачного сыродца Мамай за

* Имеется в виду Успенский собор в Московском Кремле, основанный в 1326 г. митрополитом Петром. В 1475—1479 г. на месте старого Успенского собора, заложенного Петром, был построен архитектором Аристотелем Фьорованти новый Успенский собор, сохранившийся до наших дней.

православную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан нынешних и будущих; возьмем с собою скипетр царя небесного, непобедимую победу, и восприимем тем Авраамову доблесть». И призвал он бога и сказал: «Господи, услышь мольбу мою о помощи! Боже, на помощь приди мне! Пусть покроются враги наши стыдом и срамом и узнают, что имя твое — господь, что ты един вышний во всей земле».

И, соединившись со всеми князьями русскими и собрав всю силу, без промедления пошел он из Москвы против врагов, желая защитить свою вотчину, и пришел в Коломну и собрал воинов своих сто тысяч и пятьдесят тысяч, и то без полков княжеского и воевод поместных. И от начала мира не бывало такой силы русских князей и воевод поместных, как при этом князе. Было всей силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести. И к этому еще приспели издалека в ту смутную годину великие князья Ольгердовичи поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами да брат его князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В это время Мамай стал за Доном, возносясь и гордясь и гневаясь, и стоял так со всем царством своим три недели. И вот пришла к князю Дмитрию новая весть. Поведали ему, что Мамай за Доном, собрав силы, стоит в поле, ожидая к себе на помощь Ягайла с литовцами, чтобы, когда соберутся вместе, одержать общую победу.

И начал Мамай посылать к князю Дмитрию и дань просить, как было при Чанибеке-царе*, а не по своему соглашению. Христолюбивый же князь, не желая кровопролития, согласился Мамаю дань дать по христианской силе и по своему соглашению, как с ним договорился. Мамай же не захотел этого в своей гордыне, ожидая своего нечестивого сообщника литовского. Олег же, изменник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, начал Мамаю дань давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия.

* Т. е. при хане Золотой Орды Джанибеке (был ханом с 1342 по 1357 г.). Существует версия, что он был убит своим сыном Бирдибеком.

И когда узнал князь Дмитрий об обмане лукавого Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, поднявшегося на своего владыку, вздохнул он из глубины сердца своего и сказал: «Господи, замыслы неправедных разрушь, а зачинающих войны погуби. Не я начал кровь проливать христианскую, но он, Святополк новый. Воздай же ему, господи, в семижды семь раз больше, ибо во тьме он пребывает, и забыл благодать твою. Заострю, как молнию, меч мой, и пусть свершит суд рука моя, отомщу врагам и ненавидящим меня отомщу и напою стрелу мою кровью их, чтобы все говорили неверные: «Где же бог их?» Отврати, господи, лицо свое от них и покажи им, господи, весь гнев свой, наконец, так как род их развращен и нет в них веры в тебя, господи, и пролей на них гнев свой, господи, на народы, которые не признают тебя, господи, и имени твоего святого не призывают. Какой бог более велик, чем бог наш? Ты бог, творящий чудеса, — един!»

И, окончив молитву, пошел он в церковь Пречистой к епископу Герасиму* и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти против окаянного этого сыроядца Мамая, и нечестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света во тьму». Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов его на поход против нечестивых агарян.

И пошел князь Дмитрий из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа, уповая на милосердие божие и на пречистую его мать богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь честной крест. И, пройдя свою вотчину и великое свое княжество, стал на Оке около устья реки Лопасни, перехватывая вести о поганных. Тут догнали князя Дмитрия Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и все остальные воины, что были оставлены в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до Семенова дня**, в день воскресный. Переехав за реку, вошли в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переправился со своим двором, а в Москве оставил воевод своих у великой княгини у Ев-

* «Пречистая» — коломенский собор Успения Богородицы. Коломенским епископом в 1380 г. был Герасим.

** Т.е. 24 августа.

докии*, а у сыновей своих, у Василия, и у Юрия, и у Ивана, — Федора Андреевича.

И когда услышали в городе Москве; и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, то была в городе Москве печаль великая, и во всех концах города поднялся плач горький и вопли и рыдания, и казалось, будто Рахиль рыдает горько: оплакивали жены русские детей своих, рыдая в голос и захлебываясь слезами, не в силах сдержаться, потому что пошли те с великим князем за всю землю Русскую на острые копья. Да и кто не погорюет из-за рыдания женщин этих и горького их плача? Каждая в душе своей говорила: «Увы мне, бедные наши дети! Лучше бы нам было, если бы мы вас не родили, тогда не страдали и не печаловались бы мы из-за гибели вашей. Почему виноваты мы в гибели вашей?».

Великий же князь пришел к реке к Дону за два дня до Рождества святой богородицы**. И тогда подоспела грамота от преподобного игумена Сергия*** — от святого старца благословение. В ней же написано благословение, призывающее великого князя биться с татарами: «Господин, иди на врага, да поможет тебе бог и святая богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях, мы же во имя господа бога нашего при-

* Женой Дмитрия Донского (с 1367 г.) была суздальская княжна Евдокия (Авдотья) Дмитриевна, дочь суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. От брака с Евдокией Дмитрий Донской имел 12 детей — 8 сыновей и 4 дочери. Евдокия пережила мужа на 18 лет (ум. в 1407 г.).

** Т.е. 6 сентября (Рождество Богородицы отмечается Церковью 8 сентября).

*** Основатель Троицкого монастыря в лесах, окружавших небольшой древнерусский город Радонеж (отсюда — Сергей Радонежский), на реке Кончуре (в 70 км на северо-восток от Москвы, в настоящее время — Троице-Сергиева лавра в г. Сергиев Посад Московской обл.). Пользовался огромной популярностью среди различных слоев населения, играл большую роль в политической и церковной жизни всей Руси. Поддерживал политику великого князя Московского по объединению русских княжеств вокруг Москвы. Благословение Сергием великого князя Московского на борьбу с Мамаем имело важное идеологическое значение и придавало походу Дмитрия значение общерусского священного дела. Умер в 1392 г., еще при жизни почитался как святой.

зовем: даруй мне, господи, победу над супостатами и помоги мне, оружием креста низложи врагов наших, ведь, уповая на тебя, побеждаем мы, прилежно молясь пречистой матери твоей». И, сказав так, начал полки расставлять и велел всем облачиться в одежды праздничные, как подобает великим ратникам, а воеводы вооружили свои полки. И подошли к Дону, и стали тут, и долго совещались, ибо одни говорили: «Иди, князь, за Дон», а другие советовали: «Не ходи, потому что умножились враги наши — не только татары, но и литовцы и рязанцы».

Мамай же, узнав о приходе князя Дмитрия к Дону и видя побитых своих воинов, разъярился взором и помутился умом и распалился лютой яростью, словно змея какая-то, дышащая гневом. И воскликнул Мамай: «Выступайте, силы мои бесчисленные и власти и князя. Пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия и будем ждать прихода сообщника нашего Ягайла с его силой».

Когда князь услышал о похвальбе Мамае, то сказал: «Господи, не повелел ты в чужие пределы вступать, и я, господи, не преступил этой заповеди. Этот же, господи, подкрался, как змей к гнезду; окаянный Мамай, нечестивый сыроядец, на христианство дерзнул, кровь мою желая пролить, и всю землю осквернить, и святые божий церкви разорить». И сказал он: «Что такое великое свирепство Мамаево? Как некая ехидна, брызжащая ядом и из неведомой пустыни приползшая, пожрать нас хочет. Не предай же меня, господи, сыроядцу этому Мамаю. Покажи мне славу своего божества, владыка. Где ангельские лики? Где херувимское предстояние? Где серафимов шестикрылых служение? Пред тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы, ты солнце и луну сотворил и землю украсил всеми красотами, яви мне, боже, славу свою, и ныне, господи, обрати печаль мою в радость и помилуй меня, как помиловал ты слугу своего Моисея, в горести души возопившего к тебе, и столпу огненному повелел идти пред ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка истинный господь страшное возмущение в тишину превратил». И, произнеся это все, брату своему и всем князьям и воеводам великим сказал он: «Приспело, братья, время битвы нашей; и наступил праздник царицы Марии, матери божьей, богородицы, и всех небес-

ных чинов госпожи и всей вселенной — честное ее Рождество. Если останемся живы, — мы в руках господа, если же умрем за мир сей, — мы в руках господа».

И приказал он мосты мостить через Дон и бродов искать той же ночью, в канун Рождества пречистой матери божьей, богородицы. На другой день в субботу рано утром, восьмого сентября в самый праздник — Госпожин день, когда стало всходить солнце, была великая тьма по всей земле: стоял туман с утра и до третьего часа*. И повелел господь тьме отступить и пришествие света даровал. Князь же подготовил к бою свои полки великие, и все его князья русские свои полки к бою подготовили, и великие его воеводы облачились в одежды воинские. И отверзлись запоры смертные, задрожала земля, охватил ужас воинов, собравшихся издалека, с востока и запада. Пошел гул земной за Дон, в дальние концы земли, и, лютый и страшный, стремительно перекатился он через Дон, так что и основание земли заколебалось от множества сил.

* В Древней Руси часы отсчитывались только днем, начиная с восхода солнца, в зависимости от времени года, таким образом, обозначение часов менялось. Времясчисление в сентябре 1380 г. соотносится с теперешним в такой последовательности: 1-й час дня соответствует 6 ч. 30 м.; 2-й — 7 ч. 30 м.; 3-й — 8 ч. 30 м.; 4-й — 9 ч. 30 м.; 5-й — 10 ч. 30 м.; 6-й — 11 ч. 30 м.; 7-й — 12 ч. 30 м., и т. д. Эту особенность древнерусского счета времени следует учитывать и во всех последующих случаях, когда в текстах называются часы событий.

И когда князь перешел за Дон в поле чистое, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы, то один господь бог вел его, не был ему бог чужд. О, крепкая и твердая дерзость мужества! О, как не испугался, не устранился такого множества вражеских воинов? Ведь поднялись на него три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. И все же всех их не испугался, нисколько не устранился, но, верою в бога вооружившись, и силою креста честного укрепившись, и молитвами пресвятой богородицы оградившись, богу помолился, так говоря: «Помоги мне, господи боже мой, и спаси меня милости твоей ради, видишь, как враги мои умножились против меня. Господи, почему так: умножились враждующие со

мной? Многие поднялись на меня, многие борются со мною, многие, враждующие со мной, преследуют меня, все народы ополчились на меня. Именем господним сопротивляюсь им».

И был шестой час дня, и начали появляться поганые измалытчане в поле, ведь было это поле чисто и велико очень. И тут изготовились татарские полки против христиан. И тут сошлись полки. И, великие силы увидев, пошли войска, и земля загудела, горы и холмы затряслись от множества бесчисленных воинов, извлекавших и взявших в руки оружие обоюдоострое. И слетелись орлы, как написано: «Где трупы, там и орлы». Когда пришел срок, прежде всех начали сходитья сторожевые полки русские и татарские. Сам же великий князь ринулся сначала в сторожевых полках на поганого царя Теляка*, дьявола во плоти, прозываемого Мамаем; после этого, немного погодя, вернулся князь в главный полк. И вот пошла великая рать Мамаева и вся сила татарская, а отсюда великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изготовив полки, пошел против поганых половцев со всеми войсками своими. И, с умилением возрев на небо, вздохнул он из глубины сердца и произнес слово псаломское: «Братья, бог нам — прибежище и сила».

И тотчас сошлись обе силы великие на долгое время, и покрыли полки поле будто на десять верст — столь много было воинов. И была эта великая сеча жестокой и битва упорной, так что земля содрогнулась, и от начала мира не бывало такой сечи у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. И бились они так с шестого часа до девятого, как дождь из тучи, лилась кровь тех и других — русских сынов и поганых; бесчисленное множество пало убитыми с той и другой стороны: много русских побито татарами, а русскими — татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело христианское. И

* Смысл данного отрывка недостаточно ясен. Можно предположить, что здесь идет речь о хане Тюляке, одном из марионеточных ханов Мамаева. В Львовской летописи под 1378 г. помещен текст ханского ярлыка, в котором говорится: «Тюляково слово Мамаевою дяденою мыслью...» (ПСРЛ. Т. XX, 1-я пол. СПб., 1910. С. 198). Однако есть и иное объяснение слова «теляк». В тюркских языках это слово означает — «зайка, бормотун», и тогда в рассматриваемом контексте его можно толковать как оскорбительное прозвище Мамаева.

было видно, как в одном месте русский за татаринoм гонится, в другом — татарин русского настигает. Смешалось все и перепуталось, ибо каждый стремился своего противника одолеть.

И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши разрываются, очи наши не могут горячих слез источать, языки наши немеют, горло мое пересохло, и сердце замирает, чресла мои окостеневают, колени мои подгибаются, а руки цепенеют».

Что нам промолвить или сказать, видя пагубную смерть? Одних мечами рубили, других на копья вздымали. И охваченные страхом москвичи многие неопытные, увидев это, устрашились и отчаялись в своей жизни и обратились в бегство, и побежали, забыв, как мученики говорили друг другу: «Братья, потерпим немного: зима люта, но рай сладок, и страшен меч, но сладка награда». И иные сыновья агарянские бросились бежать, слыша крик страшный и видя злое убийство.

И вот потом, в девятый час дня, обратил господь милостивый взор свой на всех князей русских и на мужественных воевод и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не устрашившихся, как не устрашаются великие воины. Видели праведные, как в девятом часу во время боя помогали христианам ангелы и святых мучеников полк, воина Георгия и славного Дмитрия*, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, был среди них и воевода высшего полка небесных воинов архистратиг Михаил.

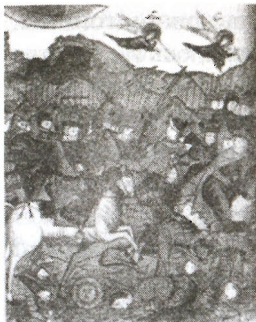
Двое воевод видели эти полки, трехсолнечный полк и пламенные их стрелы, которые летели на врагов. Безбожные же татары от страха божия и от оружия христианского падали. И даровал бог нашему князю победу над иноплемениками.

А Мамай, затрепетав от страха и громко восстенав, воскликнул: «Велик бог христианский и велика сила его: братья измайльтяне, беззаконные агаряне, бегите непроторенными доро-

*Св. архистратиг
Михаил*

* Имеются в виду святые, считавшиеся покровителями воинов на брани, — Георгий Победоносец и Дмитрий Солунский.

*Ангелы помогают
московскому войску*

гами». А сам, повернув назад, без промедления побежал в Орду. И, услышавши, что сказал Мамай, побежали и все его темники и князья. Видев это, и остальные иноплеменники, гонимые гневом Божиим и охваченные страхом Божиим, от мала и до велика в бегство устремились. Христиане, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. Ведь бог невидимую силой устранил полки татарские, и, побежденные, обратили они тыл свой под удары. И в погоне этой одни татары, уязвленные оружием христиан, пали, а другие в реке потонули. И гнали их до реки до Мечи, и в ней бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали содомлян, избивая, до стана их, и захватили много богатств и все достояние их содомское.

И тогда на этом побоище убиты были в схватке: князь Федор Романович Белозерский, сын его Иван, князь Федор Тарусский*, брат его Мстислав**, князь Дмитрий Монастырев***, Семен Михайлович, Микула, сын Василия тысяцкого, Михаила Иванович, сын Акинфа, Иван Александрович****, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, по прозвищу Волуй, Михаила Бренков, Лев Мозырев*****, Семен Мелик, Дмитрий Мининич*****, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и многие другие, имена которых не запи-

* В поздних летописях Федор Тарусский назван в числе убитых под Белевым в 1438 г. В пергаменном Синодике XV в. в перечислении убитых на Куликовом поле этого имени нет. Федор Тарусский после своей гибели на Куликовом поле в 1438 году вновь погибнет под Белевом.

** По другим источникам это имя неизвестно.

*** Боярин Дмитрий Александрович Монастырев был убит не на Куликовом поле, а в 1378 г. в битве на реке Воже.

**** Кто имеется в виду, неизвестно.

***** Искаженное написание имени Льва Морозова.

***** Боярин Дмитрий Иванович был убит не на Куликовом поле, а раньше, в 1368 г., в бою на реке Тросне во время набега на Москву Ольгерда Литовского.

саны в этих книгах. Это записаны только имена князей, и воевод, и знатных и именитых бояр, а остальных бояр и слуг опустил я имена и не записал из-за их множества, так как число их выше моего разума, ибо многие в этой битве убиты были.

У самого же князя великого все доспехи его были разбиты и повреждены, но на теле его не было ни единой раны, а бился с татарами лицом к лицу, впереди всех, в первой же схватке. Поэтому-то многие князья и воеводы несколько раз говорили ему: «Князь наш и господин, не становись биться впереди, но стань в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Да как же я призову: «Братья мои, ринемся в бой все как один», — а сам буду лицо свое прятать и хорониться сзади? Не могу я так поступить, но хочу как на словах, так и на деле впереди всех и перед всеми голову свою положить за своих братьев и за всех христиан, чтобы и остальные, видя это, с усердием ринулись в бой». И как сказал, так и поступил: бился тогда с татарами, став впереди всех. И справа и слева от него дружину его перебили, самого же вокруг обступили, как вода в половодье со всех сторон, и много ударов нанесли и по голове его, и по плечам, и по телу, но от всего этого бог защитил его в день битвы щитом истины, и оружием благоволения осенил голову его, десницей своей защитил его, и рукой крепкой и мышцей высокой бог избавил и укрепил его, и так среди многих ратников остался он невредим. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня, — как сказал пророк Давид, — всевышнего сделал ты прибежищем твоим; не постигнет тебя беда, и раны не приблизятся к телу твоему, ибо ангелам своим поручил тебя, чтобы хранили тебя во всех путях твоих, и не утратишься стрелы, летящей днем».

Было же это из-за грехов наших: ополчаются на нас иноплеменики, чтобы отступили мы от своих неправд, от братоненавистничества и от сребролюбия, и от суда несправедного, и от насилия. Но милосерд бог человеколюбец: не до конца гневается на нас, не вечно наказывает.

А из страны литовской Ягайло, князь литовский, пришел со всею силою литовскою пособлять Мамаю, татарам поганым на помощь, а христианам на пакость, но и от них бог избавил: не успели к сроку совсем немного — на один день пути, а то и меньше. А как только услышал Ягайло Ольгердович и вся сила

его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежден и бежал, то без всякого промедления литовцы с Ягайлом побежали назад стремглав, никем не преследуемые. В то время, не видя князя великого, ни рати его, ни вооружения его, а только слыша имя его, Литва приходила в страх и трепет. Не так, как в нынешние времена, когда литовцы издеваются и насмеваются над нами. Но мы этот разговор оставим и к прежнему вернемся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром и с князьями русскими, и с воеводами, и с остальными боярами, и со всеми уцелевшими воинами, став той ночью на поганых обедах, на костях татарских, утерев пот свой и отдохнув от труда своего, великую благодарность вознес к богу, который даровал такую победу над погаными и избавил раба своего от лютого оружия: «Вспомнил ты, господи, милость свою, избавил нас, господи, от сыроядцев этих, от поганого Мамаю и от нечестивых измаильтян и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын своей матери. Укрепил ты стремление к подвигу, как наставлял на подвиг слугу своего Моисея, и древнего Давида, и нового Константина, и Ярослава, родича великих князей, пошедшего на окаянного и на проклятого братоубийцу, безрасудного зверя Святополка. И ты, богородица, помиловала милостью своею нас, грешных рабов твоих, и весь род христианский, умолила бессмертного сына своего». И многие князья русские и воеводы превеликими похвалами прославили пречистую мать Божию Богородицу.

И снова христоробивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и твердо сражалась, и мужественно встала, и отстояла с божьей помощью веру христианскую.

И возвратился князь Дмитрий в богом хранимый город Москву, в свою вотчину, с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, и верблюдов, и волов, а их невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и много добра.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу и на реке разрушил мост, а тех, кто поехал домой с Донского побоища через его вотчину,

Рязанскую землю, бояре ли или слуги, велел он тех хватать и грабить и нагими отпускать. За это князь Дмитрий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и рассказали, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И много молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же послушал их, принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя разгромленным, посрамленным и поруганным, снова разгневался и разъярился он и, в сильной тревоге, собрал остатки своего войска и опять хотел пойти изгоном* на Русь. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него царь некий с Востока, Тохтамыш, из Синей Орды. Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. Мамаевы же князья, сшедши с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и поклялись ему по законам своей веры, и подчинились ему, а Мамаю оставили поруганным.

Мамай же, увидев это, без промедления бежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ними в погоню воинов своих. Мамай же, гонимый, спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал к окрестностям горсда Кафы и снесся с кафинцами по договору и по обещанной ему защите, чтобы они его укрыли у себя, пока не отступят от него все его преследователи. И они разрешили ему. И Мамай прибежал в Кафу со множеством богатств, золота и серебра. Кафинцы же, сговорившись, обманули его, и был он тут ими убит. Таков был конец Мамаю.

А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и царицу его, и казну его, и улус весь его взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И тогда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и о том, как он воцарился, как своего и их врага Мамаю победил, а сам пошел и сел на царство Волжское. Князья же

* Неожиданно быстрым набегом.

русские послов его отпустили в Орду с честью и с дарами многими, а сами зимой той и весною вслед за послами отправили каждый своих киличеев со многими дарами.

«СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Основной памятник Куликовского цикла — «Сказание о Мамаевом побоище» — впервые был опубликован в 1829 г.* Это был вариант Основной редакции «Сказания...», условно называемый «Печатным» (так как именно этот вариант оказался напечатанным впервые), который отличается обилием заимствований из «Задонщины». Эта публикация прежде всего обратила на себя внимание тем, что в напечатанном памятнике не только отдельные слова, но и целые фразы и обороты совпадали со «Словом о полку Игореве».

О чем рассказывает «Сказание о Мамаевом побоище»?

Языческий князь Мамай решил по поущению Господа покорить христиан.

«Попущением божьим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя господне у верных господу. Господь же наш бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и совершит».

А тот безбожный **Мамай** позавидовал царю Батыю, но **решил** не разграблять Русь, а захватить и **осесть в русских горо-**

* Русский зритель. Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. Ч. 5. М., 1829.

дах наравне с русскими дворянами. «Тихо и безмятежно проживем».

И переправился он с левого берега Волги на правый берег.

И пришел на устье реки Воронеж, где решил пробыть до осени*.

Скудость ума была в голове князя Олега Рязанского, послал он сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и со многими дарами и писал грамоты свои к нему так:

«Восточному великому и свободному царям царю Мамаю — радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Димитрия Ивановича Московского, утратить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская и всякими драгоценностями, твоему владению на потребу. А князь Дмитрий Московский — человек христианский, как услышит слово ярости твоей, то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а большое богатство московское и золото — все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о, царь: я ведь для тебя сильно устрашаю Русь и князя Димитрия. И еще просим тебя, о, царь, оба раба твоих, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду приняли мы великую от этого великого князя Димитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он о том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну он себе захватил — и о том обо всем, о, царь, жалобу воссылаем тебе».

И другого тоже послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте так: «К великому князю Ольгерду Литовскому** — радоваться великою радостью! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Димитрия Ивановича Московского, с тем, чтобы из-

* Что странно, если он надумал нападать на Русь.

** Погибшему в 1377 г., за три года до письма Олега.

Коломна. Рисунок Олеария

гнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало время наше, ибо великий царь Мамай грядет на него и на зем-

лю его. Теперь же, княже, мы оба присоединимся к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне даст город Коломну*, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца, и что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как — сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том».

Князь же Ольгерд Литовский**, узнав все это, очень рад был высокой похвале друга своего князя Олега Рязанского, и отправляет он быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так:

«Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, очень тебя просит. Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Дмитрия, потому и молю тебя, свободный царь, раб твой, что великую обиду наносит князь Дмитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также много вреда причиняет. Господин царь свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о, царь, твое внимание на наши страдания от московского князя Дмитрия Ивановича».

Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: «Когда услышит князь Дмитрий о приходе царя, и ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью и умолим его, и возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московс-

* Коломна, изначально рязанский город, была отнята у рязанского князя силой.

** Ольгерд — имя указано ошибочно. В это время у власти стоял Ягелло.

кое по царскому велению разделим меж собою — то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам нашим после нас». Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малые дети, не ведающие божьей силы и господнего предназначения. Ибо воистину сказано: «Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога уповаet, то такого человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеянье».

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и послания. Царь же принял дары с любовью и письма и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой:

«Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми отдарю вас. А вы мне клятву дайте и встретьте меня там, где успеете, и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна: если бы я теперь пожелал, то свою силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи. Теперь же прославления от вас хочу, моим именем царским и угрожаньем, а вашу клятвой и властью вашу разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои».

Князь же Олег Рязанский отправляет к Мамаю послов, говоря: «Выступай, царь, скорее на Русь!»

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю, князь великий Дмитрий Иванович сильно опечалился из-за нашествия безбожных.

Нанял бесермен, армян, фрягов, черкесов, ясов и буртасов.

Великий князь Дмитрий узнает, что в союзе с Мамаем выступают Олег Рязанский и князь литовский.

Дмитрий «впадает в печаль», горячо молится и посылает «по брата своего» Владимира Андреевича Серпуховского, «по вся князи русские» и «воеводы».

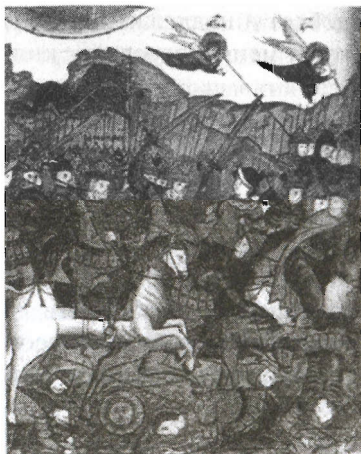
Коломна. Рисунок Олеария

Московиты

Св. архистратиг Михаил

Ангелы помогают московскому войску

Князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего князя Владимира Андреевича, поехал в Киев и пришел к преосвященному митрополиту Киприану*, изгнанному из Москвы великим князем за три года до этих событий и жившему в Киеве, и сказал ему: «Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание это великое — ведь безбожный царь Мамай движется на нас, с неизменной решимостью ярость распаляя?» Митрополит же сказал великому князю: «Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?» Князь же великий сказал: «Проверил я, отче, все точно, что все по заветам наших отцов дани, и даже еще больше, выплатил дани ему». Митрополит же сказал: «Видишь, господин мой, попущением божьим ради наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам **надлежит**, князьям православным, тех нечестивых дарами **удовлетворить хотя бы и вчетверо**. Если же и после того не смиритя, то господь его усмирят, потому что господь дерзким противится, а смиренным благодать подает».

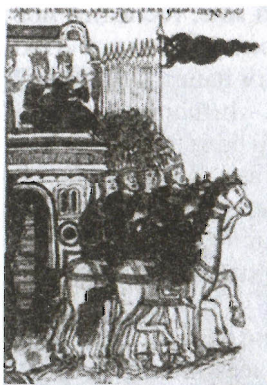
Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича и всех князей русских, поехал к живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители.

И сказал Сергей: «Пойди, господин, на языческих половцев, призывая бога, и господь бог будет тебе помощником и заступником», и добавил ему тихо: «Победишь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябю, тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро сготовиться, идти с великим князем, ибо были они известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили.

Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах, и повелел

* Изгнанный князем Димитрием из Москвы в 1378 г., митрополит всея Руси Киприан, бежав в Киев, проклял Димитрия и его окружение «по правилам святых отец».

им вместо шлемов золоченых возлагать их на себя. И передал их в руки великого князя и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранники», и сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами!» И осенил Христовым знамением все войско великого князя — мир и благословение.

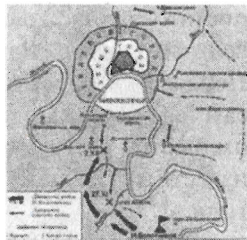

«Великая княгиня Евдокея и княгини Володимерова зрят на великих князей ис терема златоверхаго»

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь, словно сокровище непохищаемое получил — благословение святого старца. И вернувшись в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и говорит одному митрополиту все, что сказал ему старец святой Сергей тайком и какое благословение дал ему и всему его православному войску*. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира на Брашево дорогою, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою. Впереди же ему солнце ярко сверкает, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им было одной дорогой.

Когда же наступил четверг августа 27, день памяти святого отца Пимена От-

И. Болотников на ближнем Куликовом поле

* Как смогли князья в одно лето дважды побывать в Киеве? Ведь в Москву Киприан в этом году не возвращался. Или все же специально приходил, забыв обиды и гонения?

шельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам.

Дмитрий собирает войско, во главе которого выступает из Москвы, держа путь на Коломну. Многие воеводы и воины и встретили его на речке на Северке*. Архиепископ же коломенский Геронтий встретил великого князя в воротах городских с живоносными крестами и со святыми иконами со всем своим клиром и осенил его живоносным крестом и молитву сотворил: «Спаси, боже, люди твоя».

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю.

В святое же воскресенье после заутрени начали многих труб боевых звуки звучать, и литавры многие бить, и знамена шумят расшитые у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширные поля коломенские, так что нельзя и ступить от огромного войска, и невозможно было никому очами окинуть рати великого князя. Князь же великий, выехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя великое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу.

У Оки-реки князь «перенимает» «вести от поганых», «отпускает в поле третью сторожу». В «Летописной повести» великий князь собирается дать Мамаю «выход» «по крестьянской силе и по своему докончанию»**; пытается умилостивить Мамаю дарами. К Дмитрию присоединяются князья Ольгердовичи [по «Летописной повести» — еще в Коломне, по «Сказанию...» — вблизи Дона. Согласно обоим рассказам, Дмитрий оставляет в Москве своих сыновей и жену Евдокию. Описание горя Евдокии в «Сказании...» находит от-

Князья взошли на высокое место для смотра войск

* Река Северка была границей Московского княжества.

** Некоторые указывают, что монголы получали всего по полкило зерна с крестьянина, но подтвердить этого я не могу. — А.Б.

Переправа через Оку

звук в «Летописной повести» в плаче жен по ушедшим из Москвы воинам].
 Переправляясь через Оку, Димитрий приказал, проходя по Рязанской земле, «не трогать ни волоса», то есть запретил своему войску грабежи.
 Олег Рязанский очень боялся московских отрядов и «переходил с места на место».

Ольгерд Литовский привел войско свое, состоящее из шведов, литовцев и лотваков, пришел в Одоев, находящийся в 140 км от Куликова поля, но, узнав, что Димитрий идет с большим войском, не поспешал к Мамаю.

Татарский дозор на Куликовом поле. У одного из них — огнестрельное оружие — пищаль

У Дона происходит обсуждение вопроса о переправе. Мамай, узнав о переходе Дона русскими войсками, «возъярился зраком и смутися умом и распалися лютою яростию», «разжен бысть дияволом».

Прислал перед битвой игумен Сергей благословение еще до перехода Дона.

Было видение дивное на реке на Чуре разбойнику Фоме Коцибею, бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое очень, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли

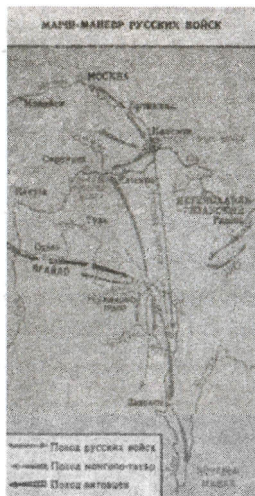
двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнце, в обеих руках у них острые мечи, и сказали предводителям татарским: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся.

Дмитрия уговаривают отказаться от участия в битве «напреди».

Великий князь, утвердив полки, возвращается под свое красное знамя, передает своего коня и свою одежду Михаилу Бренку и повелел «тое знамя над ним возити».

Встретились на огромном поле Куликовом два войска. И из татарского отряда вышел вперед печенег*, доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его**.

И увидел его Александр Пересвет***, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним перевестись!» И был на голове его шлем как у архангела, вооружен он схиною по повелению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, греш-

* Печенеги — тюркское племя, проживавшее на правом берегу Днепра от Киева к югу.

** В некоторых списках «Сказания...» различных редакций, генеалогически не связанных с Основной редакцией, слов о том, что Голиаф пяти сажен в высоту и трех сажен в ширину, нет. На основании этого можно предположить, что и в авторском тексте памятника говорилось лишь о том, что противник Пересвета был подобен древнему Голиафу. Но уже в очень раннее время появилась потребность конкретизировать описание этого персонажа, дать более яркое определение его внешности, которое строилось по принципу контраста: непомерная величина ордынского богатыря и обычный человеческий облик Пересвета. В более поздний период литературной жизни «Сказания о Мамаевом побоище» образ противника Пересвета стал ассоциироваться у читателей и переписчиков этого произведения с былинным образом Идолища поганого. В некоторых списках мы встречаем уже такое описание ордынского богатыря: «Таврул татарин приметами уподобился древнему Гольяду: высота того татарина трех сажен, а промеж очей локоть мерный» (см.: Список конца XVII в., БАН. 21.10.17). И уж совершенно как Идолище поганое рисуется он в списке XVII в. ГИМ, Уваровское собр., № 802: «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа доброго, а глава его, аки пивной котел, а между ушей у него стрела мерная, а между очи у него, аки питии чары, а конь под ним, аки гора велия». Поскольку оба упомянутых списка относятся к XVII в., то можно предположить, что такое описание появилось в «Сказании...» под воздействием устного народного творчества в XVII столетии.

*** Согласно «Задонщине» Пересвет — брянский боярин. В летописных повестях и в «Сказании...» названо второе имя Пересвета — Александр. В Распространенной редакции сказано о нем: «чернец-любочанин».

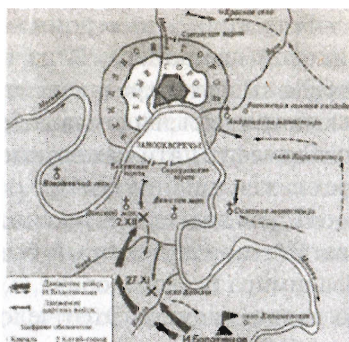

«Великая княгиня Евдокия и княгини Володимерова зрят на великих князей ис терема златоверха»

Переправа через Оку

*Татарский дозор на Куликовом поле.
У одного из них — огнестрельное
оружие — пицаль*

*И. Болотников на ближнем
Куликовом поле*

*Князья взошли на высокое место
для смотра войск*

ного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!» — бросился на печенуга и добавил: «Игумен Сергей, помоги мне молитвою!» Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Бой Пресвета с половецким богатырем

8 сентября сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею*. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть это свирепое побоище.

Татары, принимая Бренка за предводителя, нападают на него всеми силами. Бренк гибнет в бою.

И самого великого князя ранили сильно и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и божьего силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их божьей милостью, они еще больше укрепились.

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую погибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас будет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час».

* Меѡа — по-сербски, по-старорусски — «Чура», что значит «Граница».

В бою даже «многие мертвые помогаху нам и секуще без милости».

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!»

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали, и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, русь снова перехитрила: младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя, посекали их, точно лес вырубали, будто трава под косою подстилается за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!» И многие раненные наши и те помогали, посекаяя поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна, и Салавата, и Раклия, и Хорса, и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, пожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что будто лютые звери скакали и разрывали будто овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали их, потому что кони утомились, а у Мамаю свежи кони его, и ушел от погони.

И встал на поле Куликовом как победитель Владимир Андреевич под своим черным знаменем.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие — как морское пространство, а трупов человеческих — как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли*.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать, и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?»

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?» Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею**». Еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский, тот сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, израненный весь. Оттого не мог я ему помочь — преследовали меня три татарина, и милостью божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился».

* С тех пор речка, текущая по полю Куликову, названа Кровяница. Кровяница — приток Чуры.

** «И сказал ему первый, самовидец, Юрка-сапожник: «Я видел его, государя, на третьем часу, сражался он железной палицей». Видели, как его «с коня сбили», но «он же сел на другого коня». Второй самовидец, Васюк Сухо-борец, сказал: «Я видел его в четвертом часу, бился он крепко». Третий сказал — Сенька Быков: «Я его видел в пятом часу, бился он крепко». Четвертый же сказал — Гридя Хрулец: «Я его видел в шестом часу, бился он крепко с четырьмя татаринами». Некто по имени Степан Новосельцев, тот сказал: «Я видел его в седьмом часу, крепко сражавшимся перед самым твоим выездом из дубравы, шел он пеший с побоища, тяжело раненый. А на великого князя наезжали три татарина». Из рассказанного этими очевидцами ясно, что Дмитрий Донской «крепко сражался» в течение всей битвы, от «первого сступа» до атаки засадного полка, после которой ордынцы обратились в бегство.

Князь же Владимир сказал: «Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет средь нас!» И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищущи победы победителя. И некоторые набрели на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь*.

Наконец два воина увидели Великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел, и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! ты победил врагов!» Димитрий встал: видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъявил благодарность небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов и сел на коня, здоровый веселием духа, и не чувствуя изнурения.

После битвы все Куликово поле было завалено телами погибших и раненых. Вид побоища поразил с трудом разысканного и едва пришедшего в себя великого князя. При объезде поля он увидел, как сообщают источники, драматическую картину гибели многих своих виднейших сподвижников. Их останки были отправлены в колодах для погребения в родных местах. Что касалось рядовых воинов, то их даже невозможно было точно сосчитать, «зане телеса христианстии и бесурманстии лежаху грудями... никто всех можаше познавати, и тако погребаху вкупе». Похоронами занимались 6 дней**.

Язычник же Мамай сбежал с побоища, инкогнито достиг крымского города Кафы и оттуда вернулся в свою землю. После этого Мамай пошел со своим войском против хана Тохтамыша. Тохтамыш победил, и предали Мамай его воеводы. Бежал Мамай снова в Кафу, где был узан неким купцом и убит генуэзцами.

* Вообще-то подставлять под удар преданного слугу — не самое благородное дело. Да и как мог князь руководить боем, не имея даже хоругви, одетый в одежду рядового ратника?!

** Источники Куликовского цикла дают редкую возможность представить, какое количество русских людей пало в великой битве. Общая численность московского войска в наших описаниях достигает 428 000, а понесенных потерь — 250 000.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский послал Мамаю на помощь свою силу и на реках разрушил мосты. За это князь великий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно, в это самое время, приехали к нему бояре рязанские и рассказали ему, что князь Олег оставил свою землю и сам убежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами, и с советниками своими. Били челом Димитрию рязанцы, и князь посадил в Рязани своих наместников вместо бежавшего Олега.

В 1386 году Федор Олегович (сын Олега Рязанского) женился на дочери Димитрия Донского Софье Дмитриевне.

Князь Владимир Андреевич стал на костях под черным знаменем. Стоял на костях 8 дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Христиан закопали, а нечестивых бросили зверям на растерзание».

Замечания и поправки

Немецкий ученый конца XV в. А. Кранц уже называл эту битву «величайшим в памяти людей сражением». Стало быть, оно (сражение) было. Этого мы не оспариваем.

Владимир Андреевич, внук Калиты, ему принадлежала треть Москвы. Он носит названия Донской и Храбрый. Князь Серпуховский и Боровский. Истинный победитель Куликовского сражения, но так как он был не московским, а серпуховским князем, то и победу позже приписали не ему, а Димитрию, который, к тому же, по нашим летописям, никакими подвигами более не прославлен.

Кого в старину называли князьями Донскими?

«В лето 6918 (1410) августа во 12 день преставись благоверный князь Владимир Андреевич Донской».

Внучка Владимира Андреевича — Мария Донская — была супругой Василия Васильевича Темного.

«В лето 6940 (1432) июля в 10 день преставился благородный князь Андрей Дмитриевич Донской».

Иван Владимирович Донской — 7 октября 1422 года.

Андрей Владимирович Донской — 5 ноября 1425 года.

Афанасий Владимирович Донской — 16 августа 1426 года.

Петр Дмитриевич Донской — 10 августа 1428 года.

Все Донские названы Великими князьями, хотя (по нашим летописям) не занимали Московского престола.

Сергий Радонежский — покровитель земли Русской. Художник С. Харламов, 1992 г.

В «Сказании...» Дмитрий Иванович получает благословение от Сергия, «приде, господине, на поганья половцы». Это противоречит истине. В «Житии Сергия Радонежского» Сергей советовал покориться Мамаю, выступить против татар **«с правдою и покорением, якож пошлина твоя држит покорятися ордынскому царю должно»**. Надо, мол, по старине мир заключить и покориться, хотя если Мамай начнет бой, то проиграет.

Иван Пересветов в челобитной Ивану Грозному пишет: «Служу тебе, государю благоверному, поминая своих пращур и прадед, как служили верно государям русским великим князем, твоим пращурам и прадедам, Пересвет и Ослябя в чернцах в схиме, со благословением Сергия чудотворца на Доньском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче, за веру христианскую, за святые церкви, и за честь государю пострадали, главы свои положили».

«В церкви на Старом Симонове в Москве были гробницы Пересвета и Осляби, тела которых, по преданию, были перевезены в Симонов монастырь с Куликова поля».

Александр Пересвет — из брянских бояр, монах. Пересвет и Ослябя упоминаются в Синодике среди убитых на Куликовом поле. Пересвет якобы был иноком Троицы, и на войну его отправил сам Сергий, но тогда его и захоронили бы в Троице, однако его захоронили в Симоновском монастыре в Москве.

Родион Ослябя, чернец, в 1398 году воскрес и в Царьград «с Москвы поехал с милостынею Родион чернец Ослябя, бывший прежде боярич Любутский» (см.: Троицкая летопись. М.-Л., 1950. С. 448). Андрей Ослябя — под таким именем он известен в «Сказании о Мамаевом побоище». Известен Любутск на Оке (см.: Там же). После кончины Ослябя также погребен в Симоновском монастыре. Они сражались не в рядах удельных князей, а в отряде московского князя. Однако Ослябю приписали к павшим на Куликовом поле лишь потому, что похоронен рядом с Пересветом.

«По русскому обычаю, в память погибших на поле Куликовом построены церкви Всех Святых на Кулишках (XIV в.) и Рождества Богородицы в Симоновом монастыре в Москве (XV в.), Дмитрия Солунского в Новгороде (XV в.)», — сообщает А. Шкурко (см.: Наука и жизнь № 9. 1980).

В Москве уже после 1591 года основан Донской-Богородицкий мужской монастырь в честь победы над крымским ханом Казы-Гиреем с помощью иконы Донской Божьей Матери, якобы подаренной Дмитрию Донскому перед боем с Мамаем донскими казаками.

О казаках, якобы живших на Дону, М.Н. Тихомиров писал (см.: Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 337): «...запустение русских земель, граничащих со степью. К югу от Оки, вплоть до Черного моря, лежала обширная полупустыня. Даже в конце XIV века, спустя 150 лет после первых татарских погромов, путешественник, плывший по Дону, не увидел здесь поселений: «Нельзя было там увидеть ни города, ни села; если прежде и были города прекрасные и богатые, то теперь только места пустые и ненаселенные. Нигде не увидеть человека, только пустыня великая и зверей множество» (ПСРЛ. Т. 11. С. 96). Донской монастырь не стоит на Дону, но назван так потому, что стоит на месте Донского Куликовского сражения. На крови.

*Икона «Богоматерь
Донская»*

В «Сказании...» упоминается икона Владимирской Богоматери, якобы оказавшейся в Москве (перенесенной в Москву только в 1395 г.).

Теперь расскажем о Куликовом поле и о сражении на нем. На поле Куликовом, том, что на Дону-Танаисе, производились раскопки с целью найти оружие павших воинов. Были обнаружены два наконечника копий и личный пистолет хана Мамаея*.

* Ибо если это не его пистолет, то тогда на Куликовом поле вообще оружия не окажется.

На пистолете — двуглавый орел, совсем такой. Надо сказать, что впервые сей символ появился на монетах хана Батыея, хотя некоторые утверждают, что не Батыея, а Джанибека. В любом случае это символ татарской орды.

Так как никакого иного оружия на Куликовом поле найдено не было, то именно это оружие должно было принадлежать либо хану Мамаю, либо князю Дмитрию Донскому.

В европейской литературе впервые о дымном порохе упомянул в XIII веке Роджер Бекон, когда писал о взрывчатых свойствах селитры в смеси с горючими веществами. На Востоке к тому времени порох был уже известен — вторгшиеся в Японию монголы в 1274 году уже применяли взрывающиеся железные шары, т.е. гранаты. К середине XIV в. порох знали во всех государствах Европы. Например, в Голицынской летописи времен царствования Алексея Михайловича написано: «**В лето 6897 (1389 год нашего летосчисления) вывезли из Немец, арматы на Русь и огненную стрельбу и оттого часу уразумели из них стреляти.** В 6803 году (1395 г. н.э.) в княжение Василия Дмитриевича сгорело в Москве несколько дворов от делания пороха». Несмотря на современную аппаратуру и средства контроля, взрывы и пожары случаются в пороходелии и ныне.

Итак, лишь через 9 лет после Куликовского сражения русские тоже научились пользоваться огненным боем, но на Куликовом поле ружья и пистолеты могли быть только у татар, как самых передовых в военном отношении.

Несуразностей в «Сказании...» очень много, и они без всякой критики попадают на страницы современных нам публикаций о Куликовской битве.

Вот, к примеру, как автор одной из «юбилейных» книжек, выпущенных к 600-летию Куликовской битвы, рисует строй русских воинов перед началом битвы: «О последнем вечере и о ночи накануне битвы подробно писал автор Сказания о Мамаевом побоище», и древнее сказание воскрешает величественное зрелище русских полков, разворачивавшихся на Куликовом поле: «Шлемы же на головах их как утренняя заря, — с

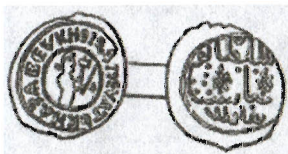
восхищением писал летописец, — доспехи как вода, яловцы же как пламя огненное...»

Но никаких «яловцев» — кожаных треугольных флажков, крепившихся на длинных шпильях (как и самих шпилей), — у русских шлемов этого времени не было. Их упоминание в «Сказании о Мамаевом побоище» — верный признак даты текста: не ранее конца XV века, когда это украшение появилось на русских шлемах в подражание Востоку.

Архангельский летописец сообщает, что Тохтамыш (разоривший в 1382 г. Москву, а это событие по времени отстоит недалеко

Печать Дмитрия Ивановича

Монета Дмитрия Ивановича с русской и арабской надписями

от Куликовского сражения), был убит в этом же году ханом Шадибеком в Сибирской земле, близ Тюмени. Тюмень же построена лишь в 1586 году. В каком же веке воевал Тохтамыш с Дмитрием, раз он немедленно гибнет под городом, построенным в XVI веке?

О встрече литовских рыцарей на Березуе

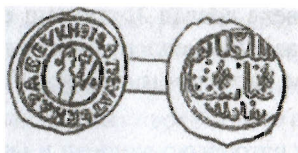
В.В. Каргалов (см.: Куликовская битва, 1980): «4 или 5 сентября русские полки пришли «на место, называемое Березуй, за тридцать три версты от Дона». Здесь к Дмитрию Ивановичу присоединились со своими полками Ольгердовичи, братья великого литовского князя Ягайло — Андрей и Дмитрий. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» подробно рассказывает, как «князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский Ольгердовичи», обменявшись тайными посланиями, решили присоединиться к Дмитрию Ивановичу. Они обошли войско Ягайло через «Северу» (область Путивля и Брянска) и «нагнали великого князя на этой стороне Дона, на месте на Черном, на Березае», «силы с ними пришло 46 000 кованой рати». «Кованая», т. е. одетая в латы, рать новых союзников Дмитрия Ивановича сыграла важную роль в Куликовской битве. Кроме того, откры-

Бой Пресвета с половецким богатырем

Сергий Радонежский — покровитель земли Русской. Художник С. Харламов, 1992 г.

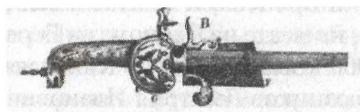
Монета Дмитрия Ивановича с русской и арабской надписями

Печать Дмитрия Ивановича

Икона «Богоматерь Донская»

тый переход на сторону Москвы братьев Ягайло заставил последнего быть осторожнее. Примеру этих Ольгердовичей могли последовать другие литовские князья, относившиеся с симпатией к Руси. В тылу у Ягайло было явно беспокойно, и прибытие в Березуй полоцкого князя Андрея и брянского князя Дмитрия подтвердило это.

На Березуе великий князь Дмитрий Иванович получил точные сведения о местоположении войска Мамаю и его действиях».

Виктор Шавырдин (в журнале «Родина». № 3—4. 1997) пишет: «Встретив в современной книге описание Куликова поля как ковыльного болота (!), где множество змей жалит татарских (почему-то только татарских) коней и всадников, а страшная пылевая буря слепила им глаза, мы, шаг за шагом и ссылка за ссылкой, можем вернуться к тому же начальному тексту со стереотипной для русской воинской повести фразой «и повеял теплый ветерок сзади им...»

Ознакомившись с десятью версиями о местонахождении загадочного места Березуй, где останавливался в походе Дмитрий Донской, и сверив разные списки «Сказания...», мы обнаружим, что этот Березуй — вовсе не одна из нынешних Березовок, а искаженное писцом «на березе», то есть на берегу (Дона).

Чем ближе к XX веку, тем все больше и больше событий становится известно о Куликовской битве. И нам уже трудно проследить, откуда что появляется.

Даже если какой-то первоначальный вариант «Сказания...» и был составлен на рубеже XIV—XV веков, нет никаких сомнений в том, что его главное идейное и фактографическое наполнение состоялось только около 1480 года. При сопоставлении событий, связанных со «стоянием на Угре» Ивана III и Ахмата и событий 1380 года, бросается в глаза их практически полная идентичность.

«Ахмат, как человек не только честолюбивый, но и умный, осторожный, много лет готовился к этому походу... Он ставил своей задачей полностью восстановить власть Орды над Русью; возродить времена Батыея, преемником которого он себя и считал. Давно уже во главе Орды не стоял деятель такого масштаба. Политический кругозор Ахмата был широк — он вел пере-

говоры даже с Венецией... Он мечтал о восстановлении империи. Наследник Чингисхана и Батыя, Ахмат был носителем традиции архаической кочевой империи, хищнической по самой своей природе, с примитивной экономикой, не способной к восприятию явлений Нового времени. В своем лице Ахмат воплощал уходящий в прошлое идеал власти, основанной на жестком, грубом диктате над многоязычными народами Востока. Тем не менее Ахмат был очень силен и достаточно искусен как политик. Ему удалось заключить союз с королем Казимиром, чему он придавал, по-видимому, особое значение. Еще в 1472 году в переговорах с венецианским сенатом по поводу союза против Османской империи Ахмат заявлял, что может выставить в поле 200 тысяч всадников... За счет покорения народов Средней Азии и Северного Кавказа, завоевания Астрахани мощь Ахмата еще усилилась. Весной 1480 года Ахмат поднял на Русь всю Большую Орду, собрал все силы своей огромной, все еще грозной империи» (В.В. Алексеев).

Обратите внимание на основные моменты этой характеристики: Ахмат мечтает восстановить власть Орды над Русью; он считает себя наследником Батыя; Ахмат, заключив союз с польским королем Казимиром, ведет переговоры с итальянцами (Венецией); собирает для похода на Москву всю силу Орды плюс еще воинов из Средней Азии, Северного Кавказа и Нижней Волги (Астрахань).

А теперь сравните это с текстом, который приводит В.Н. Татищев (см.: История Российская. С. 139): «Нечестивый же и гордый князь Мамай... вознесся во уме своем гордостью велию и хотяще вторый Бати быти и всю Русскую землю пленити. И начат испытывати от старых деяний, како хан Батый пленил Русскую землю и всеми князи владел, яко же хотел. И вознесся гордостью свыше Батыя в безумии своем... И созва многи татара от волжских орд, таже собра воинства много».

Читаем у П. Карышевского (см.: Куликовская битва. 1955. С. 38—41): «Мамай хотел не просто удачного грабительского похода, но полного подчинения Руси. Пока Мамай собирал и готовил силы для решающего похода... Всю зиму и весну в Орде шла подготовка к небывалому со времен Батыя нашествию на Русь. Кроме кочевников, в его войсках были и наемники — генуэзцы из Крыма, где находились в ту пору владения Генуи...

Одновременно... Мамай вступил в переговоры с рязанским князем Олегом и великим литовским князем Ягайло».

А вот что пишет Каргалов: «Речь шла... не о простом грабительском походе Мамай, а о большой войне, предпринимавшейся Ордой с далеко идущими политическими целями... Литовский великий князь Ягайло, обеспокоенный ростом могущества Москвы, охотно присоединился к Мамаю... Мамай собрал огромное по тому времени войско; по существу, это были объединенные военные силы всей Орды... Для похода на Русь он нанял военные отряды из Крыма, подвластного тогда Орде, с Северного Кавказа, из Поволжья».

Обратите внимание: обстоятельства событий, разделенных столетием, совпадают до мелочей. Но посмотрим, что было дальше.

В.В. Алексеев: «Медленно двигалась Большая Орда по Дикому полю. Ахмат не рассчитывал на эффект внезапности. Большое значение он придавал совместным действиям всех антирусских сил, своему союзу с Казимиром».

«Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке, все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ» (*Скрынников Р.Г.* На страже рубежей Московских. К., 1986. С. 30).

Сравним: «Возле устья реки Воронеж Мамай простоял не менее трех недель, поджидая, когда вернутся его послы от великого литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега. Именно в это время уточнялся план их совместного похода на Русь... Мамай медлил, не двигался от устья Воронежа к русским рубежам... В Москве узнали, что Мамай не торопится, поджидает союзников» (Каргалов. С. 58—65).

Дальше — еще любопытней.

«В воскресенье 23 июля в поход из Москвы к Коломне выступили главные силы русских под предводительством самого великого князя... Ахмат... решил предпринять обходной маневр. В последних числах сентября он двинул «со всеми своими силами мимо Мценска, Любутска и Одоева» к тому месту, где в Оку впадает Угра... Угра протекала по границе Русского государства и Великого княжества Литовского... Здесь он (Ахмат) мог рассчитывать соединиться с войсками короля Казимира» (*Алексеев*).

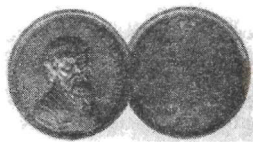
А как действуют Мамай и его союзники?

«Место соединения ордынских, литовских и рязанских ратей было намечено в верховьях Оки, куда подходили литовские владения — в районе впадения в Оку реки Угры. По дороге вдоль реки Угры двигался на соединение с Мамаем великий литовский князь Ягайло» (Каргалов).

Известно, что, когда Иван III противостоял Ахмату на Угре, архиепископ Вассиан Рыло отправил великому князю свое знаменитое «Послание на Угру».

«В нем он обращался к великому князю с призывом мужественно стоять за Русскую землю, брать пример с Игоря и Святослава, Владимира Мономаха и особенно Дмитрия Донского» (Алексеев).

Совершенно аналогичными обстоятельствами сопровождается поход Дмитрия Донского: «6 сентября русские вышли к Дону... Тут привезли Димитрию послание Святого Сергия. «Будь тверд, иди, на что пошел», — писал Сергий» (*Полевой Н.А. История русского народа. М., 1997. Т. 3. С. 62*).

Памятная бронзовая медаль в честь Дмитрия Донского. Неизвестный автор.

Санкт-Петербургский монетный двор. Конец XVIII в. Лицевая и обратная стороны

Говорят, что история повторяется. Но не может же она повторяться буквально!

Так что «Сказание о Мамаевом побоище» — документ о событиях 1479 — 1480-х годов. Просто имя Ивана III заменено именем Дмитрия Донского, а имя Ахмата заменено на Мамай.

И никакой Куликовской битвы.

После сражения

В следующем, 1381 году Тохтамыш напал на Мамай. Столкновение произошло на берегах реки Калки*. Мамай был разгромлен, бежал в Каффу, где и был убит генуэзцами. Тохтамыш стал единственным ханом Белой Орды.

* Калка — аланское название неизвестной мне реки. Само слово «калак» по-осетински означает «чернейшая». — А.Б.

С победой над Мамаем Тохтамыш стал властелином и восточной и западной частей улуса Джучи — фактически одним из самых могущественных правителей того времени. Естественно, что он считал своим долгом восстановить власть Орды над Русью. Его первым шагом в этом направлении было подтвердить союз, заключенный Мамаем с Литвой. Тохтамыш отправил посла уведомить великого князя Ягайло о своем восшествии на престол. Как мы знаем, перед Куликовской битвой Ягайло признал себя вассалом хана.

Тогда же Тохтамыш известил великого князя Дмитрия Московского, как и других русских великих и удельных князей, о своей победе над их общим врагом Мамаем. Ни Дмитрий Донской, ни другие русские князья не сочли необходимым нанести Тохтамышу личный визит, однако все они направили к новому хану киличей с поздравлениями и многочисленными подарками. Хотя эти действия можно было расценить как восстановление вассальной зависимости русских князей, Тохтамыш понял, что русские не намерены соблюдать прежние обязательства по отношению к Орде. Следующим шагом поэтому стало направление в Москву чрезвычайного посланника для подтверждения своей власти. Посланник добрался только до Нижнего Новгорода, где ему не позволили продолжить путь дальше. Провал этой миссии убедил Тохтамыша, что единственным способом заставить Москву повиноваться является война. Он немедленно начал приготовления к нападению на Русь.

23 августа 1382 года войска подошли к Москве, которую Дмитрий Донской заблаговременно успел оставить на произвол судьбы. Оборону города взял на себя князь Остей, литовец по национальности, которому удалось восстановить в городе порядок и защищать город. Три дня безуспешных попыток захватить город.

Но на четвертый день Тохтамыш предложил почетный мир, обещая не трогать города. Два суздальских князя поклялись в том, что Тохтамыш будет верен своему слову.. Но когда ворота открылись и показался князь Остей, татары бросились вперед и захватили город. Последовали ужасная резня и грабеж. Как говорят летописи, было убито 24 000 человек (правда, как можно в Кремле разместить такое количество народа, представить себе невозможно).

Город был сожжен дотла (до тла, ибо «тло» означает «поверхность земли»)*.

После столь страшного поражения Дмитрий Донской вновь становится вассалом Орды. Так как Тохтамыш был вассалом Тимура, а тот — вассалом императора династии Мин, то выходит, что Дмитрий Донской стал вассалом Пекина. Так что мы были вроде как китайцы.

19 мая 1389 года Дмитрий Донской умер, и Великим князем становится его сын Василий.

18 июня 1391 года произошло сражение войск Тохтамыша и Тимура. Тохтамыш был разгромлен и бежал. Тимур с триумфом вернулся в Самарканд, но большинство ордынских князей сохранили верность Тохтамышу.

Чтобы сохранить контроль над Русью, Тохтамыш вынужден был поддержать самого сильного из русских князей — Василия. И Василий присоединяет к Московскому государству

* «После сожжения татарами Москвы Дмитрий Донской отправился воевать Новгород. Димитрий возвратился в Москву с честью и без всякого урона, оставив в областях новгородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности... другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах...» (Карамзин).

Не по-христиански вел себя князь с православным людом после Куликовской битвы. А до нее? Вот что пишет тот же автор о предыдущих событиях — разорении Твери: «Димитрий, взяв Микулин, 5 августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу и весь город окружить тыном. Начались приступы кровопролитные. Верные тверитяне никогда не изменяли князьям своим: говели, пели молебны и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество тур, защиту осаждающих. Все Михайловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди сведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели: но тверитяне мужественно умирали па стенах, повинувся князю и надеясь на бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал новгородцев, которые, наконец, явились в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности: литовцы действительно шли к нему в помощь; но, узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться; он избрал последнее средство, и владыка Евфимий со всеми знатнейшими тверскими боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения».

целое Великое княжество Нижегородское. Кроме Нижнего Новгорода хан отдал ему уделы Городецкий, Мещерский и Тарусский.

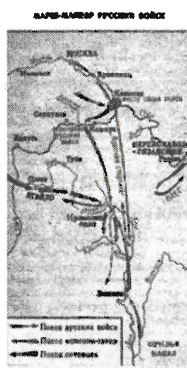
В ответ Василий заверил хана, что считает себя его сюзереном. Так хан сам укреплял будущее великое государство — Московию.

Мифологизация новоназначенного Куликова поля

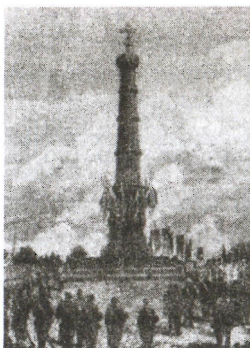
М.Н. Тихомиров* пишет: «Первоначальные краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями».

В. Шавырдин: «Психологически трудно расставаться с массой придуманных подробностей человеку, желающему знать о ключевом событии русской истории как можно больше и сетующему на лаконичность первоисточников? Особенно тяжело свыкнуться с мыслью о том, что до сих пор неизвестно точное место битвы. Ни летописи, ни народная память не указывают его. В 1820-е годы местный помещик, краевед, поэт и видный масон С.Д. Нечаев определил район сражения по двум хорошо знакомым ему деревням Куликовкам. Но проведенное в наше время изучение писцовых книг показало, что эти топонимы не существовали в XVI и первой половине XVII века, а значит, не существовали и раньше. Судя по документам, Куликовым полем в то время называлось обширное лесостепное пространство, насчитывающее в поперечнике до 80 километров. Правда, источники привязывают битву к реке Непрядве. Но и Непрядва достаточно велика: ее бассейн расположен в пяти районах нынешней Тульской области.

Историкам пришлось ввести термин «Большое Куликово поле» в отличие от «Малого», на которое указал Нечаев и где стоят ныне памятники.

* «Куликовская битва, 1380». С. 335.

*Празднование
500-летия Куликовской
битвы на Красном
Холме. 8 сентября
1880 г.*

Ведущиеся уже полтора десятилетия масштабные археологические работы дали массу интересной информации. Главным здесь стала реконструкция ландшафтно-климатических условий на Большом Куликовом поле за последние 10 тысяч лет и истории его освоения человеком. Теперь известно, что Большое Куликово поле, входившее в состав Пронского княжества, было густо заселено в предмонгольский период. Многие русские поселения сохранялись здесь вплоть до Куликовской битвы, а некоторые, возможно, пережили ее. Нескольких таких поселений обнаружено близ мемориала на речке Смолке, и если

все же битва произошла на «нечаевском» поле, то бой кипел прямо на заросших пашнях и руинах дереvушек.

«Только в XIX веке краеведы составили гипотетический план битвы и наложившие его на карту «нечаевского» поля. Эта карта без указания на ее гипотетичность часто печатается и ныне.

Версия же о непроходимых лесах и глубоких реках давно отвергнута учеными: рельеф и ландшафт Поля в XIV веке были близки к нынешним.

Археологические отряды нашли на Большом Куликовом поле сотни поселений, стоянок, могильников. Это тысячи и тысячи предметов. **Не найдено лишь следов того главного события, которым прославилась эта местность.** Обескураживающий результат сужает наше представление о ключевом событии русской истории, и не все могут пережить его достойно. Чаше естественная потребность в подробном знании ведет к мифологизации события, заставляющей одних находить в московском войске «русских амазонок», а других — видеть под знаменами Мамая донских казаков...

Важнейшим актом по мифологизации Поля стала его мемориализация, начатая в прошлом веке открытием памятника Дмитрию Донскому на месте, где, даже по нечаевской версии, сражения не было. В 1913—1918 годах там же была построена церковь Сергия Радонежского. В наше время над одним из местнотимых источников построена часовня по проекту В. Клыкова. Благое дело!

Но ведь обоснованием этого построения послужила наскоро запущенная «легенда» о том, что в этом роднике омывали свои раны воины Дмитрия Донского. Между тем источник расположен километрах в двадцати к юго-востоку от предполагаемого центра сражения... Наконец, возникшее в Тульской области товарищество «Куликово поле» добилось перенесения празднеств на Поле с 8 на 21 сентября, наивно полагая, что даты XIV века переводятся на новый стиль, и именно прибавлением тринадцати дней...

Современных мифотворцев раздражает скептицизм археологов, не способных своими методами подтвердить истинность поединка Пересвета с Челубеем и побиения части татар ангелами, поскольку неопиты с трудом понимают разницу между каноническими текстами и средневековой художественной литературой. Археологи иронизируют над сомнительными легендами и сыпят соль на раны неопитов. Священство смиренно служит, где закажут и когда попросят, не вступая в споры по частностям.

Научное, мифологическое и сакральное мировоззрения переплетаются в сознании современного человека, подпитываемые разноголосицей различных экспедиций, товариществ и редколлегий. Но, судя по практическим делам, мифотворцы более чем кто-либо заявляют о своей монополии на истину.

Три позиции, то есть три отношения к Куликову полю, можно выразить тремя краткими формулами.

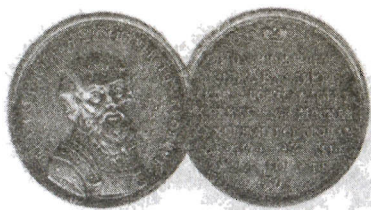
Научная: будем копать дальше, расширяя круг поисков. В конце концов, нам важна любая информация о любой эпохе.

Мифотворческая: пока есть возможность выпрашивать деньги на памятники, празднества и издания — будем выпрашивать.

Сакральная: останки павших на Куликовом поле — это святые мощи, а они не открываются по человеческому произволению. Значит, время еще не пришло...

Но поделить права на Куликово поле невозможно. Это общая история государства и Церкви, крестьян и оружейников, готовящего диссертацию молодого историка и полуграмотной бабушки, пришедшей на панихиду из ближней деревни. И вот до тех пор, пока единственная, то есть Божья, правда о битве не открыта нам во всей ее полноте, Куликово поле продолжает оставаться общей загадкой, высвечивающей наши слабости и заблуждения. В сущности, мы спорим не о Куликовом поле, а о самих себе»*.

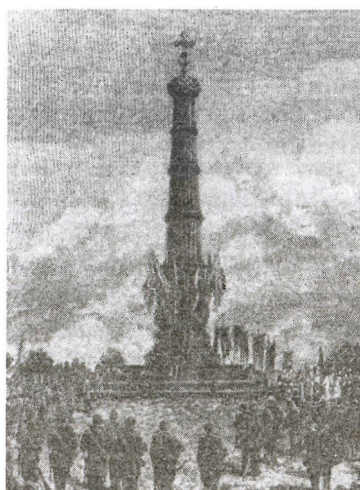
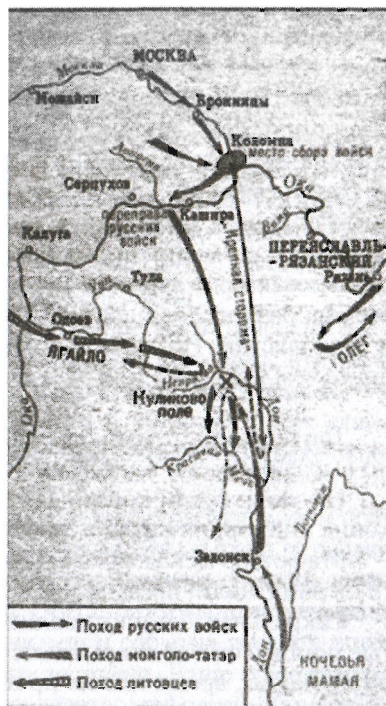
* Виктор Шавырдин. Родина. № 3—4. 1997.

Памятная бронзовая медаль в честь
Дмитрия Донского. Неизвестный
автор.

Санкт-Петербургский монетный
двор. Конец XVIII в. Лицевая и
оборотная стороны

МАРШ-МАНЕВР РУССКИХ ВОЙСК

Празднование 500-летия Куликовской
битвы на Красном Холме. 8 сентября
1880 г.

Крестовый поход Ивана III на неверных Новгорода (1471 г.)

«Пошел великий князь Иван на этих отступников. Ибо хотя и христианами назывались они, по делам своим были хуже неверных; всегда изменяли они крестному целованию, преступая его, но и хуже того стали сходить с ума, как уже прежде написал: ибо пятьсот лет и четыре года после крещения были под властью великих князей русских православных, теперь же, в последнее время, за двадцать лет до окончания седьмой тысячи лет, захотели отойти к католическому королю, и архиепископа своего поставить от его митрополита Григория, католика, хотя князь великий посылал к ним, чтобы отказались от такого замысла. Так же и митрополит Филипп не раз предостерегал их, поучая, будто отец детей своих, по господню слову, как сказано в Евангелии: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; и если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не слушает, возьми с собою двух или трех, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое твое слово. Если же и тех не слушает, скажи церкви; если же и церкви слушать не станет, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Но нет, люди новгородские всему тому не внимали, но свое зломыслие учиняли; так не хуже ли они иноверных? Ведь неверные никогда не знали бога, не получили ни от кого правой веры, прежних своих обычаев идолопоклонства держась, эти же долгие годы пребывали в христианстве и под конец стали отступать в католичество. Вот и пошел на них князь великий не как на христиан, но как на язычников и на отступников от правой веры.

Братья же великого князя все со многими людьми, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленяя, и пожигая, и людей в полон уводя; так же и князя великого воеводы то же творили, каждый там, на какое место послан. Ранее посланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давидович, идя по новгородским пределам, где им приказано было, распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему

государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Русы, захватили и пожгли они город; захватили полон и, спалив все вокруг, направились к Новгороду, к реке Шелони...»

В войске Ивана III важное место занимали татарские войска Данияра.

И начали они биться, и погнали новгородцы москвичей за Шелонь-реку, но ударил на новгородцев засадный татарский полк, и погибло новгородцев много, а иные побежали, а других похватили, а прочих в плен увели и много зла причинили; и все то случилось до приезда великого князя.

Новгородцев было 40 000.

Полки же великого князя погнали их, разя и рубя.

12 000 погибло на месте, 2000 взято в плен, большая часть остальных погибла в болотах и лесах.

Тем же годом князь великий, идя к Новгороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искать царевича Муртазу, Мустафина сына, чтобы позвать его к себе на службу. Никита встретил его в Поле, и переманил на службу к великому князю, и пришел с ним к сыну великого князя в Москву еще до возвращения великого князя из Новгорода.

Странный поход московского князя с татарами против христиан-новгородцев.

Хотя раз они католики, то понятно, почему татары для Русской церкви гораздо ближе.

Но...

Карамзин Н.М.: «Король Магнус, легкомысленный, надменный, вздумал загладить грехи своего нескромного сластолюбия, услужить папе и прославиться подвигом благочестивым; собрал в Стокгольме государственный совет и предложил ему силою обратить россиян в латинскую Веру, требуя людей и денег. Сие намерение казалось совету достохвальным; но Швеция, истощенная корыстолюбием духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнул прикоснуться к церковным сокровищам, или *доходам Св. Петра*; презрел неудовольствие епископов и нанял многих немецких воинов. Король с войском многочисленным приплыв [в 1348 г.] к острову Березовому, или Биорку, послал объявить новгородцам, чтобы они избрали русских *философов* для прения со шведскими о Вере и приняли латинскую, если она будет найдена лучшею, или го-

товились воевать с ним. Архиепископ Василий, посадник, все чиновники и граждане, изумленные таким предложением, благоразумно ответствовали: «Ежели король хочет знать, какая Вера лучше, греческая или римская, то может для состязания отправить людей ученых к патриарху цареградскому: ибо мы приняли Закон от греков и не намерены входить в суетные споры. Когда же Новгород чем-нибудь оскорбил шведов, то Магнус да объявит свои неудовольствия нашим послам». Боярин Козма Твердиславич поехал для свидания с королем; но Магнус сказал ему, что он, не имея никаких причин к неудовольствию, желает только обратить россиян на путь душевного спасения, добровольно или оружием. Война началась.

...Хотя Орехов сдался Магнусу; но, потеряв 500 человек в битве на берегах Ижоры и имея недостаток в съестных припасах, видя множество больных в своем войске и зная, что россияне идут со всех сторон окружить его флот на реке Неве, сей легкомысленный король... оставил несколько полков в Невской крепости и возвратился в отечество с одним стыдом и с десятию пленниками, взятыми в Орехове. Шведские летописцы говорят, что Магнус, овладев сим городком и неволею крестив жителей по обрядам римской церкви, *великодушно* освободил их; что они дали ему клятву склонить всех своих единоплеменников к принятию латинской Веры, но коварно обманули его и действовали после как самые злейшие неприятели шведов и папы».

Что же получается? Новгородцы-то были, оказывается, православными! Выходит, московский князь с татарами воевал против православных!

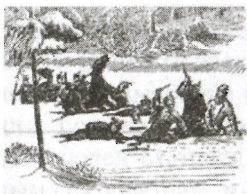
Иван Сусанин

К.Ф. Рылеев. Думы:

«В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности; бывшие с ним успели увести его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613 г.) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи».

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали.—
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила,—
Она для России спасла Михаила!

1822

Известно, что потомки Ивана Сусанина вплоть до 1917 года пользовались определенными привилегиями. Семья Сусанина согласно жалованным грамотам получала податные льготы, освобождение от рекрутчины, постоев и земельные пожалования. В ризнице церкви села Коробово к 1912 году, по свидетельству историка-краеведа Н. Виноградова, в особом футляре хранились четыре царские жалованные грамоты: Михаила Феодоровича (1619, 1633), Ивана и Петра Алексеевичей (1691), Екатерины II (1767) и

Николая I (1837)*, они неоднократно публиковались**. После прихода к власти большевиков грамоты исчезли, вероятно, разделив в революцию судьбу памятника Михаилу Романову и Сусанину в Костроме и других реликвий «царизма». Ныне в архивах имеются только копии грамот.

Монархи из династии Романовых аккуратно подтверждали потомкам героя их права и вольности, однако никому до этого не было дела; случай с мужиком отнюдь не считалось подвигом, который следовало пропагандировать. В государстве каждый должен был следовать своему предназначению, блюсти свой «чин»; при этом защищать государя должны были дворяне, молиться за него — духовные лица, кормить его и остальных — крестьяне. Нарушение этих условий и называлось Смутой, когда князья и бояре командовали восставшими казаками, попы конструировали «гуляй-город» с артиллерией, казачьи атаманы спали с царицами, купцы выходили в бояре, а беглые монахи и сельские учителя — даже в цари.

Только в эпоху патриотического подъема Отечественной войны 1812 года заинтересовались героями 200-летней давности. Романтическим героем мог теперь быть и простолюдин, тогда в образованном обществе и «узнали» о крестьянине Иване Сусанине. Литераторы внесли свою лепту в «украшение» реальной истории. Например, приписали Сусанину именно то, что лучше всего помнят до сих пор, — заведение «вражеского отряда» в непроходимые дебри. На деле в шести первых жалованных грамотах (1619, 1633, 1644, 1691, 1723, 1724) сведения об этом отсутствуют.

Лишь в 1731 году в грамоте, данной уже его правнуку, Ивану Лукьянову сыну Собинину, появились строки о том, что Сусанин прятал Михаила Федоровича в селе Домнине и затем «отвел» от него «польских и литовских людей», за что они его в селе

* *Виноградов Н.* Потомки Сусанина. (Очерки и материалы) // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 2. Кострома, 1912. С. 6, 9.

** См., напр.: Памяти Ивана Сусанина... Историческое исследование. Преимущественно по неизданным источникам / Сост. и изд. В.А. Самарянов. Рязань. 1884. С. 98—105.

Исупове, «посада на столб, изрубили в мелкие части»*. Эти подробности, всплывшие спустя 118 лет после событий, видимо, со слов правнука, легендарны. При этом пришельцы, скорее всего, не заблудились и не утонули. Любопытно, что похожий эпизод в Смуту имел место — польский мемуарист Станислав Маскевич писал о старом крестьянине, который взялся проводить их отряд в плохую погоду зимой, и только случайная встреча с соотечественником спасла их — оказалось, их вели к русскому гарнизону. Имени у старика разозленные поляки, перед тем как убить, не спросили, дело происходило в районе Волоколамска**.

Найти сведения о каком-либо простом человеке XVI—XVII веков далеко не просто. Если речь идет о дворянине, то сохранились данные о его служебной деятельности — разные списки, например, боярские книги для столичного

дворянства, десяти — для провинциального, разрядные книги и прочее; о его земельных владениях можно узнать из писцовых книг и других документов Поместного приказа. В монастырских фондах-архивах хранятся синодики, вкладные книги, грамоты на покупку, завещание, обмен владениями преимущественно дворян, отчасти купцов и других горожан.

Крестьян можно найти в тогдашних сводных переписных документах — писцовых и переписных книгах. Однако они сохранились только в архиве Поместного приказа, а ведал он исключительно частными владениями — вотчинами и поместьями. Но ввиду того, что Собинины были крестьянами костромской вотчины Шестовых-Романовых, они автоматически перешли в ведение приказа Большого дворца и стали из крепостных (хотя для начала XVII века это еще не совсем точное определение) дворцовыми. К сожалению, именно этот факт сыграл негативную роль в деле исследования их родословной и событий, связанных с их жизнью в XVII веке, поскольку архив этого приказа горел сразу в трех больших пожарах — 1626, 1700 и 1737 годов.

* См., напр.: Памяти Ивана Сусанина... Историческое исследование. Преимущественно по неизданным источникам / Сост. и изд. В.А. Самарянов. Рязань. 1884. С. 77.

** Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie 1610—1612. Warszawa. 1995. S. 211.

Впервые Собининым понадобилось подтверждение своих прав в 1632 году. Тогда «великая старица» Марфа Ивановна, мать Михаила Федоровича, дала по своей душе в Новоспасский монастырь царскую вотчину — село Домнино с приселками. Но в числе приселков находилась и часть деревни Деревнино, данная во владение семье Сусанина. Последние значились в данной грамоте как жители деревни («деревня Деревеньки, а в ней крестьян — во дворе Данилко Богданов, у него брат Устюшка» — это внуки Сусанина, второй брат поименован ошибочно вместо «Костюшка») и могли лишиться всех привилегий, став монастырскими крестьянами. Они, вероятно, пожаловались, предъявив грамоту 1619 года, в связи с чем завязалась переписка между различными дворцовыми ведомствами, от которой сохранилась только одна память (запрос). Глава Оружейной палаты (ведавшей, в частности, и рядом слобод, где работали ремесленники на нужды двора) и Сысного приказа (ведавшего возвращением крестьян и посадских людей, убогавших от оклада на прежнее место жительства) окольниковый В.И. Стрешнев запросил главу приказа Большого дворца окольного князя А.М. Львова: село Домнино в монастырь Марфа Ивановна «з деревнями дала, или одно то село?», и вошла ли туда половина деревни Деревниш, в которых «живет крестьянин Богдашко Собинин», «или дано то село опричь той деревни?»*. Тогда-то и появилась нужда в подтверждении прав семейства. И в 1633 году Собинины получили грамоту, согласно которой им предоставили другое владение, пустошь Коробово, подтвердив и их статус. В дальнейшем потомки Сусанина предъявляли прежние грамоты, которые привозили с собой, как, например, в 1737 году, когда, требуя освобождения от рекрутской повинности и от поверстанья в подушный оклад, они предъявили прежние известные грамоты Богдану Собинину и Антониде Сусаниной-Собининой, причем было решено, что с них «с детьми и с внучаты и с наследники податей никаких брать не велено»**. То есть уже тогда в государственных учреждениях отпусков документов, выданных Собининым, не существовало — прове-

* Цит. по: *Виноградов Н.* Указ. соч. С. 66 (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1902).

** РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 7784. Л. 369—370.

рять было, видимо, не по чему. Таким образом, подлинных документов XVII века, в которых упомянуто это семейство, оказалось всего три, причем это просто фиксация их существования.

И вот в поисках чего-либо, относящегося к Сусаниным в XVII веке, я обратился к Евгении Ефимовне Лыковой, ведавшей тогда архивохранилищем центральных учреждений РГАДА. Вскоре был обнаружен интересный фрагмент документа, который не столько проливает свет на историю Сусаниных, сколько ставит вопросы. От XVII столетия хорошо сохранился архив Печатного приказа, который занимался регистрацией разнообразных документов, как государственных, так и частных, играя для последних роль нотариата. Приказ ведал приложением государственной печати к указам и грамотам, так как у большинства приказов своей печати еще не было. С частных лиц он брал печатную пошлину за оформление сделок. Сохранились записные книги приказа, где кратко описывались зарегистрированные документы. Книги в приказе делились на «пошлинные» и «беспшлинные», поскольку с государственных учреждений и с отдельных лиц по царской милости пошлин не брали. В одном из обширных алфавитов XVIII—XIX веков к этим книгам мы обнаружили фамилию Собининых. Как известно, это фамилия Богдана, зятя Сусанина (как известно, сына у последнего не было, и все потомки героя происходят от его единственной дочери Антонида и ее мужа, Богдана Собинина). Открыв соответствующую «Пошлинную книгу за 1650 год», удалось обнаружить следующую запись: «На Кострому к губным старостам Ярославля большого к Ивану Внукову да костромитину Гаврилу Зворыкину. По челобитью вдовы Антонидки Богдашковския жены Сабинина с детьми с Данилком да с Косткою, велено сыскать про их воровство и сыск к Москве прислать»*.

Как расшифровать это краткое известие? Судя по тексту, дочь Ивана Сусанина вдова Антонида (Богдан Собинин не значится уже в грамоте 1632 года) к 1650 году с сыновьями Данилой и Константином Собиниными подала челобитную, вероятно, в приказ Большого дворца или в местную дворцовую

* РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Пошлинные книги. Д. 57. Л. 62.

приказную избу, но, к сожалению, неизвестного содержания. Челобитье это (или какие-то действия; с ним связанные) было признано «воровством», то есть серьезным преступлением, и приказ в Москве (это должен был быть приказ Большого дворца, который ведал царскими вотчинами) распорядился провести следствие — «сыск», результаты коего прислать в столицу.

Возможно, текст следует читать по-другому, а челобитье пожилой Антонида понимать как жалобу на «их воровство», то есть ее сыновей, и за этим скрывался семейно-имущественный конфликт? Сказать трудно. Ввиду того, что расследование было поручено ярославскому губному старосте, можно предположить, что дело носило уголовный или гражданский характер; в то же время другой адресат грамоты, костромитин (член костромской дворянской корпорации) Гаврила Зворыкин, видимо, имел отношение к управлению дворцовыми волостями уезда или был помощником губного старосты.

Каковы перспективы дальнейшего исследования этой загадки? К сожалению, дело Собининых найти не удастся ввиду отсутствия архивов дворцовых приказов, а также и архивов местных учреждений (губных изб, в частности, и дворцовых приказных изб) за этот период. Возможно, это была какая-то земельная тяжба с соседями, перешедшая в драку или иной конфликт. Может быть, во время этой свары как-то поминалось «государево имя», что само по себе было преступлением, а завистники их положения (их, наверное, хватало) попытались расквитаться доносом. Известно, сколь независимо, а порой и дерзко вели себя потомки Сусанина в XIX веке, о чем собраны многочисленные свидетельства Виноградовым*.

Какие действия Собининых были оценены как «воровство»? Указ провести расследование и прислать «сыск» в Москву свидетельствует о том, что правительству не все в этой ситуации было ясно. Во всяком случае, «государевы дела» и соответственного процесса, видимо, не было, поскольку следствия и суды такого рода велись в Разрядном приказе, архив которого хорошо изучен. Можно попытаться обнаружить отзвуки дела в XVIII веке, в архиве Сената. Там сейчас хранится

* См.: *Виноградов Н.* Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Кострома, 1912.

Памятник Сусанину

уже упомянутое дело 1737 года об освобождении Собининых от рекрутского набора и положения в подушный оклад (там и находятся на сегодняшний день, в сущности, старейшие списки первых полученных ими грамот, подлинники которых они предъявили для копирования и унесли назад)*, но просмотр этого материала ничего не дал. Документация же Дворцового ведомства сильно горела как раз в 1737 году, что могло погубить и нужные нам материалы. Тем не менее находка единственного на сегодняшний день подлинного документа XVII века о семье Сусанина значительна сама по

себе, а дальнейшие поиски, надо надеяться, смогут прояснить суть этого запутанного дела.

Самые ранние известия об обстоятельствах подвига Сусанина содержатся в жалованной грамоте Михаила Федоровича от 30 ноября 1619 года, выданной зятю убитого крестьянина Богдану Собинину. Его изданию предшествовало посещение царем и его матерью старицей Марфой Ивановной в сентябре того же года своей родовой вотчины — села Домнино, находившегося в Костромском уезде. Видимо, там и подали ближайшие родственники Сусанина челобитную, содержащую сведения об обстоятельствах его гибели. Они-то и нашли отражение в мотивировочной части царской грамоты: «**Божиею милостью мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашей, государыни великия старицы иноки Марфы Ивановны, пожаловали есмь Костромского уезда нашего села Домнина крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович... в прошлом во 121 [1612/1613] году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова Ивана Сусанина, в те**

* РГАДА. Ф. 248. Д. 7784.

поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками, а пытали у него, где в те поры мы... Михайло Федорович... были; и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

Далее в документе говорилось о пожаловании наследникам Сусанина части деревни Деревнищи («половину деревни Деревнищъ, на чем он, Богдашка живет»), земельного надела («полторы чети выти земли велели обелить»), а также об освобождении этого семейства от всех налогов, сборов и повинностей. Никаких иных данных о гибели Сусанина в этом источнике не содержится.

Ценной является грамота руководителей «Совета всей земли» князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского от 22 февраля 1613 года, которую они направили властям Галича. Они просили галичан оказать содействие братии московского Симонова монастыря в защите их галицкой вотчины (села Борисовское, Вятлово, Демьяново «с деревнями») от несанкционированных верховной властью поборов. Как следует из этого документа, поздней осенью — в начале зимы 1612 года галицкие села монастыря были обобраны казачьим отрядом атамана Б. Попова, а «после де того казачья кормового правешю, приходили к Соли Галицкой литовские люди и посады пожгли, и их де монастырские варницы с солью и онбары сгорели, и вотчины де их пожгли и крестьян высекли».

Казачи воровали.

Памятник Сусанину

Дело о покушении Фанни Каплан на В.И. Ленина

Из огромной массы событий до нас дошло из прошлого лишь незначительное число свидетельств, к тому же сомнительной достоверности. А что могли решить будущие историки, если бы документы о событии XX века до них дошли в обрывках?

О Фанни Каплан

Николай Костин: «Фейга Хаимовна Ройд (такими были настоящее имя, отчество и фамилия Каплан) родилась около 1890 года в Волынской губернии, в семье провинциального еврейского учителя. Семья Хаима Ройда была многодетной: Фейга имела четыре брата и три сестры. В отличие от своих братьев и сестер, которые довольно успешно овладели различными специальностями, Фейга так и не посвятила себя какой-нибудь профессии. Это объясняется довольно легко: слишком уже рано дочка Хаима Ройда ступила на революционную стезю».

Трудно сказать, повлиял ли кто-то на нее в этом отношении или к мысли о необходимости борьбы с царским строем она пришла сама. Так или иначе, но вскоре Фейга Ройд переехала в Киев, где стала членом подпольной анархистской организации и получила псевдонимы Фаня Каплан и Дора. Революционеры-подпольщики поручили юной Доре организовать покушение на жизнь Киевского генерал-губернатора. Однако бомба, приготовленная для теракта, неожиданно взорвалась в комнате, где жила Каплан, чуть не отправив на тот свет вместо генерал-губернатора саму террористку. Каплан получила тяжелое ранение, однако выжила — чтобы вскоре предстать перед военно-полевым судом Киевского гарнизона, который осудил ее к казни через повешение. Но, учтя совсем юный возраст Ройд-Каплан, царские судьи смягчили ей наказание, и теперь она должна была провести на каторге всю оставшуюся жизнь. Правда, тогда еще Фани Ефимовна не знала, что царизм с его каторжными тюрьмами не вечен и что еще совсем молодой ей суждено выйти на волю...

Несостоявшейся террористке пришлось в буквальном смысле проходить в кандалах целых десять лет — с января 1907 по март

1917 года (большую часть срока Фаня «отмотала» в далеком Ака-туе). Там, в далеких краях, она перенесла тяжелую болезнь глаз, вследствие которой 9 января 1909 года она полностью потеряла зрение. Хотя через три года ее зрение частично восстановилось, но и после этого каторжанка осталась полуслепой...

Освобожденная Февральской революцией, Каплан некоторое время жила в Чите, а позже переехала в Москву, поселившись в доме № 6 по улице Большой Саловой. Однако общее состояние ее здоровья, включая и зрение, оказалось далеко не идеальным, и Фаня Ефимовна вынуждена была серьезно лечиться — сначала в Евпатории, в санатории для политамнистированных, а позже — в одной из больниц Харькова, где ей сделали сложную операцию на глазах. Учитывая уровень тогдашней офтальмологии, можно утверждать: существенно улучшить зрение ей не удалось, Каплан, как и раньше, имела очень высокую степень близорукости.

После операции Фаня Ефимовна вернулась в Крым с его мягким и теплым климатом, где она устроилась на довольно скромную должность инструктора по подготовке работников волостных администраций.

Итак, покушение...

Если бы до будущих историков дошли сведения о покушении лишь во фрагментах, что могло бы получиться?..

Один выстрел в сердце революции

...Эти мерзавцы позволили себе стрелять не простыми пулями, а отравленными ядом кураре. Теперь только понятна картина того состояния, в котором мы застали Владимира Ильича после покушения... Пули изрешетили его тело в наиболее опасном месте...

Н.А. Семашко

Свидетельствуют:

Николай Костин: «Как таковой, личной охраны, государственной охраны фактически не было. Каждый раз она поручалась различным организациям. Вменялась шоферам, которые возили Владимира Ильича».

С.К. Гиль: «Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я...

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода».

Н.Я. Иванов: «Еще задолго до прибытия тов. Ленина пришла на митинг женщина, которая потом была ранена стрелявшей. Она держала себя как-то совершенно по-особенному: взволнованная ходила и все как будто порывалась говорить. Можно было предположить, что она — партийный работник, но ее никто не знал. Она стояла около трибуны...»

С.К. Гиль: «Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич хотел сделать последние шаги к подножке машины, **вдруг раздался выстрел...**»

С.К. Гиль: «Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась **в грудь** Владимира Ильича...»

Н.Я. Иванов: «...люди, которые шли за Ильичем, бросились обратно в корпус с криком: «Стреляют!» Мне было трудно пробраться через толпу. Я бросился прямо с трибуны в ближайшее окно и выскочил во двор. Увидел около машины лежащего Владимира Ильича...»

«Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.: «Вчера в ВЧК по объявлению в газете явился один из рабочих, присутствовавших на митинге, и принес револьвер, отобранный у Каплан».

С.К. Гиль: «Я побежал к Владимиру Ильичу и, став перед ним на колени, наклонился к нему. Сознания он не потерял...

В эту минуту поднимаю голову и вижу, что из мастерских бежит в матросской фуражке какой-то странный мужчина, в страшно возбужденном состоянии. Левой рукой размахивает, правую держит в кармане и бежит стремглав прямо на Владимира Ильича.

Мне вся его фигура показалась подозрительной, и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно голову его, почти лег на него и закричал изо всех сил:

— Стой! — И направил на него револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я крикнул:

— Стой! Стреляю!

Он, не добежав несколько шагов до Владимира Ильича, круто повернул налево и бросился бежать в ворота, не вынимая руки из кармана. В это же время с криком ко мне подбежала сзади какая-то женщина.

— Что вы делаете? Не стреляйте!.. — крикнула она, очевидно, предположив, что я хочу стрелять во Владимира Ильича».

Николай Костин: «Каплан задержали, а на ее сообщника — дежурного боевика Новикова — никто не обратил внимания. Террорист загипнотизировал рабочих матросской формой и оказался вне подозрений. Он попытался исправить ошибку Каплан. Кинулся с револьвером к упавшему Ленину, но его успел заслонить собой шофер Гиль. Новикову ничего не оставалось, как скрыться за воротами в толпе и воспользоваться пролеткой с рысаком, приготовленной им для Каплан».

Н.Я. Иванов: «Тов. Ленин был ранен. Одновременно была ранена одна из женщин, занимавших тов. Ленина разговорами при выходе во двор.

Раненую отвезли в больницу. Когда пришли в Петропавловскую больницу взять белье для раненой, то выяснилось,

что она кастелянша из этой больницы... что она явилась совершенно невинной жертвой террора буржуазной наймитки».

Николай Костин, ссылаясь на расследование Кингисеппа, сообщает: «Попова, раненная в руку, бежит назад».

С.К. Гиль: «Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из Военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам, с нашей помощью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога».

И.В. Полуторный: «Рукав рубашки весь в крови. Разрываю его, вижу рану, из которой сочится кровь. Как остановить кровь? Едем уже по Большой Полянке... Вот дом Иверской общины, где имеется приемный покой. Не лучше ли, говорю, заехать сюда, в общину? Тут сделают перевязку.

Шофер отвечает:

— Нигде не остановлюсь, еду прямо в Кремль...

Но до Кремля ехать еще 10—15 минут, а кровь бьет все сильнее. Случайно в кармане нахожу небольшой кусок бечевки, прошу сидящего со мной товарища поддержать немного руку и перевязываю этой бечевкой руку выше раны...»

М.И. Ульянова: «С нетерпением караулю... возвращение знакомой машины. Вот, наконец, она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися вверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади них — шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель».

Г.Я. Лозгачев-Елизаров: «Владимир Ильич нашел еще в себе столько самообладания... и сам, почти без посторонней помощи, поднялся домой по лестнице на самый верх».

С.К. Гиль: «Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня. Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойтесь, ничего особенного... Немного ранен в руку».

С.К. Гиль: «Владимир Ильич открыл глаза, болезненно посмотрел вокруг и сказал:

— Больно. Сердцу больно...

Винокуров и Бонч-Бруевич постарались успокоить Ильича:

— Сердце ваше не затронуто. Раны видны на руке и только.

Это отраженная нервная боль.

— Раны видны?.. На руке?

— Да».

С.К. Гиль: «Мария Ильинична обратилась ко мне с просьбой сообщить Надежде Константиновне о несчастье как можно осторожней. Надежда Константиновна была в Народном комиссариате просвещения и ничего еще не знала. Когда я спускался во двор, меня догнал кто-то из Совета Народных Комиссаров, чтобы вместе идти предупредить Надежду Константиновну.

Мы ждали ее во дворе. Вскоре она подъехала. Когда я стал приближаться к ней, она, видимо, догадавшись по моему взволнованному лицу, что случилось нечто ужасное, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите — жив или убит?

— Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен, — ответил я.

Она постояла секунду и пошла наверх».

С.К. Гиль: «Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Крупные сосуды не тронуты. Другой нет.
... Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он».

Из биографической хроники В.И. Ленина, 1918, сентябрь, 2:
«Данные рентгеновского исследования... Вклиненный оскольчатый перелом левой плечевой кости на границе средней и верхней трети. Надлом части левой лопаточной кости».

В.Н. Розанов: «Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой...»

В.М. Бонч-Бруевич (Величкина): «Ранение, безусловно, крайне опасное, даже смертельное, если бы та пуля, которая засела под челюстью, задела бы пищевод или позвоночный столб, но, видимо, этого нет. Ближайшие часы все определяют. Но я уверена, что пуля проскользнула, несколько поранив легкие, ничего не задев, иначе была бы кровавая рвота, а этого нет, хотя прошло уже почти три часа после ранения. Он будет жив...»

Официальный бюллетень № 9 от 2 сентября 1918 г., 9 часов 30 минут утра: «Пульс—120, полный; температура — 37,8; дыхание— 24. Ночь спал сравнительно спокойно, кашля не было. Чувствует себя бодрее. Общее состояние менее вялое... Рука не беспокоит».

Официальный бюллетень № 15 от 4 сентября 1918 г., 8 часов 30 минут утра: «Самочувствие хорошее. Дышит свободно. Рука не беспокоит. Ночь провел спокойно».

В. Десницкий: «В моей памяти — одна из первых после 1917 г. встреча Горького с Лениным...»

Горький сумрачно расспрашивал Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ощупывал шею, муску-

лы руки. Владимир Ильич прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича. Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился».

В. Н. Розанов: «Об операции было условлено делать ее у меня, 23 апреля, и что Владимир Ильич приедет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10 с половиной часов. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу.

Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровоостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы да скальпель — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и, так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще полтора часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я до сих пор и не знаю, зачем он это говорил, — думаю, из галантности... Владимир Ильич приехал точно в 12 часов, с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н.А. Семашко. В операционную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: «Кто же будет оперировать?» Я ему ответил: «Немец, конечно, для чего же он приехал?» Николай Александрович согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно. Владимир Иль-

ич, видно, совсем не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого...»

Медсестра Е.А. Нечкина: «Вскоре к корпусу подъехал автомобиль, и я увидела в окно: из машины вышел Владимир Ильич и с группой спутников направился в корпус. Он снял пальто внизу на площадке и быстро поднялся наверх. Затем его провели в операционную, чтобы извлечь пулю, которая осталась в теле Ильича после злодейского покушения бандитки Каплан в 1918 году».

Из стенограммы заседания Верховного Революционного Трибунала ВЦИК РСФСР: Пятаков: «Покушение на Ленина произведено при помощи револьвера с отравленным ядом «кураре» пулями. Пуля, извлеченная из раны Ленина 23 апреля 1922 года, оказалась размером от среднего браунинга. Она была крестообразно надрезана через всю толщу оболочки по протяжению всего корпуса. Пуля приложена к делу Каплан и была предъявлена подсудимым эсерам для осмотра».

Николай Костин: «Для детального обследования ран Владимира Ильича нарком здравоохранения Н.А. Семашко пригласил Владимира Николаевича Розанова — руководителя хирургического отделения Солдатенковской больницы. Розанов немедленно направился в Кремль... У дверей квартиры Розанова встретили Свердлов и Семашко. — Эсеры, — сказал Яков Михайлович, — совершили гнусное предательство. Выстрел в Ленина — это выстрел в сердце революции».

Николай Костин: «Слухи о том, что Фанни Каплан осталась жива благодаря заступничеству раненого Ленина, начали распространяться в 30 — 40-х годах заключенными тюрем и концлагерей... встречавшими Каплан в роли работника тюремной канцелярии или библиотеки на Соловках, в Воркуте, на Урале и в Сибири. Теперь, когда стали доступными архивы бывшего КГБ

СССР, мы располагаем документами, в одном из которых говорится, что арестованный В.А. Новиков (бывший эсер-террорист, участник покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона) встречал Каплан на прогулке в тюремном дворе Свердловской пересыльной тюрьмы в 1932 году».

Выписка из протокола допроса арестованного Новикова Василия Алексеевича, 1883 года рождения, от 15 декабря 1937 года:

Вопрос: Вы назвали всех бывших участников эсеровской террористической дружины, с которыми вы встречались в последние годы?

Ответ: Я упустил из виду участницу покушения на В.И. Ленина — Ф. Каплан, которую встречал в Свердловской тюрьме в 1932 г.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах произошла эта встреча?

Ответ: В июле 1932 г. в пересыльной тюрьме в г. Свердловске, во время одной из прогулок на тюремном дворе, я встретил Каплан Фаню в сопровождении конвоира.

Несмотря на то, что она сильно изменилась после нашей последней встречи в Москве в 1918 г., я все же сразу узнал ее. Во время этой встречи переговорить мне с нею не удалось. Узнала ли она меня, не знаю, при нашей встрече она никакого вида не показала. Все еще сомневаясь в том, что это Фаня Каплан, решил проверить это и действительно нашел подтверждение того, что это было именно так.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: В Свердловской тюрьме в одной камере содержался Кожаринов, переводившийся из Челябинского изолятора в ссылку. Кожаринов был привлечен к работе в качестве переписчика в Свердловской тюрьме. Я обратился к нему с просьбой посмотреть списки заключенных, проверив, находится ли среди них Фаня Каплан. Кожаринов мне сообщил, что действительно в списках Свердловской тюрьмы числится направленная из политизолятора в ссылку Каплан Фаня, под другой фамилией — Ройд Фаня.

Вопрос: От кого и что именно вы слышали о Каплан в 1937 г.?

Ответ: 15 ноября 1937 г. я был переведен из Мурманской тюрьмы в Ленинградскую на Нижегородской ул. Находясь там

в одной камере с заключенным Матвеевым, у меня с ним возник разговор о моей прошлой эсеровской деятельности, и в частности о Каплан Фане. Матвеев, отбывавший наказание в Сибирских концлагерях, сказал мне, что он знает о том, что Каплан Фаня — участница покушения на В.И. Ленина — работает в управлении Сиблага в Новосибирске в качестве вольнонаемного работника.

Протокол подписан заключенным В.А. Новиковым, начальником 4-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области лейтенантом госбезопасности (подпись неразборчива); оперуполномоченным 4-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД сержантом госбезопасности (подпись неразборчива).

ВЫВОД

Фаня Каплан вместе с В. Новиковым участвовала в покушении на В.И. Ленина.

Когда Ленин выходил из цеха, полуслепая Каплан выстрелила ему в грудь, но выстрел был неточен. Пуля попадает в руку, повреждает плечевую кость и ранит женщину, стоявшую рядом с Лениным. Новиков хотел добить Ленина, но испугался и сбежал. Рабочий разоружает Каплан, которая отдает пистолет без сопротивления, ее арестовывают, судят и ссылают в лагеря, где она в конце тридцатых годов, вероятно, и умирает.

Два выстрела в сердце революции

...Эти мерзавцы позволили себе стрелять не простыми пулями, а отравленными ядом кураре. Теперь только понятна картина того состояния, в котором мы застали Владимира Ильича после покушения... Пули изрешетили его тело в наиболее опасном месте...

Н.А. Семашко

Николай Костин: «Как таковой, личной охраны, государственной охраны фактически не было. Каждый раз она поручалась различным организациям. Вменялась шоферам, которые возили Владимира Ильича».

Н.Я. Иванов: «Еще задолго до прибытия тов. Ленина пришла на митинг женщина, которая потом была ранена стрелявшей. Она держала себя как-то совершенно по-особенному: взволнованная ходила и все как будто порывалась говорить. Можно было предположить, что она — партийный работник, но ее никто не знал. Она стояла около трибуны...»

С.К. Гиль: «Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я...

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода».

С.К. Гиль: «Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич хотел сделать последние шаги к подножке машины, вдруг раздался выстрел...»

С.К. Гиль: «Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась в грудь Владимира Ильича. Раздался еще один выстрел».

Николай Костин, ссылаясь на расследование Кингисеппа, сообщает: «**Попова, раненная в руку, бежит назад. Каплан — спешит к воротам, брошенный ею браунинг лежит около открытой дверцы шоферской кабины...**»

С.К. Гиль: «Я тотчас же застопорил машину и бросился к стрелявшей с наганом, целясь ей в голову. Она кинула браунинг мне под ноги, быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом было так много народа, что я не решился выстрелить ей вдогонку, так как чувствовал, что наверное убью кого-нибудь из рабочих. Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, но мне тут вдруг ударило в голову: «Ведь Владимир Ильич один... Что с ним?» Я остановился. С секунду была страшная, мертвая тишина. Потом вдруг все закричали: «Убили! Убили!..», и разом вся толпа шарахнулась бежать со двора... Образовалась сильная давка. Я обернулся и увидел Владимира Ильича упавшим на землю. Я бросился к нему. За эти мгновения двор уже опустел, и стрелявшая женщина скрылась с толпой».

Н.Я. Иванов: «...люди, которые шли за Ильичем, бросились обратно в корпус с криком: «Стреляют!» Мне было трудно пробраться через толпу. Я бросился прямо с трибуны в ближайшее окно и выскочил во двор. Увидел около машины лежащего Владимира Ильича...»

С.К. Гиль: «Я побежал к Владимиру Ильичу и, став перед ним на колени, наклонился к нему. Сознания он не потерял и спросил:

— Поймали его или нет?

Он, очевидно, думал, что в него стрелял мужчина. Я вижу, что спросил тяжело, изменившимся голосом и с каким-то хрипом, и сказал ему:

— Молчите, не говорите. Вам тяжело.

В эту минуту поднимаю голову и вижу, что из мастерских бежит в матросской фуражке какой-то странный мужчина, в страшно возбужденном состоянии. Левой рукой размахивает, правую держит в кармане и бежит стремглав прямо на Владимира Ильича.

Мне вся его фигура показалась подозрительной, и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно голову его, почти лег на него и закричал изо всех сил:

— Стой! — И направил на него револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я крикнул:

— Стой! Стреляю!

Он, не добежав несколько шагов до Владимира Ильича, круто повернул налево и бросился бежать в ворота, не вынимая руки из кармана. В это же время с криком ко мне подбежала сзади какая-то женщина.

— Что вы делаете? Не стреляйте!.. — крикнула она, очевидно, предположив, что я хочу стрелять во Владимира Ильича».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Оказалось, что женщина-убийца выбежала вместе с толпой со двора завода».

Н.Я. Иванов: «Чья рука могла совершить такое преступление, в толпе нельзя было узнать. Во дворе толпилось много ребятшек. В годы революции они привыкли к выстрелам и не боялись их.

— Дяденька Иванов, какая стреляла, та на Серпуховку побежала к трамваю! — закричали ребята.

Я выбежал из ворот. Впереди меня, перегоняя друг друга, неслись ребята».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Толпа бежала, сначала не зная, где та или тот, кто стрелял во Владимира Ильича.

Ребятишки, бывшие во дворе во время покушения, гурьбой бежали за стрелявшей и кричали:

— Вот она! Вот она!»

С.Н. Батулин: «...вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до того спокойно стоявшую у автомобиля, разбегающуюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. **Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел.** Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу тов. Ленина!» И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди...

Добежавши до так называемой «стрелки» на Серпуховке, я увидел бежавших двух девушек, которые, по моему глубокому убеждению, бежали по той причине, что позади них бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать.

В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

Н.Я. Иванов: «Тов. Ленин был ранен. Одновременно была ранена одна из женщин, занимавших тов. Ленина разговорами при выходе во двор.

Раненую отвезли в больницу. Когда пришли в Петропавловскую больницу взять белье для раненой, то выяснилось, что она кастелянша из этой больницы... что она явилась совершенно невинной жертвой террора буржуазной наймитки».

С.К. Гиль: «Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из Военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам, с нашей помощью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога».

И.В. Полуторный: «Рукав рубашки весь в крови. Разрываю его, вижу рану, из которой сочится кровь. Как остановить кровь? Едем уже по Большой Полянке... Вот дом Иверской общины, где имеется приемный покой. Не лучше ли, говорю, заехать сюда, в общину? Тут сделают перевязку.

Шофер отвечает:

— Нигде не останавлиюсь, еду прямо в Кремль...

Но до Кремля ехать еще 10—15 минут, а кровь бьет все сильнее. Случайно в кармане нахожу небольшой кусок бечевки, прошу сидящего со мной товарища поддержать немного руку и перевязываю этой бечевкой руку выше раны...»

М.И. Ульянова: «С нетерпением караюлю... возвращение знакомой машины. Вот, наконец, она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади них — шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель».

Г.Я. Лозгачев-Елизаров: «Владимир Ильич нашел еще в себе столько самообладания... и сам, почти без посторонней помощи, поднялся домой по лестнице на самый верх».

С.К. Гиль: «Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня. Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойтесь, ничего особенного... Немного ранен в руку».

С.К. Гиль: «Владимир Ильич открыл глаза, болезненно посмотрел вокруг и сказал:

— Больно. Сердцу больно...

Винокуров и Бонч-Бруевич постарались успокоить Ильича:

— Сердце ваше не затронуто. Раны видны на руке и только. Это отраженная нервная боль.

— Раны видны?.. На руке?

— Да».

С.К. Гиль: «Мария Ильинична обратилась ко мне с просьбой сообщить Надежде Константиновне о несчастье как можно осторожней. Надежда Константиновна была в Народном комиссариате просвещения и ничего еще не знала. Когда я спускался во двор, меня догнал кто-то из Совета Народных Комиссаров, чтобы вместе идти предупредить Надежду Константиновну.

Мы ждали ее во дворе. Вскоре она подъехала. Когда я стал приближаться к ней, она, видимо, догадавшись по моему взволнованному лицу, что случилось нечто ужасное, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите — жив или убит?

— Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен, — ответил я.

Она постояла секунду и пошла наверх».

С.К. Гиль: «Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Где другая? Крупные сосуды не тронуты. Другой нет. Где же другая?..

Вдруг глаза профессора сосредоточенно остановились, лицо застыло. Отшатнувшись и страшно побледнев, он стал торопливо ощупывать шею Владимира Ильича.

— Вот она!

Он указал на противоположную, правую, сторону шеи. Доктора переглянулись, многое стало им ясно. Воцарилось гнетущее молчание. Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он».

Из биографической хроники В.И. Ленина, 1918, сентябрь, 2: «Данные рентгеновского исследования. Вклиненный оскольчатый перелом левой плечевой кости на границе средней и верхней трети. Надлом части левой лопаточной кости.

Одна пуля находится в мягких частях левого надплечья, а другая — в мягких частях правой половины шеи, кровоизлияние в полость левой плевры».

В.Н. Розанов: «Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой...

Надежда Константиновна... тихо спрашивает: «Ну что?» Я мог ответить только: «Тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный»...

На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так называемый гемоторакс. Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, **пройдя шею слева направо**, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых».

А.Н. Винокуров: «Одна пуля раздробила Владимиру Ильичу плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробила легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру, и засела спереди шеи под кожей.

Особенно опасно было второе ранение. Пуля прошла мимо самых жизненных центров: шейной артерии, шейной вены, нервов, поддерживающих деятельность сердца. Ранение одного из этих органов грозило неминуемой смертью, и каким-то чудом — случаем пуля не задела их. Здесь же проходит пищевод, и было опасение, не ранен ли он, что также грозило большой опасностью для жизни нашего вождя...»

В.А. Обух: «Необычайно слабая деятельность сердца, холодный пот, состояние кожи и плохое общее состояние как-то не вязались с кровоизлиянием, которое было не так сильно... Было высказано предположение, не вошел ли в организм вместе с пулями какой-то яд.

Осмотром был установлен несомненный перелом левой плечевой кости, ранение левой грудной клетки и левого легкого. Как результат последнего — большое скопление крови в полости левой плевры».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Перевязка была окончена, и Владимир Ильич уложен на высокие подушки. Прибыли сестры милосердия.

Профессор Минц, сказав все, что нужно, об уходе за Владимиром Ильичем и оставив свой адрес и телефон, собрался уезжать.

...О состоянии Владимира Ильича Минц не говорил ничего определенного, сказав лишь, что ранение принадлежит, несомненно, к разряду весьма тяжелых».

Б.С. Вейсброд: «Владимир Ильич сам ясно сознавал свое тяжелое положение, когда он, попросив остальных врачей выйти, задал мне вопрос:

— Вы коммунист?

Получив утвердительный ответ, он продолжал:

— Скажите мне откровенно, скоро ли конец? Если да, то мне нужно кое с кем поговорить.

Я успокоил Владимира Ильича, но он все же взял с меня слово, что если дело дойдет до развязки, то я должен его предупредить...

Обе пули проделали довольно извилистый путь вокруг сердца, крупных сосудов и шейных нервов...

Первая ночь, проведенная раненым Владимиром Ильичем в постели, была борьбой между жизнью и смертью. Сердечная деятельность была необычайно слаба. Больного донимали приступы одышки».

Официальный бюллетень № 1 30 августа 1918 г., 11 часов вечера: «Констатировано **два слепых огнестрельных поранения**; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровотечения. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги».

В.М. Бонч-Бруевич (Величкина): «Ранение, безусловно, крайне опасное, даже смертельное, если бы та пуля, которая засела

под челюстью, задела бы пищевод или позвоночный столб, но, видимо, этого нет. Ближайшие часы все определяют. Но я уверена, что пуля проскользнула, несколько поранив легкие, ничего не задев, иначе была бы кровавая рвота, а этого нет, хотя прошло уже почти три часа после ранения. Он будет жив...»

Официальный бюллетень № 9 от 2 сентября 1918 г., 9 часов 30 минут утра: «Пульс—120, полный; температура — 37,8; дыхание— 24. Ночь спал сравнительно спокойно, кашля не было. Чувствует себя бодрее. Общее состояние менее вялое.

На левой половине грудной клетки сзади выстукивается притупление, начиная с середины лопатки, и соответственно этому притуплению, дыхание не выслушивается (кровоизлияние в плевру).

В поврежденной верхней доле левого легкого, спереди выслушиваются влажные хрипы средней звонкости и среднего калибра в небольшом количестве.

Границы сердца нормальные. Сердце не смещено. Тоны выслушиваются только у основания. По-прежнему несколько глуховаты.

Над правой ключицей кровоизлияние почти рассосалось. Плотание совершенно свободно и безболезненно.

Рука не беспокоит».

Официальный бюллетень № 15 от 4 сентября 1918 г., 8 часов 30 минут утра: «Самочувствие хорошее. Дышит свободно. Рука не беспокоит. Ночь провел спокойно».

«Правда», 5 сентября 1918 г. «Ильич почти здоров (Беседа с д-ром Обухом)»: «Я только что беседовал с тов. Обухом. Тов. Обух, со своей обычной экспансивностью, говорит: «Ильич почти здоров; температура, пульс, сон — все физиологические отправления совершенно нормальны». Я спросил: «Значит, через неделю, полторы встанет?»

— Если не раньше,— сказал тов. Обух.

— А пули? А операция?

— Ну, что ж, их хоть и сейчас можно вынуть,— они лежат на самой поверхности. Во всяком случае, извлечение их никакой опасности не представляет, и Ильич будет через несколько дней совершенно здоров.

Несмотря на всю оптимистичность тов. Обуха, надо думать, что он на этот раз близок к истине».

В. Десницкий: «В моей памяти — одна из первых после 1917 г. встреча Горького с Лениным...

Горький сумрачно расспрашивал Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ощупывал шею, мускулы руки. Владимир Ильич прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича. Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился».

18 сентября 1918 года газета «Правда» поместила последний официальный бюллетень о состоянии здоровья В.И. Ленина: «Температура нормальная. Пульс хороший. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо. **Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяют отложить удаление их до снятия повязки.** Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами».

К бюллетеню Ленин сделал приписку: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия, покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами. 18 сентября 1918 г. В. Ульянов (Ленин)».

В.Н. Розанов: «Об операции было условлено делать ее у меня, 23 апреля, и что Владимир Ильич придет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10 с половиной часов. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет по-подробнее посмотреть нашу больницу».

Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровоостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы да скальпель — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и, так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще полтора часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я до сих пор и не знаю, зачем он это говорил, — думаю, из галантности... Владимир Ильич приехал точно в 12 часов, с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н.А. Семашко. В операционную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: «Кто же будет оперировать?» Я ему ответил: «Немец, конечно, для чего же он приехал?» Николай Александрович согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно. Владимир Ильич, видно, совсем не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого...»

Медсестра Е.А. Нечкина: «Вскоре к корпусу подъехал автомобиль, и я увидела в окно: из машины вышел Владимир Ильич и с группой спутников направился в корпус. Он снял пальто внизу на площадке и быстро поднялся наверх. Затем его провели в операционную, чтобы извлечь пулю, которая осталась в теле Ильича после злодейского покушения бандитки Каплан в 1918 году».

Из стенограммы заседания Верховного Революционного Трибунала ВЦИК РСФСР:

Пятаков: Покушение на Ленина произведено при помощи револьвера с отравленным ядом «кураре» пулями.

Пуля, извлеченная из раны Ленина 23 апреля 1922 года, оказалась размером от среднего браунинга. Она была крестообразно надрезана через всю толщу оболочки по протяжению всего корпуса. Пуля приложена к делу Каплан и была предъявлена подсудимым эсерам для осмотра.

«Известия ВЦИК» 4 сентября 1918 г.: «Вчера по постановлению ВЦИК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

Из книги П.Д. Малькова «Записки коменданта Кремля»: «Было 4 часа 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков — собственноручно».

Возникло было затруднение с захоронением трупа Каплан. Разрешил его вездесущий Председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов. Он сказал Малькову: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа».

И уничтожили. Труп Каплан облили бензином и сожгли в железной бочке под сенью Александровского сада. Помогал Малькову в этой процедуре поэт Демьян Бедный.

Конечно, ни о каком помиловании Ф. Каплан-Ройдман в 1918 году речи не могло быть.

ВЫВОД

Фаня Каплан участвовала в покушении на В.И. Ленина.

Когда Ленин выходил из цеха, полуслепая Каплан выстрелила ему в грудь, но выстрел был неточен. Пуля попадает в руку, повреждает плечевую кость и ранит женщину, стоявшую рядом с Лениным. Вторая пуля повреждает легкое и застревает в шее.

Раненого Ленина Гиль везет в Кремль, не желая заезжать в больницу по дороге.

И.В. Полуторный нашел веревку и перетянул руку, останавливая кровотечение. Бежавший за стрелявшей С.Н. Батулин почему-то решил далее ее не преследовать, а, обернувшись назад, увидел растерянную полуслепую женщину, стоящую с портфелем и зонтиком — и сразу понял, что она и есть убийца. Она и была расстреляна как террористка.

Три выстрела в сердце революции

...Эти мерзавцы позволили себе стрелять не простыми пулями, а отравленными ядом кураре. Теперь только понятна картина того состояния, в котором мы застали Владимира Ильича после покушения... Пули изрешетили его тело в наиболее опасном месте...

Н.А. Семашко

Николай Костин: «Как таковой, личной охраны, государственной охраны фактически не было. Каждый раз она поручалась различным организациям. Вменялась шоферам, которые возили Владимира Ильича».

Н. Я. Иванов: «Еще задолго до прибытия тов. Ленина пришла на митинг женщина, которая потом была ранена стрелявшей. Она держала себя как-то совершенно по-особенному: взволнованная ходила и все как будто порывалась говорить. Можно было предположить, что она — партийный работник, но ее никто не знал. Она стояла около трибуны...»

С.К. Гиль: «Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я...

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода».

С.К. Гиль: «Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич хотел сделать последние шаги к подножке машины, вдруг раздался выстрел...»

С.К. Гиль: «Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась **в грудь** Владимира Ильича. Раздался еще один выстрел.»

С.К. Гиль: «Я тотчас же застопорил машину и бросился к стрелявшей с наганом, целясь ей в голову. Она кинула браунинг мне под ноги, быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом было так много народа, что я не решился выстрелить ей вдогонку, так как чувствовал, что, наверное, убью кого-нибудь из рабочих. Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, но мне тут вдруг ударило в голову: «Ведь Владимир Ильич один... Что с ним?» Я остановился. С секунду была страшная, мертвая тишина. Потом вдруг все закричали: «Убили! Убили!..», и разом вся толпа шарахнулась бежать со двора... Образовалась сильная давка. Я обернулся и увидел Владимира Ильича упавшим на землю. Я бросился к нему. За эти мгновения двор уже опустел, и стрелявшая женщина скрылась с толпой».

Н.Я. Иванов: «...люди, которые шли за Ильичем, бросились обратно в корпус с криком: «Стреляют!» Мне было трудно пробиться через толпу. Я бросился прямо с трибуны в ближайшее окно и выскочил во двор. Увидел около машины лежащего Владимира Ильича...»

С.К. Гиль: «Я побежал к Владимиру Ильичу и, став перед ним на колени, наклонился к нему. Сознания он не потерял и спросил:

— Поймали его или нет?

Он, очевидно, думал, что в него стрелял мужчина. Я вижу, что спросил тяжело, изменившимся голосом и с каким-то хрипом, и сказал ему:

— Молчите, не говорите. Вам тяжело.

В эту минуту поднимаю голову и вижу, что из мастерских бежит в матросской фуражке какой-то странный мужчина, в страшно возбужденном состоянии. Левой рукой размахивает, правую держит в кармане и бежит стремглав прямо на Владимира Ильича.

Мне вся его фигура показалась подозрительной, и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно голову его; почти лег на него и закричал изо всех сил:

— Стой! — И направил на него револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я крикнул:

— Стой! Стреляю!

Он, не добежав несколько шагов до Владимира Ильича, круто повернул налево и бросился бежать в ворота, не вынимая руки из кармана. В это же время с криком ко мне подбежала сзади какая-то женщина.

— Что вы делаете? Не стреляйте!.. — крикнула она, очевидно, предположив, что я хочу стрелять во Владимира Ильича.

«Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.: «Вчера в ВЧК по объявлению в газете явился один из рабочих, присутствовавших на митинге, и принес револьвер, отобранный у Каплан. В обойме оказалось три нерасстрелянных патрона из шести.

Осмотром револьвера и показаниями свидетелей удалось с точностью установить, что всего было произведено в тов. Ленина три выстрела...»

Н.Я. Иванов: «Чья рука могла совершить такое преступление, в толпе нельзя было узнать. Во дворе толпилось много ребятшек. В годы революции они привыкли к выстрелам и не боялись их.

— Дяденька Иванов, какая стреляла, та на Серпуховку побежала к трамваю! — закричали ребята.

Я выбежал из ворот. Впереди меня, перегоняя друг друга, неслись ребята».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Толпа бежала, сначала не зная, где та или тот, кто стрелял во Владимира Ильича.

Ребятишки, бывшие во дворе во время покушения, гурьбой бежали за стрелявшей и кричали:

— Вот она! Вот она!»

Николай Костин: «Капкан задержали, а на ее сообщника — дежурного боевика Новикова — никто не обратил внимания. Террорист загипнотизировал рабочих матросской формой и оказался вне подозрений. Он попытался исправить ошибку Капкан. Кинулся с револьвером к упавшему Ленину, но его успел заслонить собой шофер Гиль. Новикову ничего не оставалось, как скрыться за воротами в толпе и воспользоваться пролеткой с рысаком, приготовленной им для Капкан».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Оказалось, что женщина-убийца выбежала вместе с толпой со двора завода. С толпой же выбежала и та женщина, которая расспрашивала Владимира Ильича о заградительных отрядах и, как оказалось после, была ранена третьей пулей. Она сначала не почувствовала ранения, а потом упала и была доставлена в больницу».

С.Н. Батулин: «Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до того спокойно стоявшую у автомобиля, разбегающуюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. **Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел.** Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу тов. Ленина!» И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди...

Добежавши до так называемой «стрелки» на Серпуховке, я увидел бежавших двух девушек, которые, по моему глубокому убеждению, бежали по той причине, что позади них бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать.

В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карма-

ны и взяв ее портфель и зонтик, предложил идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленину: «Зачем вы стреляли в тов. Ленину?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленину».

Ранение

Н.Я. Иванов: «Тов. Ленин был ранен. Одновременно была ранена одна из женщин, занимавших тов. Ленина разговорами при выходе во двор.

Раненую отвезли в больницу. Когда пришли в Петропавловскую больницу взять белье для раненой, то выяснилось, что она кастелянша из этой больницы... что она явилась совершенно невинной жертвой террора буржуазной наймитки».

С.К. Гиль: «Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из Военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам, с нашей помощью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога».

Николай Костин: «Жизнь Владимира Ильича на заводе Михельсона подверглась смертельной опасности. Но он этого не осознавал. Когда красноармеец Сафонов спросил его, куда он ранен, Ленин ответил: «В руку».

Подошла сотрудница Московского горкома партии Гончарова и стала успокаивать Владимира Ильича. Помогла Гилю, Сафронову и Полуторному усадить его в автомобиль. Он сел, как всегда, на заднее сиденье. Раньше, чем взяться за руль, Гиль посмотрел на Владимира Ильича. Лицо его было бледно, глаза полузакрыты. Весь он как-то притих. Сердце Гиля сжалось, как от физической боли, к горлу что-то подступило... Он вдруг осознал, что Ильича можно не довезти до Кремля. Навеки потерять. Но предаваться горю было некогда. Надо было действовать, так же как действовал фельдшер Сафронов. Он остановил кровотечение. Сделал перевязку. Жизнь Владимира Ильича должна быть спасена.

Гиль поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога.

У Серпуховских ворот Владимир Ильич забеспокоился.

— **Страшно горит рука**, — сказал он, — **нельзя ли посмотреть, что с рукой?..**

Сопровождавшие Владимира Ильича товарищи, увидев на рукаве рубашки кровавое пятно, предложили захватить на Большую Полянку, в Иверскую общину — для перевязки.

— Нигде не останавливаться, — решительно ответил Владимир Ильич. — Ехать прямо в Кремль.

В пути Гиль несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. С половины дороги он откинулся всем туловищем на спинку сиденья. Не стонал, не издавал ни одного звука. Только лицо его становилось все бледнее и бледнее. Сафронов слегка поддерживал Владимира Ильича там, где дорога оказывалась особенно тряской.

Въехали в Троицкие ворота Кремля. Гиль не остановился, а только крикнул часовым: «Ленин!» И повернул к зданию Совнаркома. Чтобы не привлекать внимание прохожих у парадного подъезда, он оставил машину у боковых дверей, за аркой. Полуторный и Сафронов помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Гиль обратился к нему:

— Мы вас внесем, Владимир Ильич...

Ленин наотрез отказался. Гиль, Полуторный и Сафронов стали просить и убеждать его, что ему трудно и вредно двигаться, особенно подниматься по лестнице. Никакие уговоры не помогли. Владимир Ильич твердо сказал:

— Я пойду сам. — И, обращаясь к Гилю, прибавил: — Снимите пиджак, так мне будет легче идти».

Из справки С.К. Гиля от 31 октября 1960 года: «Дана в том, что я, ГИЛЬ СТЕПАН КАЗИМИРОВИЧ, 1888 года рождения, проживающий в г. Москве, по Измайловскому бульвару, дом 9, кв.24, много лет работавший шофером на автомашине Владимира Ильича Ленина, подтверждаю тот факт, что 30 августа 1918 года, когда Владимир Ильич был ранен на заводе Михельсона [ныне завод им. Владимира Ильича] эсеркой Каплан, то тов. Сафронов Андрей Андреевич, 1893 года рождения, проживающий в настоящее время в г. Москве, по Мытной улице, дом 23, корпус 9, кв. 398, поднял в машину раненого Владимира Ильича».

ча, оказал ему первую медицинскую помощь и сопровождал его в Кремль, где помог Владимиру Ильичу выйти из автомашины и дойти до квартиры.

Текст справки и подпись руки С.К. Гиля заверена Государственным нотариусом Алексеевым: реестр N 2-11629».

В неизданных воспоминаниях, хранящихся в семье Сафроновых, Андрей Андреевич писал: «Когда мы ехали по тряской мостовой, Владимир Ильич кашлял и сплевывал кровь. Тогда я стал осматривать Владимира Ильича и нашел над правой лопаткой другое ранение, но выходного отверстия не было. Мне стало страшно. Я понял всю серьезность положения и я стал просить шофера, чтобы он заехал в первую попавшуюся больницу, но он категорически отказался и поехал в Кремль.

За время пути от Замоскворечья до Кремля по тряской дороге Владимир Ильич не издал ни одного стола и слова жалобы на боль. Я был поражен огромной силой его воли, так мужественно переносившим тяжелое ранение.

Когда мы подъезжали к квартире, я сказал Владимиру Ильичу, что пойду за носилками, но он ответил, что носилки не нужны.

— Потихоньку дойдем.

На лестнице Владимира Ильича и сопровождавших его товарищей встретила Мария Ильинична.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

— Успокойся, Маняша, ничего особенного. Немного ранен в руку...

Мария Ильинична в недоумении смотрела то на Гиля, то на незнакомых ей Полуторного и Сафронова, то на Владимира Ильича без пиджака и с перевязанной рукой».

М.И. Ульянова: «С нетерпением караулю... возвращение знакомой машины. Вот, наконец, она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади них — шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель».

Г.Я. Лозгачев-Елизаров: «Владимир Ильич нашел еще в себе столько самообладания... и сам, почти без посторонней помощи, поднялся домой по лестнице на самый верх».

С.К. Гиль: «Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня. Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойтесь, ничего особенного... Немного ранен в руку».

С.К. Гиль: «Владимир Ильич открыл глаза, болезненно посмотрел вокруг и сказал:

— Больно. Сердцу больно...

Винокуров и Бонч-Бруевич постарались успокоить Ильича:

— Сердце ваше не затронуто. Раны видны на руке и только. Это отраженная нервная боль.

— Раны видны?.. На руке?

— Да».

С.К. Гиль: «Мария Ильинична обратилась ко мне с просьбой сообщить Надежде Константиновне о несчастье как можно осторожней. Надежда Константиновна была в Народном комиссариате просвещения и ничего еще не знала. Когда я спустился во двор, меня догнал кто-то из Совета Народных Комиссаров, чтобы вместе идти предупредить Надежду Константиновну.

Мы ждали ее во дворе. Вскоре она подъехала. Когда я стал приближаться к ней, она, видимо, догадавшись по моему взволнованному лицу, что случилось нечто ужасное, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите — жив или убит?

— Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен, — ответил я.

Она постояла секунду и пошла наверх».

С.К. Гиль: «Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстоя-

ние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Где другая? Крупные сосуды не тронуты. Другой нет. Где же другая?..

Вдруг глаза профессора сосредоточенно остановились, лицо застыло. Отшатнувшись и страшно побледнев, он стал торопливо ощупывать шею Владимира Ильича.

— Вот она!

Он указал на противоположную, правую, сторону шеи. Доктора переглянулись, многое стало им ясно. Воцарилось гнетущее молчание. Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он».

Из биографической хроники В.И. Ленина, 1918, сентябрь, 2: «Данные рентгеновского исследования. Вклиненный оскольчатый перелом левой плечевой кости на границе средней и верхней трети. Надлом части левой лопаточной кости. Одна пуля находится в мягких частях левого надплечья, а другая — в мягких частях правой половины шеи, кровоизлияние в полость левой плевры».

В.Н. Розанов: «Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой...»

Надежда Константиновна... тихо спрашивает: «Ну что?» Я мог ответить только: «Тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный»...

На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так называемый гемо-

торах. Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, **пройдя шею слева направо**, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых».

А.Н. Винокуров: «Одна пуля раздробила Владимиру Ильичу плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробилась легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру, и засела спереди шеи под кожей.

Особенно опасно было второе ранение. Пуля прошла мимо самых жизненных центров: шейной артерии, шейной вены, нервов, поддерживающих деятельность сердца. Ранение одного из этих органов грозило неминуемой смертью, и каким-то чудом — случаем пуля не задела их. Здесь же проходит пищевод, и было опасение, не ранен ли он, что также грозило большой опасностью для жизни нашего вождя...»

В.А. Обух: «Необычайно слабая деятельность сердца, холодный пот, состояние кожи и плохое общее состояние как-то не вязались с кровоизлиянием, которое было не так сильно... Было высказано предположение, не вошел ли в организм вместе с пулями какой-то яд.

Осмотром был установлен несомненный перелом левой плечевой кости, ранение левой грудной клетки и левого легкого. Как результат последнего — большое скопление крови в полости левой плевры.

Из числа трех пуль, выпущенных во Владимира Ильича, две остались в теле: одна в правой подключичной ямке, другая под кожей спины».

В.Д. Бонч-Бруевич: «Перевязка была окончена, и Владимир Ильич уложен на высокие подушки. Прибыли сестры милосердия.

Профессор Минц, сказав все, что нужно, об уходе за Владимиром Ильичем и оставив свой адрес и телефон, собрался уезжать.

...О состоянии Владимира Ильича Минц не говорил ничего определенного, сказав лишь, что ранение принадлежит, несомненно, к разряду весьма тяжелых».

Б.С. Вейсброд: «Владимир Ильич сам ясно сознавал свое тяжелое положение, когда он, попросив остальных врачей выйти, задал мне вопрос:

— Вы коммунист?

Получив утвердительный ответ, он продолжал:

— Скажите мне откровенно, скоро ли конец? Если да, то мне нужно кое с кем поговорить.

Я успокоил Владимира Ильича, но он все же взял с меня слово, что если дело дойдет до развязки, то я должен его предупредить...

Обе пули проделали довольно извилистый путь вокруг сердца, крупных сосудов и шейных нервов. Третья пуля, к счастью, пробила лишь пиджак Владимира Ильича, не задев его самого. За это говорит то обстоятельство, что следы от пули на пиджаке не совпадали с ранениями на теле.

Первая ночь, проведенная раненым Владимиром Ильичем в постели, была борьбой между жизнью и смертью. Сердечная деятельность была необычайно слаба. Больного донимали приступы одышки».

Официальный бюллетень № 1 от 30 августа 1918 г., 11 часов вечера: «Констатировано два слепых огнестрельных поранения; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровотечения. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги».

В.М. Бонч-Бруевич (Величкина): «Ранение, безусловно, крайне опасное, даже смертельное, если бы та пуля, которая засела под челюстью, задела бы пищевод или позвоночный столб, но, видимо, этого нет. Ближайшие часы все определяют. Но я уверена, что пуля проскользнула, несколько поранив легкие, ничего не задев, иначе была бы кровавая рвота, а этого нет, хотя прошло уже почти три часа после ранения. Он будет жив...»

Официальный бюллетень № 9 от 2 сентября 1918 г., 9 часов 30 минут утра: «Пульс—120, полный; температура — 37,8; дыхание — 24. Ночь спал сравнительно спокойно, кашля не было. Чувствует себя бодрее. Общее состояние менее вялое.

На левой половине грудной клетки сзади выстукивается притупление, начиная с середины лопатки, и соответственно этому притуплению, дыхание не выслушивается (кровоизлияние в плевру).

В поврежденной верхней доле левого легкого, спереди выслушиваются влажные хрипы средней звонкости и среднего калибра в небольшом количестве.

Границы сердца нормальные. Сердце не смещено. Тоны выслушиваются только у основания. По-прежнему несколько глуховаты.

Над правой ключицей кровоизлияние почти рассосалось. Глотание совершенно свободно и безболезненно.

Рука не беспокоит».

Официальный бюллетень № 15 от 4 сентября 1918 г., 8 часов 30 минут утра: «Самочувствие хорошее. Дышит свободно. Рука не беспокоит. Ночь провел спокойно».

«Правда», 5 сентября 1918 г. «Ильич почти здоров (Беседа с д-ром. Обухом): «Я только что беседовал с тов. Обухом. Тов. Обух, со своей обычной экспансивностью, говорит: «Ильич почти здоров; температура, пульс, сон — все физиологические отправления совершенно нормальны». Я спросил: «Значит, через неделю, полторы встанет?»

— Если не раньше,— сказал тов. Обух...

— А пули? А операция?

— Ну, что ж, их хоть и сейчас можно вынуть,— они лежат на самой поверхности. Во всяком случае, извлечение их никакой опасности не представляет, и Ильич будет через несколько дней совершенно здоров.

Несмотря на всю оптимистичность тов. Обуха, надо думать, что он на этот раз близок к истине».

В. Десницкий: «В моей памяти — одна из первых после 1917 г. встреча Горького с Лениным...

Горький сумрачно расспрашивал Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ощупывал шею, мускулы руки. Владимир Ильич прямо и строго смотрел на Алексея

Максимовича. Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился».

18 сентября 1918 года газета «Правда» поместила последний официальный бюллетень о состоянии здоровья В.И. Ленина: «Температура нормальная. Пульс хороший. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо. Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяют отложить удаление их до снятия повязки. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами».

К бюллетеню Ленин сделал приписку: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия, покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами. 18 сентября 1918 г. В. Ульянов (Ленин)».

В.Н. Розанов: «Об операции было условлено делать ее у меня, 23 апреля, и что Владимир Ильич придет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10 с половиной часов. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу.

Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровоостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы да скальпель — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и, так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще полтора часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольстви-

ем ему поассистирую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я до сих пор и не знаю, зачем он это говорил, — думаю, из галантности... Владимир Ильич приехал точно в 12 часов, с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н.А. Семашко. В операционную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: «Кто же будет оперировать?» Я ему ответил: «Немец, конечно, для чего же он приехал?» Николай Александрович согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно. Владимир Ильич, видно, совсем не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого...»

Медсестра Е.А. Нечкина: «Вскоре к корпусу подъехал автомобиль, и я увидела в окно: из машины вышел Владимир Ильич и с группой спутников направился в корпус. Он снял пальто внизу на площадке и быстро поднялся наверх. Затем его провели в операционную, чтобы извлечь пулю, которая осталась в теле Ильича после злодейского покушения бандитки Каплан в 1918 году».

Из стенограммы заседания Верховного Революционного Трибунала ВЦИК РСФСР:

Пятаков: Покушение на Ленина произведено при помощи револьвера с отравленным ядом «кураре» пулями.

Пуля, извлеченная из раны Ленина 23 апреля 1922 года, оказалась размером от среднего браунинга. Она была крестообразно надрезана через всю толщу оболочки по протяжению всего корпуса. Пуля приложена к делу Каплан и была предъявлена подсудимым эсерам для осмотра.

Казнь

«*Известия ВЦИК*» 4 сентября 1918 г.: «Вчера по постановлению ВЦИК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

Из книги П.Д. Малькова «*Записки коменданта Кремля*»: «Было 4 часа 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. При-

говор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков — собственноручно».

Возникло было затруднение с захоронением трупа Каплан. Разрешил его вездесущий Председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов. Он сказал Малькову: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа».

И уничтожили. Труп Каплан облили бензином и сожгли в железной бочке под сенью Александровского сада. Помогал Малькову в этой процедуре поэт Демьян Бедный.

ВЫВОД

Фаня Каплан вместе с В. Новиковым участвовала в покушении на В.И. Ленина.

Когда Ленин выходил из цеха, полуслепая Каплан выстрелила ему в грудь, но выстрел был неточен. Пуля попадает в руку, повреждает плечевую кость и ранит женщину, стоявшую рядом с Лениным. Новиков хотел добить Ленина, но испугался и сбежал.

Ленина усаживают в автомобиль. Ленин приказывает нигде не останавливаться и ехать в Кремль. По пути фельдшер Сафронов накладывает жгут на раненую руку Владимира Ильича. Каплан приговорена к расстрелу.

Но как попали пули в спину?!

Кто же?

Что же было на самом деле?

Вероятнее всего, **30 августа 1918 года в Ленина стреляла не эсерка Ф. Каплан, а два террориста:**

Лидия Коноплева, тоже эсерка, тоже террористка. Из того же Центрального боевого отряда при ЦК ПСР, руководимого Григорием Семеновым.

Ее напарником был **Новиков Василий Алексеевич, 1883 года рождения.**

Именно потому, что стреляли двое, у Ленина, в которого женщина стреляла спереди, ранения в спину.

А Фанни Каплан досталась незаслуженная слава.

Вот и все*.

* Это при условии, что мы не сомневаемся в том, что выстрелы были, хотя...

Заключение

И в заключение придется признать, что наши историки столь самозабвенно ввали себе и другим, что в эту «новую правду» поверили и другие народы.

И туристы приезжают на тульское Куликово поле, где никогда не было Мамаева побоища, и смотрят фильм о том, как святой Александр Невский на льду озера устраивает бой, которого никогда не было ни у какого Воронья камня. И археологи просят денег на раскопки могил поляков, которые никогда не нападали на деревню Домнино и никогда не гибли в Вологодских лесах. И мятежники Минин и Пожарский спасают Россию от поляков, когда у власти была Семибоярщина, и, между прочим, при непосредственном участии семьи Романовых, находившихся в Кремле вместе с «поляками». И Романовы правят 300 лет, хотя какое отношение имеет к Романовым немка Екатерина Великая? Да и все остальные царствующие особы после гибели внука Петра I.

Содержание

От автора	3
Апостол, который не крестил Русь Круиз вокруг Европы	5
Легенда о трех братьях, основателях города Кия	6
О первом крещении Руси	14
Миф о Святом Владимире и принятии Русью православия	16
Житие великого князя Владимира, в святом крещении Василия	17
«Исповедание веры» Михаила Синкелла Иерусалимского	45
О Владимире-Кавусе Красном Солнышке Стольно-Киевском	59
О разделении Церквей на православные и мусульманские и об отлучении Аллаха от греческой православной Церкви	63
Твой щит на вратах Царьграда	71
«Слово о полку Игореве»	77
Б. Рыбаков	79
Князь Игорь и хан Кончак	79
С. Плетнева, д.и.н.	89
Заметки археолога о маршруте князя Игоря	89
А. Косорукова	95
Что за река: «Каяла»?	95
А. Никитин	96
Половецкая Русь	96
Ярославна, кто она?	103
П.Н. БЕРКОВ	106
Первое объявление о продаже «Слова о полку Игореве»	106
Повесть о разорении Рязани Батыем	112
Татаро-монгольское нашествие на Русь	123
Иго	133
Что такое Иго?	135
О побоище на льду Чудского озера	137
Официальная версия события	137
После Ледового побоища	155

На Куликовом поле русских былин	159
«Побоище за Доном», более известное как «Куликовская битва»	160
Задонщина. Кирилло-Белозерский список	165
Задонщина. Реконструкция на основе Списка Ундольского	171
Краткая летописная повесть	187
О великом побоище, которое было на Дону	187
Пространная летописная повесть	190
О побоище, которое было на Дону, и о том, как князь великий бился с Ордою	190
«Сказание о мамеевом побоище»	204
Кого в старину называли князьями Донскими?	219
О встрече литовских рыцарей на Березуе	223
После сражения	228
Мифологизация новоназначенного Куликова поля	231
Крестовый поход Ивана III на неверных Новгорода (1471 г.)	235
Иван Сусанин	238
Дело о покушении Фанни Каплан на В.И. Ленина	247
О Фанни Каплан	247
Один выстрел в сердце революции	248
Два выстрела в сердце революции	257
Три выстрела в сердце революции	270
Кто же?	284
Заключение	285

Научно-популярное издание

Бычков Алексей Александрович

**ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ
И ДРУГИЕ
«МИФЫ» РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Ведущий редактор *Я.Н. Плигина*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *М.Р. Хафизов*
Компьютерная верстка *Т.Т. Соловьева*
Корректор *Л.И. Гордеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 26.02.08. Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 15,12.

С.: Ист. библиотечный фонд (84). Тираж 3000 экз. Заказ № 1441.

С.: Ист. библиотечный фонд (новая). Тираж 5000 экз. Заказ № 1440.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»

115191, Москва, а/я 98

www.rus-olimp.ru

E-mail: olimpus@dol.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»

144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Величие нашего народа — в легендах! В России до XVI века почти все общество оставалось безграмотным. Летописи появились лишь в конце XIV века, да и то слабо отражающие историческую действительность.

Это национальная традиция — нас мало заботит, как все было на самом деле. Гораздо более ценно романтическое видение нашей (обязательно древней и обязательно великой) истории.

И хотя автор этой книги приводит реальные документы и факты, подтверждающие, что никакого нашествия Золотой Орды не было, Ледовое побоище — всего лишь миф, Иван Сусанин никогда не встречался с поляками, а Фанни Каплан и пальцем не тронула Ленина, многие все равно воскликнут: «Не верю!»

Легенда жила, живет и будет жить!

Историческая библиотека

ISBN 978-5-17-050850-1

9 785170 508501